

КЪ ВОПРОСУ
ОБЪ УЙГУРАХЪ

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ИЗДАНІЮ БУДАТЕУ-ВИЛІКА

В. В. РАДЛОВА

Читано въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 24 октября 1890 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXXII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ
№ 2

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1893

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Коми., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ

Цѣна 85 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1893 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Къ вопросу объ Уйгурахъ.

1. О прозвищѣ „Уйгуръ“ и его происхожденіи.

Древнѣйшій обзоръ совокупности Тюркскихъ племенъ и ихъ происхожденія мы находимъ у Рашидъ-Эдина въ جامع التواريخ, т. е. у писателя второй половины XIII столѣтія. По собственному признанію, авторъ заимствовалъ приводимыя имъ извѣстія частью изъ устныхъ разсказовъ именитыхъ людей разныхъ племенъ, частью изъ книгъ. Сознвая отрывочность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, Рашидъ-Эдинъ объясняетъ ее трудностью принятой имъ на себя задачи, такъ какъ въ его распоряженіи не имѣлось никакихъ, точно составленныхъ поколѣнныхъ росписей, ни родословій княжескихъ родовъ. Рашидъ-Эдинъ подраздѣляетъ всѣ кочевыя племена, обитавшія, вмѣстѣ со своими стадами, Туркестанъ, Уйгуристанъ и Монголію между Дешти-Кипчакомъ и Китаемъ, Ибиръ-Сибиромъ и Персією, на три главныя группы:

- 1) Огусскія и родственныя имъ, чисто-тюркскія, племена;
- 2) Племена, слывшія въ XIII в. за Монголовъ, но, въ дѣйствительности, имѣвшія смѣшанное происхожденіе и
- 3) Племена дѣйствительно монгольскаго корня.

По свидѣтельству лицъ, которыя доставили Рашидъ-Эдину свѣдѣнія, которому, разумѣется, можетъ быть придаваемо значеніе лишь преданія ¹⁾, всѣ тюркскія племена происхо-

1) Каждый, кому приходилось собирать среди какого-нибудь племени устные преданія о его происхожденіи, слыхивалъ (какъ я знаю изъ собственнаго опыта) подобные-же разсказы.

дять отъ рода Огузь-Хана (اوغوز خان), сына Кара-Хана (قارا خان), внука Дибъ-Бакуя (ديب باقوى), который въ свою очередь является сыномъ Абульджи-Хана (ابولجه خان), бывшаго непосредственнымъ сыномъ (потомкомъ) Ноя. Огузь въ ранней молодости обратился въ исламъ; по этой причинѣ между нимъ и его отцомъ, Кара-Ханомъ¹⁾, возгорѣлось междуусобіе, изъ котораго сынъ и вышелъ побѣдителемъ. Потомками Караханидовъ якобы являются тюркскія племена Уйгуровъ, Кипчаковъ, Канглы, Карлыкъ, Калачъ и Агачары, получившія будто-бы свои прозвища отъ самаго Огузь-Хана.

Затѣмъ разсказывается о предоставленіи вышеозначеннымъ племенамъ ихъ прозвищъ; разсказъ этотъ, очевидно, имѣетъ характеръ саги, образовавшейся впоследствии изъ народнаго толкованія этимологій именъ этихъ племенъ, т. е. изъ попытокъ выводить прозвища племенъ изъ созвучныхъ тюркскихъ словъ, при чемъ на значеніи послѣднихъ строились цѣлые разсказы о причинахъ обусловившихъ эти названія. Такъ напр. Уйгуръ приурочивается къ тюркскому слову уй (слѣдовать), Канглы = Кангъ (возъ, колесница), Кипчакъ = Кубукъ (пустой въ серединѣ), Карлыкъ = Каръ (снѣгъ), Калачъ = Калъ (оставайся) и ачъ (голодный), Агачары = агачъ (дерево) и эри (его мужъ).

Относительно Уйгуровъ мы находимъ у Рашидъ-Эддина слѣдующій разсказъ:

Въ то время какъ между Огузомъ, отцомъ и дядями изъ-за поклоненія его Богу возникла вражда, и они начали войну и битвы, нѣкоторые изъ родичей Огуза соединились съ нимъ и, взявъ его сторону, оказывали ему помощь и поддержку; нѣкоторые же приняли сторону отца, дядей и братьевъ его. Тѣмъ,

1) Это преданіе до сихъ поръ живетъ среди тюркскихъ кочевыхъ племенъ. — См. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, ч. V, Манась. 2-й эпизодъ.

которые соединились съ нимъ и оказались его помощниками, Огузь далъ имя Уйгуръ. Значеніе этого имени, каковое есть слово турецкое, по персидски будетъ *«онъ соединился съ нами и оказалъ помощь и соласіе»*.

Абульгазій сообщаетъ тоже преданіе, но, въ качествѣ тюрка, пытается словопроизводство прозвища «Уйгуръ» обосновать болѣе точно.

«Огузь-Ханъ даровалъ имъ наименованіе Уйгуръ. Уйгуръ — тюркское слово, значеніе котораго извѣстно всему міру — оно означаетъ «сторонникъ (япышгуръ)». Говорятъ: молоко створаживается (уюнды) — покуда молоко остается молокомъ, отдѣльныя его части отдѣлены другъ отъ друга, но когда молоко свернется, его отдѣльныя частицы сплавиваются, соединяются вмѣстѣ; также говорятъ: я сообразуюсь, слѣдую Имаму, т. е. когда онъ садится, и я сажусь, — онъ стоитъ и я стою. А развѣ это не значитъ «пристать», когда они пришли и обѣими руками крѣпко ухватились за полу кафтана Огузь-Хана; тутъ ихъ Ханъ и назвалъ Уйгурами, т. е. приставшими, сторонниками».

Я привелъ здѣсь дословно оба объясненія слова Уйгуръ, ибо эти именно объясненія стали точкою отправленія для цѣлаго ряда соображеній, посвящаемыхъ различными учеными объясненію этого прозвища. Такъ Клапротъ, въ своемъ изслѣдованіи «Языкъ и письменность Уйгуровъ», сопоставляетъ цѣлый рядъ извѣстій объ Уйгурахъ въ доказательство тюркскаго ихъ происхожденія и естественно на первый планъ здѣсь выдвигаются свидѣтельства Рашидь-Эддина и Абульгазія.

Для изслѣдователя монгольскаго языка и народа Я. И. Шмидта, который пытается опровергнуть воззрѣніе Клапрота, и, въ свою очередь, выставляетъ предположеніе, будто Уйгуры тибетскаго происхожденія, почему и ихъ прозвище слѣдуетъ выводить изъ монгольскаго языка, этимологія Рашидь-Эддина и Абульгази оказывается совершенно неудобною, а потому и оспа-

ривается имъ весьма рѣшительно¹⁾. «Абульгазій», говоритъ онъ, «который хватается за каждый случай истолковывать значеніе словъ, хотя бы и не понималъ ихъ, и здѣсь проявляетъ свое неудачное остроуміе, но эта жалкая этимологія (?) для насъ безразлична, разъ мы знаемъ, что «Уйгуръ», въ смыслѣ слова, имѣющаго дѣйствительно значеніе (sic!), встрѣчается лишь въ монгольскомъ языкѣ и обозначаетъ чужестранца, языкъ коего не понятенъ; слово это въ этомъ значеніи вѣроятно и было примѣнено для обозначенія Тангутовъ». Далѣе, по выводу Я. И. Шмидта, оказывается, будто показаніе Рашидъ-Эдина основано на опискѣ и ошибкѣ въ произношеніи подлежащаго слова, что произошло отъ неправильной постановки диакритической точки надъ монгольскимъ словомъ ᠬᠤᠨᠢᠭᠦᠷ (товарищъ).

Эта этимологія слова Уйгуръ, выставленная Шмидтомъ, вызвала Клапрота на возраженіе и побудила его распространиться объ этимологіи, приводимой Абульгазіемъ; въ защиту ея приводятся нижеслѣдующія соображенія:

«Достойные вѣры авторы свидѣтельствуютъ, что слова *ouïgour* и *ïoghour* означаютъ «привязанный», «присоединенный» — тотъ-же корень встрѣчаемъ мы и въ латинскомъ словѣ *jungere* (sic!). Пусть г. Шмидтъ не тревожится превращеніемъ звука *g* въ *ng*; примѣръ тому онъ имѣетъ въ словѣ «монголъ» или «моголъ», какъ его пишутъ Арабы, Персы и Турки. Г. Шмидтъ перестанетъ этому удивляться, если узнаетъ, что въ восточнотурецкомъ языкѣ корневое сходство слова *ouïgour* съ *ïoghour* (родственными словамъ: *ouyoughanmak* [скисать] и *yoghour* [кислое молоко]) совершенно совпадаетъ со сродствомъ латинскихъ словъ *coalitus* (союзъ, собраніе), *coalescere* (сгущаться, киснуть) и *coagulum* (кислое молоко, сыръ), происходящихъ отъ одного корня»²⁾.

1) *Forschungen auf dem Gebiete der Völker Mittelasiens*. Спб. 1824, стр. 95.

2) *Mémoires relatifs à l'Asie*. Т. II, стр. 233.

Къ выставленной Абульгазиемъ этимологіи слова «Уйгуръ» присоединяется и Каземъ-бекъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ¹⁾, въ тюркскомъ языкѣ мы находимъ корень этихъ созвучныхъ словъ (Уиръ, Уюръ, Уйгуръ и проч.), являющихся въ разныхъ формахъ, въ разныхъ измѣненіяхъ, сообразныхъ съ различіемъ самыхъ нарѣчій и имѣющихъ вездѣ значеніе — *предаться, послѣдовать, прильпяться, соединиться*, а причастіе отъ него *союзникъ*, напр. въ турецкомъ и азербейджанскомъ нарѣчіяхъ *Уймакъ* часто употребляется во всѣхъ этихъ значеніяхъ и говорятъ: *آئينك سوزينه اويبا* *аннынъ созюне ойма* «не поддавайся (не вѣрь) его словамъ». Татары часто употребляютъ *уюмакъ* въ значеніи *прильпяться* и *слѣдовать*. Мы можемъ удовольствоваться примѣрами, приводимыми Абульгазиемъ въ монгольскомъ языкѣ *ойху*, между другими значеніями, выражающей *прильпяться, слѣдовать*. Такъ какъ, помимо этого, тюркскіе и монгольскіе народы часто образовывались черезъ соединеніе аймаковъ, то противъ этимологіи Абульгазія ничего нельзя возразить, тѣмъ болѣе, что монгольское племя Ойротовъ имѣетъ подобное-же значеніе и произошло такимъ-же образомъ».

Казембекъ кромѣ того замѣчаетъ, что примѣры слитія звука *г* съ *у, и, о* и наоборотъ (*sic!*) не рѣдки въ словахъ, гдѣ эти звуки встрѣчаются, въ тюркскихъ діалектахъ вообще (?). Такъ *уймакъ* (спать) въ нѣкоторыхъ тюркскихъ языкахъ превращается въ *уюмакъ*, а въ другихъ въ *уйнумакъ*.

Наконецъ несомнѣнно и Плано Карпини, слѣдуя выговору Татаръ и Уйгуръ, называетъ именно этихъ послѣднихъ, когда говоритъ о племени «Уиръ».

Вамбери²⁾ присоединяется къ тому-же воззрѣнію: онъ замѣчаетъ, по поводу этимологіи слова *Уйгуръ*, что каждый современный тюркологъ долженъ опредѣлить истиннаго значенія

1) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1841. Августъ. стр. 58.

2) Въ «Uigurische Sprachmonumente», стр. 2.

этого слова. Корень *у* или *уй* означаетъ, какъ то утверждаетъ уже Абульгазій, *слѣдовать, приспособиться, повиноваться, войти въ соглашеніе*, какъ напр. въ *امامغه اوبدوم* (я слѣдую Иمامу). Суффиксъ-же *غور*, если присоединяется къ кореннымъ словамъ (??) (см. *Sag. Sprachstudien*, стр. 28), и понынѣ въ Туркестанѣ служитъ для обозначенія прилагательныхъ именъ, напр. *تويغور* тойгуръ (сытый), *تويماغور* тоймагуръ (не сытый), *تينغور* тынгуръ (покоящійся), *تينماغور* тынмагуръ (непокоящійся). Такъ и *Уйгуръ* означаетъ *слѣдующій, мирный, совместно живущій, сожителя-стоящій* въ противоположность *Уймагуръ непослушный, немирный, строптивый* и мотивируетъ наименованіе племени весьма мѣтко, если допустить, что Уйгуры вели мирную жизнь въ то время, когда прочіе ихъ сородичи, являясь необузданнѣйшими кочевниками, начали какъ потокъ изливаться, на западъ отдѣльными толпами».

Наконецъ и Вильгельмъ Шоттъ ¹⁾, разбирая критически сдѣланную Клапротомъ и приведенную выше выдержку изъ Абульгазія, самъ также затрогиваетъ споръ о происхожденіи слова *Уйгуръ*. Шоттъ прежде всего отмѣчаетъ, что, по его убѣжденію, османскій поли-гисторъ Хаджи Хальфа въ своемъ обзорѣ міра (*جهان نامه*) производитъ имя Уйгуръ отъ слова *اوبيق* *привязаться, столкнуться*, а отсюда *быть прилипчивымъ, заразительнымъ* (объ эпидеміяхъ). Далѣе Шоттъ приводитъ турецкія фразы: *آينيك سوزينه اوبيا* или *جهانه اوبيا* (не прилѣпляйся къ міру) и, основаясь на окончаніи *غور*, присоединяется къ приведенному уже выше мнѣнію Вамбери. «Меня поражаетъ», продолжаетъ Шоттъ, «что въ монгольскомъ языкѣ встрѣчается слово *Дзуйгуръ* (очевидно состоящее изъ *Дзуй+гуръ*) въ значеніи *обманщикъ*, давшее производную глагольную форму *дзуйгурла* (обманывать). Возникло-ли это слово взамѣнъ уйгуръ? Могло это очень легко произойти черезъ измѣненіе звуковъ; на это указываетъ побочная форма корня *уй* съ

1) Въ *Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften, Berlin, 1873 г. въ статьѣ «Zur Uigurenfrage», стр. 114.*

приставкою *j*, а дѣйствительное существованіе такой формы подтверждается тибетскимъ языкомъ и встрѣчающимся у Руйсброка словомъ *Jugur* и очевидно указываетъ на вѣроятность образованія турецкаго глагольнаго корня *юж* или *йук* (прилѣпить, привязать) изъ корня *уй*. Звукъ *z* въ концѣ слога въ турецкихъ словахъ легко переходитъ въ *й*, а иногда и совсѣмъ выпадаетъ, такъ что *юй*, *ю* и *ю* очень легко могутъ въ говорѣ и на письмѣ замѣнять другъ друга. Если-же необычная форма имени *Уйгуръ* у Монголовъ получила значеніе обманщика, то не является-ли этотъ фактъ совершенно параллельнымъ выраженію «Уйгурскій разумъ», которое, по Вамбери¹⁾, употребительно даже у тюркскихъ племенъ въ значеніи *хитрость*».

Въ виду цѣлаго ряда приведенныхъ выше этимологій, позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Выставленное Клапротомъ, въ видѣ возраженія И. Я. Шмидту, сравненіе сопоставляемыхъ по этому поводу тюркскихъ корней съ латинскимъ *jungere*, едва-ли требуетъ опроверженія — это одинъ изъ тѣхъ обычныхъ въ доброе старое время приемовъ сближенія случайныхъ созвучій, который не имѣетъ за собою и слѣда доказательной силы. Къ той-же категоріи принадлежитъ и сравненіе *Uigur* (союзники) и *jogurt* съ латинскими *coalitus*, *coalescere* и французскимъ *coalition*. Подобныя дикія этимологическія сравненія, разумѣется, теперь ужъ не заслуживаютъ вовсе разсмотрѣнія.

Что касается прочихъ этимологическихъ объясненій слова *Уйгуръ*, то они, по крайней мѣрѣ, опираются на дѣйствительно тюркскіе корни и потому до нѣкоторой степени обоснованы. Мною здѣсь были приведены всѣ высказанныя разными писателями взгляды *in extenso*, дабы самъ читатель могъ ясно оцѣнить, куда ведутъ подобныя объясненія собственныхъ имянъ.

1) *Uigurische Sprachmonumente*, стр. 2, прим. 1.

Предложенная напр. Рашидъ-Эдиномъ этимологія, которую онъ несомнѣнно заимствовалъ отъ какого-нибудь тюрка одновременно съ самой легендою объ Огузъ-Ханѣ, имѣеть чисто народный характеръ и столь-же несомнѣнно, что самая эта этимологія была точкою отправления для созданія позднѣйшей по времени легенды. На подобныя народныя этимологіи лично мнѣ самому приходилось наталкиваться, по поводу объясненія туземцами различныхъ тюркскихъ племенныхъ прозвищъ. Такъ Кара-Киргизы (*Кыргыз*) мнѣ рассказывали, будто ихъ родъ происходитъ отъ 40 дѣвушекъ (*Кырк-+кыз*). Барабинскіе Татары объясняютъ свое имя тѣмъ, что они будто-бы не вышли (*барбадыларъ*) вмѣстѣ съ Кучумъ-Ханомъ, хотя въ русскихъ источникахъ о барабинцахъ встрѣчаются извѣстія, предшествующія той эпохѣ, когда Кучумъ направился на югъ. Аялы выводятъ свое прозвище изъ того, что они потребовали отсрочки (*аял*) для дальнѣйшаго сопровожденія проходившаго чрезъ ихъ предѣлы Кучума; Туралы же изъ того, что они остались жить (*тура-калдылар*) на прежнихъ мѣстахъ. Калмыки, будто-бы, стали называться *Калмакъ*, потому что они остались (*калдылар*) въ Алтаѣ. Дунганы (*Тунганъ*), по показанію Таранчей, первоначально получили свое прозвище отъ того, что остались жить (*турганъ*) на прежнихъ мѣстахъ, когда Чингизъ-Ханъ предпринялъ свои завоевательные походы. Наконецъ Конгтайджи, по увѣренію горныхъ алтайскихъ Калмыковъ, былъ причиною тому, что и самыя горы получили наименованія Алтая, такъ какъ онъ тамъ прожилъ шесть мѣсяцевъ (*алты ай*).

Абульгазій и Казембекъ, въ качествѣ литературно образованныхъ тюрковъ, поддерживая преданіе, выставленное Рашидъ-Эдиномъ, лишь пытаются придать упоминаемой въ немъ этимологіи лучшее основаніе. Абульгазій при этомъ, однако-же, впалъ въ ту ошибку, что соединилъ вмѣстѣ 2 глагольныхъ корня: *уй* (примѣривать, слѣдовать) съ *ую* (*уюн*) (свернуться [о молокѣ]), которые рѣзко различаются уже въ Кудатку-Биликѣ, т. е. за нѣсколько вѣковъ до Абульгазія. Я въ под-

твержденіе этого приведу нѣсколько примѣровъ употребленія обоихъ корней:

1) *ут* (Кудатку-Биликъ и Китайско-Уйгурскій словарь) *уй* (джагатайское, азербейджанское и османское нарѣчія) слѣдовать, подражать, напр. въ фразѣ: *земан самта уймаса сен земана уй* (если время не примѣряется къ тебѣ, примѣряйся ты ко времени) и другіе примѣры, приведенные Шоттомъ и Казембекомъ.

2) *уду* (Куд.-Бил. и саянское нарѣч.) спать, *узу* (шорское и сагайское нарѣч.) окостѣнѣть, затвердѣть, спать, *ую* (киргизское, команское и джагатайское нарѣч.) плотнѣть, замереть, (о членахъ въ османск. діал.), спать (Коман.) [Codex Coman. стр. 19] *ujurten* догшю. Отъ послѣдняго въ османск. діал. производное Nom. verbale *уюху* (сонъ), *уйку* (телеутское, алтайское, киргизское и кара-киргизское нарѣч.), а отъ него опять *уюкта* (алтайское нар.) спать, *уюкла* (иртышское нар.), *уйкта* (телеутское, киргизское и кара-киргизское нар.).

О постепенномъ смягченіи корней *ут*, *ус*, *уй* и *уду*, *узу*, *ую* срав. мою Фонетику § 328. Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что въ древнѣйшихъ формахъ обоихъ глаголовъ звукъ *j* замѣняется *t* и такимъ образомъ слово уйгуръ, если его производить изъ этого корня, несомнѣнно въ древнее время должно было произноситься *уткуръ*. Вамбери обратилъ вниманіе на это обстоятельство¹⁾, но, къ сожалѣнію, эту вскользь брошенную мысль не развилъ подробнѣе.

Казембекъ всѣ свои соображенія связываетъ съ этимологіею, выставленною Абульгазиемъ, но слову Уйгуръ онъ придаетъ значеніе причастной формы, а образованіе этого слова представляетъ себѣ, какъ *уйг* (*уй*) + *ур*; поэтому слова *уйгуръ* и *уйр* онъ принимаетъ лишь за діалектическіе варианты. Но такъ какъ Казембекъ вообще не имѣлъ понятія о законахъ фонетики и въ своей грамматикѣ на точныя изслѣдованія звуковыхъ дан-

1) Uigurische Sprachdenkmäler, стр. 1.

ныхъ языка смотрѣлъ какъ на пустую забаву, то онъ и не понималъ невозможности самаго превращенія этихъ звуковъ другъ въ друга. Абульгазій въ данномъ случаѣ оказывается болѣе толковымъ грамматикомъ, такъ какъ разлагаетъ эти формы на уй-+гур и япыш-+гур, что указываетъ на правильную оцѣнку аффикса *ур*. Впрочемъ, это у Абульгазія совершенно понятно, такъ какъ въ діалектѣ, на которомъ онъ говорилъ самъ, аффиксъ *ур* присоединился къ корнямъ для образованія прилагательныхъ именъ.

Вамбери объясняетъ образованіе слова Уйгуръ совершенно такъ-же, какъ и Абульгазій, но я сомнѣваюсь, чтобы кто-либо изъ новѣйшихъ тюркологовъ согласился съ мнѣніемъ Вамбери. Въ подтвержденіе этой этимологіи онъ приводитъ доказательства того, что путемъ присоединенія аффикса *غور* (*ур*) образуются прилагательныя имена. Изъ перечисляемыхъ имъ примѣровъ слово *тынур* (تینغور) мы однако-же напрасно станемъ искать въ словарѣ, помѣщенномъ въ «*Sagataische Studien*» того же Вамбери, тогда какъ тамъ-же на стр. 267 мы находимъ *تویغور* (*тойкур*) вмѣсто *тойур*. Изъ словъ на *ур* или *кур*, на которыя въ данномъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе, въ Джагатайскомъ словарѣ его мы находимъ лишь слѣдующія формы:

- اساپقور (asapkur) какое-то кушаніе,
- اویغور (uigur) снисходительный,
- اویماغور (uimagur) упрямый,
- تاپقور (tapkur) идущая на баранту (грабежъ) часть войска,
- سانقور (sankur) удивленіе,
- تویماغور (toimagur) несвѣдущій,
- شانغور (šangur) стукъ, лягъ,
- سوغور (sugur) ведро,
- یکیلماغور (jikilmagur) стойкій.

Правда, большая часть этихъ формъ представляютъ собою *аморфныя* образованія, т. е. въ грамматическомъ народномъ

сознаніи онѣ не могутъ уже быть расчленены на корень и окончаніе, но во всякомъ случаѣ такія формы, какъ *toigur* и *toimagur*, *tingur* и *tinmagur*, *uigur* и *uimagur* показываютъ, что въ нарѣчіяхъ, изслѣдованныхъ Вамбери, окончанію *gur* еще свойственна извѣстная доля жизненной силы.

Употребленіе аффикса *gur*, главнымъ образомъ съ отрицательными глаголами, столь-же странно, какъ и тотъ фактъ, что слово *Уйгуръ* до сихъ поръ будто-бы употребляется въ Средней Азіи въ значеніи *снисходительный, податливый, уступчивый*. Между тѣмъ уже Абульгазій не знаетъ этого выраженія и находитъ нужнымъ пояснить его словомъ *япушкуръ*. Въ изслѣдованныхъ мною лично діалектахъ, даже и въ древне-уйгурскомъ, частица *gur* является уже въ качествѣ аморфнаго аффикса: среди имѣющагося у меня въ данную минуту подъ рукою лексического матеріала, достаточно привести тому слѣдующія доказательства:

ужкур (Алт.) послушный отъ *ук* — слушать,
учкур (Тел.) бѣглый, мимолетный отъ *уч* — летѣть,
камур (Кир.) оставшійся назади отъ *кал* — остаться;

далѣе:

олур (Тар.) стягъ,
тап-кур (Алт.) басня, выдумка отъ *тап* — найти,
сескир (Алт.) ищейка отъ *сес* — чуютъ,
папкыр (Тел.) позывъ на рвоту,
мамыр (Алт.) богатый скотомъ отъ *мал* — скотъ,
кумур (Каракирг.) ругательное слово отъ *кул* — рабъ,
тоскур (Алт.) корыто отъ *тос* — березовая кора.

Кромѣ аморфнаго аффикса *кур*, *гур*, встрѣчается и другой аморфный-же аффиксъ *кор*, *кар*. Напр.:

оіор (Тел.) умный отъ *оі* — разсудокъ,
опкор (Алт.) болото отъ *оп* — всасывать.

Слово *оіор* (*оіур*) умный, хитрый — какъ подтверждаетъ

примѣръ, приведенный мною изъ телеутскаго нарѣчія, не имѣеть ничего общаго съ наименованіемъ народа *Уйгуръ* и отнюдь не является прозвищемъ, въ которомъ бы заключался намекъ на обозначеніе умственнаго превосходства Уйгуровъ ¹⁾).

Такимъ образомъ исчезаетъ всякая вѣроятность предположеній Шотта, будто монгольское слово *дзуйгуръ* находится въ связи съ обозначеніемъ народа Уйгуръ. Разъ глагольные корни *уй* и *ую* почти въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія строго различаются другъ отъ друга, болѣе чѣмъ рискованно къ возможной, пожалуй, группѣ *ут, уду (уй, ую)* тѣсно приурочивать цѣлый рядъ другихъ еще корней, въ родѣ:

юк, юг — оставаться висѣть,

юур, юра — мѣсить,

йюур, йюурт — свернуться, створожиться; кислое молоко.

Если мы теперь спросимъ, къ какимъ результатамъ привели всѣ эти этимологіи, то должны будемъ признать, что результаты оказались ничтожными и мало способствовали разъясненію дѣйствительнаго происхожденія прозвища Уйгуровъ.

Онѣ дали поводъ къ образованію сагъ и легенды объ Огузѣ; Клапротъ усмотрѣлъ въ нихъ доказательство тюркскаго происхожденія Уйгуръ; Шмидтъ, на оборотъ, свои этимологическія толкованія ведетъ къ тому, чтобы доказать, что Уйгуры не были Тюрками; Казембекъ полагаетъ возможнымъ заключить, что словомъ Уйгуръ обозначается скопленіе многочисленныхъ тюркскихъ племенъ въ одно плотное цѣлое; наконецъ Вамбери въ имени Уйгуръ видитъ указаніе на высшую степень культуры, которой достигла въ раннее время часть, пріобрѣтшихъ осѣдность, восточныхъ тюрковъ и ему кажется, что Уйгуры — *послушныя, соединившіяся другъ съ другомъ, мирно бокъ о бокъ живущіе* тюрки въ противоположность Уймагурамъ *противоборствующимъ, немирно живущимъ*.

1) Uigurische Sprachmonumente, стр. 2.

Какъ отсюда видно, каждый изъ изслѣдователей пускаетъ въ ходъ свою этимологию лишь для подкрѣпленія и обоснованія своихъ мнѣній о первобытномъ періодѣ судебъ уйгурскаго племени — мнѣній, основанныхъ и опирающихся на постороннихъ соображеніяхъ, такъ что этимологія здѣсь служитъ лишь орудіемъ доказательства апріорно построенныхъ гипотезъ.

Съ точки зрѣнія законовъ фонетики и образованія тюркскаго языка большая часть толкованій слова Уйгуръ, если не находятъ себѣ полнаго оправданія, то не встрѣчаютъ и особенныхъ возраженій — разумѣется слово это могло-бы создаться такъ, какъ это объясняютъ изслѣдователи, но иной вопросъ, дѣйствительно-ли оно такъ на самомъ дѣлѣ образовалось.

Какъ я уже раньше упоминалъ, древнѣйшая форма — по преимуществу здѣсь разсматриваемаго — глагольнаго корня, у наиболѣе восточныхъ тюркскихъ племенъ, которыя и именовались Уйгурами, была не *уй*, а *ут*, такъ что прозвище, если-бы оно было восточно-тюркскаго происхожденія, должно-бы было произноситься *Уткуръ*, а не *Уйгуръ*, и лишь только впоследствии первая форма могла-бы превратиться въ послѣднюю. Между тѣмъ у Уйгуровъ въ Хами, вплоть до XVI-го вѣка, глаголь *ут* удерживается въ первобытной формѣ, какъ сіе явствуетъ изъ уйгурско-китайскаго словаря азіатскаго музея Импер. Академіи Наукъ; здѣсь на стр. 100, b уйгурское слово ككف (*удуп кел*) передается китайской транскрипціею 兀託謙; на страницѣ же 46, а حننم (Уйгуръ) передается знаками 畏兀兒 (уй-гу-рь), что вполне соответствуетъ слову *اوبغور*, приведенному Рашидъ-Эддиномъ въ XIII вѣкѣ.

Такимъ образомъ является тройкій способъ толковать происхожденіе прозвища Уйгуръ.

Во первыхъ можно допустить, что слово Уйгуръ — восточно-тюркское. Въ восточно-тюркскихъ діалектахъ смягченіе *т-с-й*, встрѣчаемое въ западныхъ нарѣчіяхъ, не происходило, и слѣдовательно нужно допустить, что въ словѣ Уйгуръ, издавна пріобрѣвшемъ аморфность, это смягченіе совершилось быстро,

нежели въ глаголѣ *ut* (слѣдовать), вполне входящемъ въ составъ живаго языка. Подобный процессъ, однако-же, идетъ въ разрѣзъ съ общими законами языковъ, ибо безспорно всегда и вездѣ аморфныя слова оказываются менѣе доступными звуковымъ измѣненіямъ, чѣмъ живой словесный матеріалъ. Такъ напр. длинный гласный *o* латинскаго кореннаго слога превратился въ итальянскую форму *uo*, *buono* вмѣсто *bonus*, но въ собственномъ имени латинскій *Bonifacius* для итальянскаго языка и по сей часъ видоизмѣняется не далѣе *Bonifacio* или *Bonifazio*.

Во вторыхъ можно искать прозвища Уйгуръ въ древности у западныхъ тюркскихъ племенъ, которыя весьма рано стали произносить *uy* вмѣсто *ut* и предположить, что это прозвище, въ видѣ собственнаго имени, было отъ западныхъ тюрковъ занесено къ восточнымъ. Объясненіе это, однако-же, представляется мало вѣроятнымъ, ибо въ историческія времена тюркскія племена неизмѣнно передвигались съ востока къ западу, почему и собственные имена могли быть заносимы лишь съ востока на западъ, но не наоборотъ. Единственное культурное вліяніе, текшее у тюркскихъ племенъ съ запада на востокъ, было распространеніе Ислама и его культуры, но это вліяніе проявилось гораздо позднѣе возникновенія прозвища Уйгуръ.

Наконецъ въ третьихъ прозвище Уйгуръ могло быть еще въ древности нерасчленимымъ тюркскимъ словомъ, происхожденіе котораго и самимъ восточнымъ тюркамъ было непонятно; въ этомъ случаѣ слово это должно было-бы проистекать или изъ какого нибудь забытаго корня (тогда и позднѣйшая этимологія Рашидъ-Эддина утрачиваетъ значеніе и оказывается столь-же цѣнною, какъ производство прозвища *Deutsch* отъ нынѣ существующаго глагольнаго корня *deuten*) или же въ словѣ этомъ можно было-бы видѣть иностранное; въ этомъ послѣднемъ случаѣ объ этимологическомъ выведеніи его можно было-бы трактовать, только если-бы имѣлись опредѣленные историческія свидѣтельства о самомъ происхожденіи спорнаго слова.

Попытаемся-же обратиться къ свидѣтельству того народа,

который еще до XVI в. сталъ въ соприкосновеніе съ Уйгурами и оставилъ многочисленныя свѣдѣнія объ этихъ своихъ сѣверныхъ сосѣдяхъ — т. е. къ свидѣтельству Китайцевъ.

Китайцы, которые съ IV по XVI в. находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Уйгурами, даютъ этому народу цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ прозвищъ.

Исторія Танъ (618—907) посвящаетъ Уйгурамъ цѣлую главу (Сар. ССLVII¹). Здѣсь мы видимъ, что Уйгуры въ царствованіе династій сѣверныхъ Вей назывались Гао-гюй. То же подтверждаетъ и Бичуринъ въ своемъ переводѣ²), гдѣ *Гао-юй* обозначаются, какъ потомки *Хунь-ну*. Это происхожденіе Гао-гюй въ сѣверной исторіи описывается съ большими подробностями³).

Знаки, изъ которыхъ состоятъ слова Гао-гюй, имѣютъ и нарицательное значеніе, а именно они означаютъ понятіе «высокая колесница», и Китайцы поясняютъ смыслъ этого выраженія замѣчаніемъ, что Уйгуры по своимъ высокимъ колесницамъ получили прозвище Гао-чэ (знакъ *юй* въ этомъ значеніи выговаривается чэ). При такихъ обстоятельствахъ можно подуматъ, что Гао-чэ пожалуй есть ничто иное, какъ переводъ тюркскаго племеннаго прозвища Канглы (= колесница), но этой догадкѣ противорѣчить тотъ фактъ, что Канглы издревле осѣли гораздо далѣе на западъ (около Самарканда) и издревле у Китайцевъ именовались *Канъ* или *Канъ-юй*, а въ эпоху монгольской династіи — *Канъ-ли*⁴).

Такимъ образомъ въ попыткѣ прозвище Гао-гюй объяснить выраженіемъ Гао-чэ (высокая колесница) мы наталкиваемся снова на обращеніе къ народной этимологіи, или вѣрнѣе, ученой этимологіи и на происшедшее отсюда преданіе.

1) Ср. Bretschneider, Notices of the mediaeval Geographie and History of Central and Western Asia — Journal of the North China branch of the Royal Asiatic Society, 1876, стр. 190.

2) Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи. Спб. 1851. Ч. I, отд. II, стр. 373.

3) Бичуринъ, Ibid., стр. 248.

4) Bretschneider, тамъ-же, стр. 147.

Подобнаго рода этимологіи, основанныя на письменныхъ знакахъ, т. е. попытки передачи чужестранныхъ именъ въ такихъ звукахъ и знакахъ, которые бы и Китайцамъ уяснили самое значеніе имени, составляютъ столь обычное явленіе; что наше объясненіе едва-ли вызоветъ возраженіе.

Въ царствованіе династіи Суй Уйгуры именуется *вей-гэ*, иногда *У-гэ* и *У-ху*.

Въ царствованіе династіи Танъ, напротивъ, имъ придается наименованіе Хой-гэ.

Въ теченіе эпохи Юань-гэ (806—820) ихъ стали именовать Хой-ху и впослѣдствіе Хой-хой¹⁾, и это прозвище позднѣе распространилось на всѣхъ вообще магометанъ.

Въ эпоху монгольской династіи наконецъ Уйгуры именуется Уй-гу-рь или вей-ву-рь, и это обозначеніе за ними удержалось, какъ то видно изъ уйгурско-китайскаго словаря, о которомъ мы уже упоминали, вплоть до XVI в.

Китайскія прозвища Уйгуръ распадаются на 2 разныя группы: 1) словъ, начинающихся съ гортаннаго согласнаго, каковы *Гао-юй*, *хой-гэ*, *хой-ху*, *хой-хой* и 2) словъ, начинающихся съ гласнаго звука, каковы *вей-гэ*, *у-гэ*, *у-ху*, *уй-гу-рь*.

Разсматривая ряды этихъ звуковъ, нельзя не замѣтить съ перваго-же взгляда, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ различными искаженіями одного и того же имени «Уйгуръ», обусловливаемыми трудностью передачи надлежащихъ звуковъ китайскими письменными знаками. Правильно уразумѣть эти искаженія звуковъ возможно только, если принять въ соображеніе самый способъ транскрипціи иностранныхъ словъ по китайски.

Китайскіе письменные знаки могутъ передавать лишь китайскія слова, а эти послѣднія, безъ исключенія, имѣютъ только одинъ слогъ, въ составъ котораго входятъ или 1) гласный звукъ или 2) гласный, съ послѣдующимъ главнымъ звукомъ *н* или *нг*,

1) Klaproth, Beleuchtung und Wiederlegung der Forschungen des Herrn J. J. Schmidt. Paris, 1824.

или 3) простой согласный звукъ и гласный, 4) начальный согласный звукъ + гласный + конечное н или нг, 5) проторный согласный безъ гласнаго, т. е. рг (звукъ средний между л и р) з, с и ш. При транскрипціи китайцы обыкновенно опускаютъ одинъ изъ двухъ рядомъ стоящихъ согласныхъ звуковъ въ серединѣ слова, а также тѣ конечные согласные звуки, которые ихъ языку несвойственны. Лучше всего можно это видѣть изъ китайской транскрипціи уйгурскихъ словъ въ не разъ уже упомянутомъ мною уйгуро-китайскомъ глоссаріи. Приведу одинъ примѣръ: фраза *удунъ кемъ* (слѣдуй) транскрибируется, какъ я уже говорилъ, китайцами у-т'-о-к'іен. Если китайцы хотятъ что-либо точно транскрибировать, то они принуждены разбивать слово на столько слоговъ, сколько въ немъ согласныхъ, напр. Кыргызъ = кі-лі-кі-сі. Такимъ образомъ несомнѣнно, что слова У-гу, У-го, Вей-гу, Вей-го суть не что иное, какъ на разные лады исковерканное слово «Уйгуръ», полная транскрипціа котораго есть Уй-гу-рг. Слова-же, начинающіяся на гортанную согласную, мы не можемъ признать за передачу этого-же слова; они происходятъ вѣроятно отъ другой формы того-же слова, которая начиналась съ согласнаго гортаннаго звука. Въ монгольскомъ словарѣ Ковалевскаго (томъ II, стр. 854 b) мы находимъ вмѣсто *уйгур* форму *хуйгур* и потому вправѣ предположить, что форма *хуйгур* была или передана китайцамъ въ очень ранній періодъ какимъ нибудь другимъ народомъ (напр. тунгузами) или что *хуйгур* есть древняя форма слова *уйгур*, и что транскрипціи Кау-кю, Гуй-го, Гой-гу Гуй-гуй суть искаженія именно этого слова.

Китайцы упоминаютъ объ уйгурахъ называя ихъ ихъ настоящимъ именемъ Као-кю лишь въ концѣ IV столѣтія по Р. Х. т. е. послѣ паденія Жуань-жуаней, тунгузскаго племени, отгѣснившаго послѣднія остатки царства Хунъ ну на Желтой Рѣкѣ, но изъ этихъ извѣстій неясно, есть-ли «уйгуръ» обозначеніе какого-либо тюркскаго племени или имя династіи. Но мы всетаки вправѣ заключить изъ этого извѣстія, что еще въ V столѣтіи т. е. за семь столѣтій до Рашидъ-эд-Дина, имя «уйгуръ» прилагалось къ

довольно большой группѣ тюркскихъ племенъ, жившихъ между истоками Енисея и Селенги, такъ что легенда о раздѣлѣ именъ, приводимая Рашидъ-эд-Диномъ, не основана на дѣйствительномъ происшествіи. Китайскія транскрипціи, «уйгуры» Рашидъ-эд-Дина такъ же какъ и уйгурская транскрипція доказываютъ неопровержимо, что отъ VI до XVI и даже XVII столѣтія большая часть тюрковъ на востокѣ называлась уйгурами, и что всѣ другія транскрипціи европейцевъ и арабовъ должны быть разсматриваемы какъ ошибочныя искаженія этого имени; за это говорить еще и то обстоятельство, что до сихъ поръ существуютъ племена Уйгуръ и Уйгуръ-Найманъ. Вотъ эти ошибочныя транскрипціи: «аль-Игур (Абу-ль-Фараджъ)¹⁾ Иghур и Айghур (Ербело; транскрипція, возникшая изъ ошибочнаго чтенія слова, написаннаго по арабски)²⁾ Иghур и Яghур (Баръ Гебреусъ)³⁾ Йегури (Шардэнъ)⁴⁾ Югуресъ (Рубруквисъ)⁵⁾ Гюиресъ (Плано Карпини)⁶⁾, Йогуръ (Гайтонъ)⁷⁾

Поэтому было-бы вполнѣ бесполезно придавать какое-бы то ни было значеніе этимъ различнымъ способомъ транскрибирования, а привлеченіе изъ за нихъ другихъ тюркскихъ корней напр. *юк*, *юурт*, для этимологическаго объясненія этого слова повело-бы лишь къ ошибкамъ.

Если мы возвратимся теперь опять къ предисловію къ исторіи Рашидъ-эд-Дина, то мы увидимъ, что этотъ столь осмотрительный историкъ страннымъ образомъ два раза рассказываетъ одно и то-же о полученіи уйгурами ихъ имени и притомъ въ двухъ совершенно различныхъ мѣстахъ своего труда. То, что онъ

1) *Historia Dynastiarum Oxaniae*. 1650. Стр. 432.

2) *Bibliothèque Orientale*. Maestricht. 1776, pg. 73, 471.

3) *Assemani-Bibliotheca Orientalis*, Romae 1728. Vol. III, part II, pg. 470, 471.

4) *Voyages au Perse et aux Indes Orientales*. Paris 1811, t. IV, pg. 390.

5) *Rubruquis*. Въ такъ назыв. *Collection de Bergéron la Haye*. 1735. pg. 57, 58.

6) *Плано Карпини тамъ-же*, pg. 40, 41.

7) *Гайтонъ, Histoire Orientale, тамъ-же pg. 7.*

распространяется о происхожденіи 6-ти крупныхъ тюркскихъ родовъ въ первой части своего предисловія, гдѣ онъ говоритъ о кровныхъ тюркскихъ племенахъ (о потомкахъ и приверженцахъ Огузъ-Хана) понятно само собою. Но зачѣмъ-же онъ опять возвращается къ уйгурамъ, и почему онъ даетъ историческій обзоръ ихъ древнѣйшей исторіи вмѣстѣ съ народами совершенно иного происхожденія? Рашидъ-эд-Динъ самъ излагаетъ въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «Уйгуръ» причины этого непонятнаго повторенія слѣдующими словами:

«За давностію времени обстоятельства ихъ раздѣленія на колѣна, племена и роды не такъ хорошо извѣстны, чтобы можно было указать на ихъ происхожденіе и описать его подробно; поэтому безъ особеннаго противорѣчія съ предыдущимъ (съ генеалогической таблицей тюрковъ) ихъ вообще принимаютъ за тюркское племя. Несмотря на то, что по этой причинѣ извѣстія о нихъ включены при описаніи генеалогической таблицы Огуза, оказалось нужнымъ еще разъ повторить здѣсь въ главѣ о народахъ подобныхъ тюркамъ все это въ такомъ видѣ, какъ разсказываютъ сами уйгуры». Несмотря на такое подробное объясненіе, причина повторенія остается неясною. Выраженіе «какъ разсказываютъ сами уйгуры» указываетъ, что разсказъ о раздачѣ именъ, приводимый въ этомъ мѣстѣ почерпнутъ изъ уйгурскаго источника, т. е. навѣрное изъ какой нибудь уйгурской рукописи, находившейся въ распоряженіи у Рашидъ-эд-Дина. Если это предположеніе вѣрно, то разсказъ, приведенный выше, долженъ былъ быть взятъ изъ другого источника, а именно изъ устныхъ разсказовъ главарей отдѣльныхъ племенъ, принадлежавшихъ къ западнымъ кочевымъ тюркамъ туркменскаго происхожденія, какъ на то указываетъ самъ Рашидъ-эд-Динъ въ замѣткѣ послѣ перваго разсказа о раздачѣ именъ.

Такъ какъ Рашидъ-эд-Динъ начинаетъ свой разсказъ о развѣтвленіи и раздѣленіи чисто-тюркскихъ племенъ съ уйгуровъ, то мы вправѣ предположить, что уйгуры не только принадлежали къ числу древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, но и что это былъ

весьма распространенный тюркскій народъ, занявшій съ давняго времени выдающееся мѣсто среди тюркскихъ племенъ и на дальнемъ западѣ. Будь это не такъ, на западѣ не распространилось бы сказаніе о томъ, что легендарный родоначальникъ тюрковъ, Огузъ ханъ, считалъ уйгуровъ своими ближайшими приверженцами. Съ другой стороны то обстоятельство, что Рашидъ-эд-Динъ встрѣтилъ сказаніе объ Огузъ ханѣ и о происшедшемъ при немъ раздѣленіи племенъ и на западѣ у туркменовъ, и на востокѣ у уйгуровъ, указываетъ на то, что Огузъ ханъ считался древнѣйшимъ героемъ всего тюркскаго народа, и что слѣдовательно у всѣхъ тюрковъ въ XIII вѣкѣ сохранялось еще воспоминаніе о большомъ тюркскомъ государствѣ, которому было подчинено большинство тюркскихъ племенъ. Это предположеніе подтверждается существованіемъ на уйгурскомъ языкѣ легенды объ Огузъ ханѣ, значительный отрывокъ которой находится въ библиотекѣ Шарля Шефера въ Парижѣ. Благодаря любезности владѣльца я получилъ возможность помѣстить 8 страницъ оттуда въ качествѣ приложения къ факсимилѣ Кудатку Билика (стр. 191, 192) и помѣстить также здѣсь весь этотъ отрывокъ въ переводѣ. Все прочее, что Рашидъ-эд-Динъ сообщаетъ объ уйгурахъ, относится къ значительно болѣе позднему времени и притомъ только къ восточной отрасли уйгуровъ.

Кромѣ сочиненія Рашидъ-эд-Дина о восточномъ уйгурскомъ царствѣ мы находимъ свѣдѣнія у Абу-ль-Гази, въ Тарихи Джехангушай и въ СХХII главѣ китайской лѣтописи о монгольской династїи Юань-ши, а именно въ біографіи уйгурскаго князя Барджу-а-рг-т'е-ди-гин, т. е. Барджукъ-ерте-тегинъ (?)¹⁾.

Такъ какъ всѣ эти извѣстія носятъ легендарный характеръ, я намѣренъ ихъ предпослать чисто историческимъ фактамъ.

1) Е. Бретшнейдеръ, *Mediaeval Researches*. London 1888, томъ I, стр. 246.

2. Легендарные рассказы о доисторическихъ временахъ уйгуровъ.

Отрывокъ изъ уйгурскаго сказанія объ Огузъ Каганѣ.

«Пусть будетъ такъ!» сказали они. Вотъ его изображеніе (слѣдуетъ изображеніе быка); и послѣ они обрѣли радость. Опять однажды заблесталъ глазъ Ай Кагана, она родила мальчика. Лицо его было голубое, губы огненно-красныя, глаза, волосы и брови черныя, онъ былъ прекраснѣе прекраснѣйшихъ. Послѣ того какъ этотъ мальчикъ вкусилъ перваго молока отъ груди своей матери, онъ больше уже его не пилъ, а просилъ только мяса, кушанья и напитковъ (*которыя употребляютъ взрослые*). Тогда онъ сталъ говорить и въ сорокъ дней выросъ совершенно, сталъ ходить и играть. Его ноги были подобны ногамъ быка, его туловище — туловищу волка, его лопатка — лопаткѣ соболя, его грудь — груди медвѣдя, его пахи были густо покрыты волосами. Онъ пасъ табуны лошадей, ѣздилъ верхомъ и охотился за дичью. По прошествіи дней и ночей онъ сдѣлался юношей. Въ это время въ той странѣ былъ большой лѣсъ, въ которомъ было много рѣкъ и ручьевъ. Туда приходило много животныхъ, туда прилетало много птицъ. Въ этомъ лѣсу жилъ большой единорогъ, который пожиралъ лошадей, такъ такъ былъ большой, лютый звѣрь; людей онъ истреблялъ, втягивая ихъ въ себя. Огузъ каганъ былъ мужественный князь и вознамѣрился убить этого единорога. Однажды онъ отправился на охоту съ копьемъ, стрѣлою и лукомъ, также съ мечемъ и щитомъ сѣлъ онъ на коня. Онъ поймалъ оленя; привязавъ его ивовыми прутьями къ дереву, пошелъ далѣе. Послѣ этого наступило утро; съ наступленіемъ дня онъ пришелъ и увидѣлъ, что единорогъ унесъ оленя. Тогда онъ поймалъ медвѣдя, привязалъ его своимъ золототканымъ поясомъ къ дереву и ушелъ. Потомъ наступило утро. Съ наступленіемъ дня онъ пришелъ и увидѣлъ, что единорогъ унесъ медвѣдя. Тогда онъ самъ расположился подъ деревомъ.

Единорогъ явился и попалъ своей головой въ щитъ Огуза. Огузь ударилъ копьемъ по головѣ единорога и убилъ его. Мечемъ отрубилъ онъ ему голову и ушелъ. Опять онъ вернулся и увидѣлъ, что грифъ занимался пожираниемъ внутренностей единорога. Стрѣлою изъ лука убилъ онъ грифа; голову отрѣзалъ и сказалъ: (вотъ изображеніе грифа) «Единорогъ пожралъ оленя, пожралъ медвѣдя: мое копье убило единорога, такъ какъ оно изъ желѣза. Грифъ ѣлъ единорога, мой лукъ и стрѣла убили грифа, такъ какъ они изъ мѣди». Такъ онъ сказалъ и ушелъ.

Вотъ изображеніе единорога (рисунокъ единорога). Снова однажды Огузь ханъ былъ занятъ молитвой къ Богу, вдругъ сдѣлалась тьма и съ неба ниспало голубое сіяніе, болѣе свѣтлое (?) чѣмъ солнце и мѣсяцъ. Огузь каганъ пошелъ къ нему и увидѣлъ, что среди этого сіянія находилась дѣвушка, сидѣвшая совершенно одна. Это была чудная, красивая дѣвушка, на головѣ у нея находилось огненное свѣтящееся пятно, подобное полярной звѣздѣ. Эта дѣвушка была такъ прекрасна, что, когда она смѣялась, смѣялось и синее небо, а когда она плакала, то и синее небо плакало. Когда Огузь каганъ увидѣлъ ее, то потерялъ разсудокъ. Онъ пошелъ къ ней, полюбилъ ее, взялъ ее, легъ съ ней и достигъ исполненія своего желанія. Тогда жена его забеременѣла. Послѣ дней и ночей, его глазъ заблесталъ, она родила трехъ сыновей. Первому они дали имя «Солнце», второму — «Мѣсяцъ», третьему — «Звѣзда». Опять однажды пошелъ Огузь каганъ на охоту. Посреди озера онъ увидѣлъ издали дерево, у дверецъ (?) этого дерева, находилась дѣвушка, сидѣвшая въ одиночествѣ. Это была чудная, красивая дѣвушка, ея очи были синѣ неба, ея волосы уподоблялись рѣкамъ и ручьямъ, ея зубы — жемчужинамъ; она была такъ прекрасна, что народы земные, увидѣвъ ее, говорили: «Ай, ай, мы умираемъ», а молоко превращалось въ кумысъ. Когда Огузь каганъ увидѣлъ ее, то потерялъ разсудокъ, и пламя запало ему въ сердце. Она понравилась ему, онъ взялъ ее, легъ съ ней и достигъ исполненія своего желанія. Жена его забеременѣла. Послѣ дней и ночей, за-

блисталъ (его глазъ) и она родила трехъ сыновей. Перваго они называли «Небо», втораго — «Гора», третьяго — «Море». Послѣ этого Огузь каганъ устроилъ большой пиръ, давая приказаніе народу (явиться), тогда они посовѣтовались и пришли; сорокъ постелей и сорокъ...? велѣлъ онъ сдѣлать, они наготовили различныхъ блюдъ, различныхъ мясныхъ кушаній ...?, и напитоковъ, и угощались. Послѣ пира Огузь каганъ далъ приказъ князьямъ и простому народу и сказалъ: «Вотъ я — вашъ каганъ, возьмемъ лукъ и щитъ, пусть они намъ служатъ тамгою, нашимъ буяномъ (?) пусть будетъ сивый волкъ, нашимъ ураномъ пусть будетъ «железное копье», въ лѣсу пусть живетъ дичь; куланы, талуи, рѣки и ручьи пусть будутъ знаменемъ. Это — голубой куриганъ», такъ сказалъ онъ. Затѣмъ снова далъ онъ приказы по направленію всѣхъ четырехъ странъ свѣта и разослалъ ихъ. Въ этихъ указахъ значилось: «Я — каганъ уйгурскій, и я долженъ сдѣлаться каганомъ четырехъ странъ свѣта. Я требую отъ васъ покорности; кто смотритъ на мой ротъ (т. е. кто мнѣ подчиняется) тому я даю подарки и того буду считать другомъ, а кто не смотритъ на мой ротъ, тому я угрожаю своимъ войскомъ, того я буду считать врагомъ, я его покорю и прикажу повѣсить, я буду дѣйствовать такъ, чтобы онъ погибъ». Въ то время по правой сторонѣ жилъ князь по имени Алтунъ каганъ; онъ отправилъ къ Огузу пословъ, принесъ въ даръ много серебра и золота, взялъ также весьма много ясписа, рубиновъ и другихъ драгоценныхъ камней, отослалъ ихъ, вручилъ въ подарокъ Огузь кагану и подчинился ему; при помощи славныхъ князей (посланцовъ) онъ вступилъ съ нимъ въ дружбу и жилъ съ нимъ въ мирѣ. По лѣвой сторонѣ отъ него жилъ князь по имени Урумъ каганъ. У этого кагана было многое множество войска и многое множество городовъ. Этотъ Урумъ каганъ не исполнилъ приказанія Огузь кагана и не пришелъ къ нему съ выраженіемъ покорности. «Я не буду сообразоваться съ его словами, а останусь такимъ, какъ есть», такъ говоря, не уважилъ онъ его повелѣнія. Тогда Огузь каганъ рѣшилъ снарядить войско и хотѣлъ высту-

пить противъ него. Со своимъ войскомъ сѣлъ онъ на коня, взявъ свои знамена и отправился въ походъ. Послѣ сорока дней онъ подступилъ къ подножію горы, которую прозывали Мусъ-Тагъ. Онъ велѣлъ снять куриганъ, остановился и расположился на ночлегъ. Раннимъ утромъ въ куриганъ Огузъ кагана проникло сіяніе свѣтлое, какъ день, изъ него вышелъ сиво-шерстый сиво-гривый высокій волкъ. Этотъ волкъ сталъ передъ Огузъ-каганомъ и обратился къ нему съ рѣчью: «О Огузъ! ты намѣреваешься теперь итти противъ Урума; я, Огузъ, хочу служить тебѣ!» Снова затѣмъ поставилъ Огузъ каганъ свой куриганъ, самъ ушелъ и увидѣлъ, что въ его войскѣ снуетъ туда и сюда сиво-шерстый, сиво-гривый волкъ, служа ему. Слѣдуя за этимъ волкомъ, двинулись всѣ они далѣе. По прошествіи нѣсколькихъ дней остановился этотъ сиво-шерстый, сиво-гривый, высокій волкъ, и Огузъ со своимъ войскомъ также остановился. Тамъ протекала рѣка по имени Едиль-Мурень. При этой рѣкѣ... у чернаго острова произошла битва. Они бились стрѣлами, копьями и мечами, между этими войсками произошло много, много сраженій. Въ сердца народовъ вселилась тогда сильная печаль. Борьба и битва были такъ сильны, что воды Едиль-Мурена покраснѣли и уподобились жилю. Огузъ каганъ побѣдилъ, Урумъ каганъ бѣжалъ. Огузъ каганъ завладѣлъ царствомъ Урумъ кагана и его народомъ. Въ его ордѣ они нашли много сокровищъ (неживаго имущества) и много живого имущества (скотъ, рабы). У Урумъ кагана былъ братъ по имени Орусъ Бекъ. Этотъ Орусъ Бекъ поручилъ своему сыну сильно укрѣпленный городъ, лежавшій на вершинѣ горы между Тарангомъ и Муреномъ и сказалъ ему: «Этотъ городъ надо охранять, сохрани его для насъ даже и послѣ сраженія». Огузъ каганъ поѣхалъ къ этому городу. Сынъ Орусъ Бека послалъ ему много серебра и золота и сказалъ ему: «О, ты — мой ханъ. Мой отецъ передалъ мнѣ этотъ городъ и сказалъ, что его нужно охранять. Даже и послѣ молъ сраженія сохрани для меня этотъ городъ. Если отецъ мой снаряжается на войну, развѣ это и моя обязанность? Отъ тебя исходятъ для

меня повелѣнія, богатство и мудрость, это мнѣ извѣстно. Наше счастье — твое счастье, наше сѣмя есть сѣмя и твоего дерева. Богъ даровалъ тебѣ землю и призналъ за тобой владычество надъ нею. Тебѣ вручаю я свою голову, свое счастье, если ханъ (самъ) пожалуетъ, то (уже никогда) не оставитъ своей дружбой. Огузь каганъ принялъ благосклонно рѣчь юноши, обрадовался, засмѣялся и молвилъ: «Ты далъ мнѣ много золота и хорошо также охранялъ (по тур. *saklan*) городъ», поэтому онъ и далъ ему имя Сакланъ и вступилъ съ нимъ въ дружбу. Снова со своимъ войскомъ... съ войскомъ перешелъ онъ черезъ Едиль... жилъ великій каганъ, его преслѣдовалъ Огузь и говорилъ: «Черезъ воды Едилья я перейду». Въ войскѣ находился весьма доблестный князь, по имени Улукъ-орду-ошпу-тенгъ; на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ, онъ увидѣлъ... Едиль земля, обильно поросшая деревьями ..., деревьявъ... ихъ срубили, улеглись на деревьяхъ, перешли (рѣку). Тогда засмѣялся Огузь каганъ и сказалъ: «О, о будь ты такимъ-же княземъ какъ и я, пусть имя твое будетъ Кипчакъ». Опять двинулся онъ далѣе; потомъ снова увидѣлъ Огузь каганъ сиво-шерстаго, сиво-гриваго волка. Этотъ сивый волкъ сказалъ Огузь кагану: «Теперь идя впередъ съ войскомъ, приводи сюда народъ и князей. Я пойду впереди и буду тебѣ указывать дорогу». Настало утро; тутъ увидѣлъ Огузь каганъ, что волкъ сновагъ туда и сюда, служа войску. Онъ обрадовался и пошелъ впередъ. Въ одной долинь Огузь каганъ сѣлъ верхомъ на жеребца. Этого жеребца онъ цѣнилъ весьма высоко. Въ степи этотъ жеребецъ скрылся изъ глазъ и убѣжалъ. Тамъ были высокія горы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, вершины ихъ были совершенно бѣлыми отъ мороза, поэтому ихъ звали Мусъ-Тагъ (ледяныя горы); жеребецъ Огузь кагана убѣжалъ въ ледяныя горы. Объ этомъ Огузь каганъ очень печалился. Въ войскѣ находился высокій каганъ, герой, который ничего не страшился; онъ отличался доблестью въ ѣздѣ верхомъ и въ бою. Этотъ Бекъ проникъ на конѣ въ высокія горы и черезъ 9 дней привелъ жеребца Огузь кагану. Такъ какъ на Мусъ Тагѣ было очень холодно, то этотъ

Бекъ явился весь покрытый снѣгомъ и побѣлѣвшій. Огузь каганъ засмѣялся отъ радости и сказалъ: «О, будь вождемъ этого множества князей ... и пусть именемъ твоимъ будетъ Кагарлыкъ (Карлыкъ=снѣговикъ)». Онъ одарилъ его множествомъ драгоценныхъ камней и пошелъ дальше. Снова увидѣлъ онъ на дорогѣ большой домъ. Крыша его была золотая, окна изъ чистаго серебра, а... изъ желѣза. Была у него и дверь, но къ ней не было ключа. Въ войскѣ находился доблестный умный человекъ, по имени Тумурду Кагуль. Ему отдалъ онъ приказъ: «Здѣсь останься! отопри! (по тур. *кал-ач*), послѣ того, какъ останешься и отопрешь, приходи въ орду», такъ сказалъ онъ. Отсюда онъ и назвалъ его «Калачъ», а самъ отправился дальше. Снова однажды сивошерстый, сиво-гривый волкъ не хотѣлъ итти дальше и остановился, также и Огузь каганъ сдѣлалъ остановку. Онъ велѣлъ снять куриганъ и остановился. Это была равнина годная для распашки, ее называли Чюрчитъ. Тамъ обиталъ многочисленный народъ, у нихъ было много лошадей, быковъ и телятъ, также много золота, серебра и драгоценныхъ камней. Здѣсь то сошлись Чюрчитъ каганъ и его народъ съ Огузь каганомъ. Начался упорный бой, они бились стрѣлами и мечами. Огузь каганъ взялъ верхъ, онъ побѣдилъ Чюрчитъ кагана, убилъ его, отрубилъ ему голову и покорилъ народъ чюрчитскій. Послѣ боя Огузь кагану, его войску и сподвижникамъ досталось такъ много сокровищъ, что не хватило для нагрузки ихъ лошадей, муловъ и быковъ. Но въ войскѣ Огузь кагана находился умный и очень ловкій человекъ, по имени Бармаклакъ Чосунъ-Билликъ. Онъ устроилъ весьма удобную телѣгу, уложилъ на нее добычу и запретъ въ нее захваченныхъ животныхъ. Тѣ повезли ее. Всѣ сподвижники и весь народъ, видя это, удивились и также надѣлали телѣгъ. Когда они ѣхали на телѣгахъ, то послѣднія поскрипывали «кангъ-кангъ», почему и называли телѣгу «кангъ». Огузь каганъ увидѣлъ телѣги, засмѣялся и молвилъ: «При помощи «кангъ-кангъ» ты увозишь живую и мертвую добычу, пусть твоимъ именемъ будетъ Канг-лукъ, ибо ты изобрѣлъ телѣгу». Такъ онъ сказалъ и пошелъ

дальше. Послѣ этого... снова съ сиво-шерстымъ, сиво-гривымъ волкомъ и поѣхалъ къ землѣ Тангутовъ и Шакимовъ. Послѣ многихъ битвъ и распрей онъ одолѣлъ ихъ, присоединилъ ихъ къ своей собственной землѣ, покорилъ ихъ. Пусть не останется также неупомянутымъ и да станетъ извѣстно, что въ одномъ уголку на сѣверѣ была страна, по имени Бачакъ, и народъ, обладавшій большими богатствами. Это была очень жаркая страна, тамъ было много дикихъ звѣрей и птицъ. У нихъ-же было много золота, серебра и драгоценныхъ камней. Лица обитателей этой страны были совершенно черныя. Каганъ этой страны былъ князь по имени Масаръ. Противъ него-то и пошелъ Огузъ каганъ. Произошло весьма упорное сраженіе, Огузъ каганъ побѣдилъ, Масаръ каганъ бѣжалъ, а Огузъ, разбивъ его, завладѣлъ его землею и отправился дальше. Этимъ его друзья были весьма обрадованы, а враги сильно опечалены. Огузъ каганъ побѣдилъ его, все ломкое такъ-же какъ и его лошадей онъ забралъ, расположился на стоянку въ его землѣ и его домѣ, а потомъ пошелъ дальше. Пусть не останется тайной, но будетъ извѣстно, что у Огузъ кагана былъ сѣдобородый, сѣдовласый, весьма умный старецъ, разумный и весьма благомыслящій мужъ и снотолкователь, по имени Улукъ Турукъ. Однажды онъ увидѣлъ во снѣ золотой лукъ и три серебряныя стрѣлы. Этотъ золотой лукъ простирался отъ восхода солнца до запада, тогда какъ стрѣлы его направлялись въ страну ночи (сѣверъ). Послѣ сна онъ сообщилъ Огузъ кагану все, что видѣлъ во снѣ, и молвилъ: «О мой каганъ! Да будетъ тебѣ вѣдомо, о мой князь, ... пусть будетъ разное. Пусть голубое небо (богъ неба) даруетъ намъ все и даруетъ твоему сѣмени ровную землю». Огузъ кагану понравились слова Улукъ Турука, онъ попросилъ у него совѣта и поступилъ согласно съ нимъ. Когда настало утро, онъ велѣлъ позвать старшихъ и младшихъ братьевъ и сказалъ: «О, мнѣ хочется дичи. Такъ какъ я состарился, для меня нѣтъ болѣе господства; Кунъ, Ай, и Юлдусъ, идите по направленію къ утренней зарѣ, а вы, Кюкъ, Тагъ и Тенгисъ, идите къ сторонѣ ночи». Тогда пошли

трое изъ нихъ къ сторонѣ утра, другіе трое пошли къ сторонѣ ночи. Послѣ того какъ Кунъ, Ай и Юлдусъ набили много звѣрей и птицъ, они нашли (въ текстѣ стоитъ «изготовили») золотой лукъ, взяли его съ собою и дали его своему отцу. (Огузь каганъ обрадовался) засмѣялся и сломалъ лукъ на три части, а потомъ сказалъ: «О вы, старшіе братья, пусть лукъ будетъ вашъ, пускайте подобно луку ваши стрѣлы до неба». Также и Кѣкъ, Тагъ и Тенгисъ, настрѣлавъ много звѣрей и птицъ, нашли (изготовили?) въ степи три серебряныя стрѣлы, взяли ихъ съ собою и принесли ихъ своему отцу. Огузь каганъ обрадовался, засмѣялся, раздѣлилъ также и стрѣлы между этими тремя братьями и сказалъ: «О вы, меньшіе братья, пусть эти стрѣлы будутъ вашими. Лукъ пускаетъ стрѣлы, вы поэтому подобны стрѣламъ. Потомъ Огузь каганъ созвалъ большой курилтай и пригласилъ своихъ сподвижниковъ и свой народъ. Они пришли и усѣлись для совѣщанія. Огузь каганъ въ высокой юртѣ ... прекрасенъ ... (по правую сторону) онъ (вбилъ) столбъ (вышиною въ сорокъ сажень), на верху (котораго) прикрѣпилъ золотого пѣтуха, а къ подножью его привязалъ бѣлую овцу, по лѣвую сторону вбилъ онъ также столбъ вышиною въ 40 сажень, на верху его прикрѣпилъ серебрянаго пѣтуха и привязалъ къ его подножью черную овцу. По правую сторону сидѣли бузуки, по лѣвую учуки. Такъ провели они сорокъ дней и сорокъ ночей и обрѣли много радостей. Послѣ этого Огузь каганъ раздѣлилъ свой народъ между своими сыновьями и сказалъ: «О сыны мои! Я много жилъ, я много видѣлъ сраженій копьями; много стрѣлъ послалъ я, много ѣздилъ верхомъ на жеребцахъ. Враговъ я заставлялъ плакать, друзей — смѣяться; все предоставилъ я голубому небу, вамъ отдаю я свой народъ...»

ИЗЪ ТАРИХЪ- И ГАЗАНИ РАШИДЪ-ЭДДИНА.

I.

Исторія и рассказы о племенахъ Огуза и двадцати четырехъ упомянутыхъ поколѣнїяхъ его дѣтей и внуковъ, и нѣкоторыхъ его братьевъ родныхъ и двоюродныхъ, присоединившихся къ нему, отъ которыхъ произошли племена Уйгуръ, Кыпчакъ, Кавклы, Карлукъ и Калачъ, какъ передаютъ (все это) со словъ ихъ мудрецовъ и въ чемъ они согласны.

Какъ упоминается въ исторїяхъ мусульманъ и значитъ въ Пятикнижїи сыновъ Израїля, раздѣлилъ Ной-пророкъ — да будетъ надъ нимъ миръ! — землю отъ юга до сѣвера на три доли: первую далъ онъ изъ своихъ сыновей Хаму, который былъ отцомъ Негровъ, среднюю — Саму, который былъ отцомъ Арабовъ и Персовъ, и третью — Яфесу, который былъ отцомъ Турковъ; и его онъ послалъ на востокъ. Монголы и Турки говорятъ то-же самое; но Турки Яфеса называли Абулджа-Ханъ, и не знаютъ въ точности, былъ ли этотъ Абулджа-Ханъ сыномъ Ноя, — да будетъ надъ нимъ миръ! — или внукомъ его; они только согласны въ томъ, что онъ былъ изъ рода его и близокъ къ нему по времени, и что всѣ Монголы, разныя племена Турковъ и степняки (кочевники) изъ рода его. Поясненїе этого обстоятельства они излагаютъ такимъ образомъ: Абулджа-Ханъ былъ степнякъ (кочевникъ); и лѣтнее кочевье его было въ Ортакъ и Къртакъ — горахъ весьма большихъ и высокихъ; и въ тѣхъ предѣлахъ есть одинъ городъ, по имени Амбайчъ; и зимнее кочевье его тоже въ тѣхъ предѣлахъ, въ мѣстѣ, имя котораго Юрсукъ, Какьянъ и

Каракорумъ, говорятъ также Кара-Корумъ; города Талась и Кары-Сайрамъ лежатъ по близости того мѣста; и Кары-Сайрамъ — городъ древній и очень большой: люди, которые его видѣли, говорятъ, что отъ начала до конца его одинъ день пути и имѣеть онъ сорокъ воротъ. Въ настоящее время тамъ живутъ Турки-мусульмане, и принадлежитъ онъ Кайду, и близокъ къ Улусу Кулджи и мѣсту, гдѣ сидятъ потомки его. У этого Абулджа-Хана былъ сынъ, имя его Дибъ-Бакуй. Значеніе Дибъ есть «мѣсто трона и мѣсто сана», а Бакуй значить «набольшій надъ всѣми племенами», и этотъ сынъ могуществомъ и атрибутами державы былъ болѣе отца и имѣлъ четырехъ сыновей; имена ихъ: Кара-Ханъ, Оръ-Ханъ, Кёръ-Ханъ и Кюзъ-Ханъ. Всѣ тѣ племена были невѣрныя. Кара-Ханъ заступилъ мѣсто отца, и у него родился сынъ. Три дня и три ночи не бралъ онъ груди матери и не ѣлъ молока; по этой причинѣ мать его плакала и умоляла, и каждую ночь видѣла во снѣ, что тотъ ребенокъ ей говорить: «о мать! если ты поклонись Богу и возлюбишь Бога, я вкушу молока твоего». Та жена, по причинѣ того, что мужъ ея и всѣ племена ихъ были невѣрныя, боялась, что если она обнаружитъ поклоненіе Богу, её съ ребенкомъ погубятъ: тайно увѣровала она въ Бога Всевышняго и съ полною искренностью возлюбила Истину Величайшую и Возвышеннѣйшую, и тотъ ребенокъ взялъ грудь матери и ѣлъ молоко. Когда онъ достигъ одного года, былъ до крайности чистъ и красивъ лицомъ и на челѣ его блистали знаки праваго пути и истинновѣрнаго руководства. Отецъ его, видя въ немъ такія примѣты, сказалъ: «такого образа и вида не рождалось еще ни одного ребенка изъ нашего племени: мальчикъ этотъ среди сверстниковъ и товарищей будетъ возвышенъ и почтѣнъ и достигнетъ степеней совершенства». Для назначенія имени ему, онъ держалъ совѣтъ съ родными; однолѣтній ребенокъ издалъ гласъ и сказалъ: «имя мнѣ дайте Огузь». Присутствовавшіе обстоятельствомъ этимъ остались до крайности изумленными и согласно слову его, каковое было знакомъ руководства Всевышней Истины, дали ему имя Огузь.

Когда онъ достигъ зрѣлости, отецъ его, Кара-Ханъ, взялъ для него изъ племянницъ своихъ дочь Кюрь-Хана, которая была чрезвычайной красоты и чистоты. Огузь тайно той дѣвушкѣ сказалъ: «если ты поклонись Богу и возлюбишь Истину, я полюблю тебя и приближусь къ тебѣ». Она выказала великое отвращеніе и не приняла того совѣта и сказала: «я скажу отцу твоему, дабы онъ погубилъ тебя». Огузь по этой причинѣ не обращалъ на неѣ вниманія. Когда отецъ его увидѣлъ, что онъ её не любитъ, взялъ для него дочь другаго брата, Кюзь-Хана. Когда её передали Огузу, онъ и ей сказалъ тоже слово; дѣвушка не согласилась и въ Бога не увѣровала; Огузь и ея не любилъ и къ ней не ходилъ. Кара-Ханъ, увидѣвъ, что Огузь и къ этой дѣвушкѣ не питаетъ склонности и ни къ одной изъ тѣхъ двухъ женъ не ходитъ, сосваталъ для него, по благорасположенію и любви, которыя питалъ къ нему, дочь третьяго брата, Оръ-Хана. И не привелъ онъ еще её въ домъ, какъ однажды Огузь, возвращаясь съ охоты, увидѣлъ ту дочь Оръ-Хана на берегу рѣки, смотрѣвшую на прислужницъ, мывшихъ одежды. Огузь подѣхалъ къ ней и тайкомъ ей сказалъ: «ты знаешь, что изъ дочерей дядей я взялъ двухъ, и не люблю ихъ и не имѣю съ ними общенія; причина та, что я желалъ, чтобы онѣ увѣровали въ Господа небесъ и возлюбили его, онѣ слова моего не послушали и отвергли. Теперь тебя обручили со мною: если ты признаешь единство великаго Бога, и увѣруешь въ него и возлюбишь его, я возьму тебя и полюблю». Дѣвушка отвѣтила: «я Бога не знаю и не вѣдаю, но не преступлю слова и повелѣнія твоего, и приказу твоему буду покорна и послушна». Огузь сказалъ: «сердечное желаніе мое таково, и такъ я приказываю, чтобы ты увѣровала въ Бога и возлюбила Его». Она сказала: «я приняла слово твое». И увѣровала и возлюбила Всевышнюю Истину.

Послѣ того Огузь взялъ её и полюбилъ и всегда къ ней ходилъ, а къ другимъ не ходилъ. И такъ какъ онъ былъ богобоязненный и смиренный, то и не желалъ имѣть сношеній съ отцомъ и дядями, и постоянно искалъ отъ нихъ удаленія и избѣгалъ

ихъ, и отдѣльно отъ нихъ ходилъ на охоту, и постоянно имѣлъ на языкѣ имя Всевышняго Бога по арабски, что есть Аллахъ. И никто не зналъ, каково значеніе этого слова; и онъ постоянно говорилъ Аллахъ пріятнымъ голосомъ, и тѣ люди думали, что онъ говоритъ это слово для того, чтобы помурчать и пошѣть, поиграть и позабавиться, и что это обратилось для него въ привычку и обыкновение.

Однажды Кара-Ханъ устроилъ невѣсткамъ пиршество и обласкалъ ихъ и спросилъ: «такъ какъ эти двѣ первыя невѣстки чище той другой невѣстки, то какимъ образомъ сынъ мой её любить болѣе ихъ и къ ней ходить, и имѣеть съ ней общеніе, а на другихъ невѣстокъ вниманія не обращаетъ?» Тѣ двѣ невѣстки, такъ какъ онѣ были недовольны мужемъ и питали полную ревность, воспользовались удобнымъ случаемъ, выдали мужа и сказали: «онъ принялъ другую вѣру и увѣровалъ въ Бога земли и неба, и возлюбилъ его и желалъ, чтобы и мы согласились съ нимъ, но мы (это) дѣло отвергли и не обратили вниманія на слово его; по этой причинѣ сердце его озлобилось на насъ. А эта послѣдняя невѣстка увѣровала въ Бога его, стала съ нимъ согласной и единой: вотъ почему её онъ любитъ, а насъ ненавидитъ».

И въ то время Огузь съ прислужниками и нѣкоторыми друзьями своими отправился на охоту. Кара-Ханъ собралъ братьевъ, племянниковъ, родственниковъ и начальниковъ и сказалъ: «сынъ мой въ малолѣтствѣ казался очень способнымъ и годнымъ, и къ дѣламъ его у меня была полная сердечная привязанность». Теперь же онъ взялся за дурное дѣло и отвратился отъ нашей вѣры: его нельзя оставлять въ живыхъ». Все то собраніе пришло во гнѣвъ отъ этого слова, и всѣ согласились на умерщвление его. Когда жена Огуза, которая была съ мужемъ согласною, объ этомъ обстоятельствѣ узнала, тотчасъ послала одну женщину изъ сосѣдокъ, на которую полагалась, къ Огузу, чтобы извѣстить его. Огузь приготовился къ строю и битвѣ, и всѣхъ прислужниковъ и друзей, оповѣстивъ, позвалъ къ себѣ. И сошлись на мѣстѣ

охоты. Отецъ его и дяди и родственники возсѣли на коней въ зломъ умыслѣ на него, и съ обѣихъ сторонъ построили ряды и сразились. Въ битвѣ Кара-Хана поразилъ мечъ и отъ этой раны онъ умеръ. И такъ какъ къ Огузу присоединилось значительное множество изъ племенъ и дядей, то они вели войну другъ съ другомъ около семидесяти пяти лѣтъ и препирались съ улусомъ и войскомъ. Въ концѣ концовъ Огузъ вышелъ побѣдителемъ и взялъ ту область отъ Таласа и Сайрама до Бухары и область та покорила ему. Нѣкоторые изъ дядей, братьевъ и племянниковъ, которые не присоединились къ нему, поселились на востокѣ, и у нихъ такъ утверждается, что всѣ Монголы изъ ихъ рода. Въ то время они всѣ были невѣрные, но съ теченіемъ времени стали и они вмѣстѣ съ родомъ (Чингизъ-Хана) исповѣдывать единство Божіе.

Когда Огузу область та стала подчинена и покорена и господство надъ нею утвердилось за нимъ, онъ разбилъ золотой шатеръ и устроилъ большой пиръ: почтилъ родичей и начальниковъ и всѣхъ воиновъ обласкалъ и дядямъ и родамъ, которые соединились съ нимъ, далъ прозвище Уйгуръ, значеніе котораго по турецки — *«соединяться и оказывать помощь»*; и всѣ племена уйгурскія изъ рода ихъ. Другое племя назвалъ онъ Канклы; и племена Кыпчакъ, Калачъ и Агачири также изъ числа тѣхъ, которые соединились съ Огузомъ и смѣшались съ родомъ его. Причина имени каждаго (племени) находится въ нижеслѣдующемъ перечнѣ.

Уйгуръ.

Въ то время какъ между Огузомъ, отцомъ и дядями изъ-за поклоненія его Богу возникла вражда, и они начали войну и битвы, нѣкоторые изъ родичей Огуза соединились съ нимъ и, взявъ его сторону, оказывали ему помощь и поддержку; нѣкоторые же приняли сторону отца, дядей и братьевъ его. Тѣмъ, которые соединились съ нимъ и оказались его помощниками,

Огузь далъ имя Уйгуръ. Значеніе этого имени, каковое есть слово турецкое, по персидски будетъ *«онъ соединился съ нами и оказалъ помощь и согласіе»*. Эта община всегда была съ Огузомъ. Въ то время, когда онъ вознамѣрился овладѣть другими областями, онъ воротилъ Уйгуровъ изъ предѣловъ горныхъ ущелій, дабы они сѣли въ тѣхъ предѣлахъ и охраняли ту область до того времени, какъ онъ возвратится. И всѣ племена Уйгуровъ — изъ рода этой общины.

Канклы.

Также въ то время, какъ Огузь съ отцомъ, дядями, братьями и племянниками сражался и громилъ и опустошалъ страну, изъ племень, которыя (отставъ) отъ родичей присоединились къ нему и съ нимъ стали согласны, это племя во время опустошенія, когда другія производили грабежъ и расхищеніе и доставали добычу и нагружали на четвероногихъ, измышленіемъ собственнаго ума устроили телѣги и награбленное, добычу и добро свое нагружали на нихъ. Телѣгу по турецки называютъ канклы; то племя по этой причинѣ и прозвали именемъ Канклы, и всѣ вѣтви Канкльевъ изъ рода ихъ.

Кыпчакъ.

Въ то время какъ Огузь потерпѣлъ пораженіе отъ племени Итъ-Баракъ, съ которымъ онъ сразился, и остался на островѣ между двухъ рѣкъ и устроилъ тамъ стоянку, одна беременная женщина, мужа которой убили на войнѣ, вошла внутрь большаго дерева съ сгнившей серединой и произвела ребенка. Объ этомъ обстоятельствѣ сказали Огузу; онъ сжалился надъ ней и сказалъ: «такъ какъ у этой женщины нѣтъ мужа, то этотъ ребенокъ будетъ моимъ сыномъ». Онъ занялъ мѣсто сына Огуза, и этотъ далъ ему имя Кыпчакъ, производное отъ *кабукъ*, которое по турецки будетъ *«выгнившее въ срединѣ дерево»*. И всѣ Кыпчаки

изъ рода этого мальчика. По прошествіи семнадцати лѣтъ Огузь разбилъ племя Итъ-Баракъ и пришелъ въ землю Иранскую и тѣ области покорилъ, и послѣ многихъ лѣтъ возвратился въ свою землю. Пришло извѣстіе, что Итъ-Баракъ замышляютъ возмущеніе; онъ послалъ родъ Кыпчакакъ осѣсть между страной Итъ-Баракъ и Яикомъ, чтобы обезопасить себя отъ возмущенія ихъ. Съ того времени остались тамъ лѣтнее и зимнее кочевья Кыпчаковъ.

Карлукъ.

Говорятъ, что когда Огузь изъ области Гуръ и Гуристанъ возвращался въ свое старое становище, по дорогѣ дошли они до высокой горы; выпалъ большой снѣгъ, и нѣсколько семействъ по причинѣ этого снѣга остались назади, и такъ какъ не было разрѣшенія, чтобы кто либо оставался назади, то Огузь не одобрилъ (этого) и сказалъ: «какимъ образомъ изъ-за снѣга можетъ кто либо оставаться позади?» и тѣмъ нѣсколькимъ семействамъ далъ имя Карлукъ, то есть *«снѣговикъ»*. И всѣ племена Карлуковъ появились изъ рода ихъ.

Калачъ.

Говорятъ, что когда Огузь взялъ Исфаганъ и рѣшилъ возвратиться, по дорогѣ одна женщина родила ребенка; по причинѣ неимѣнія пищи она не имѣла молока, и ребенокъ былъ голоденъ. Мужъ ея по этому случаю остался назади: шакаль поймалъ фазана, человекъ бросилъ палку (въ него) и отнял у него (фазана) и далъ ѣсть женѣ, и у ней въ грудяхъ пришло молоко, и она насытила ребенка. И черезъ нѣсколько дней они догнали войско; но такъ какъ не было разрѣшено, чтобы кто либо подъ какимъ бы то ни было предлогомъ оставался позади его (Огуза), то Огузь разгнѣвался на того человека и сказалъ: «какъ ачь, т. е. *«оставайся голоднымъ»*. По этой причинѣ родъ его называютъ Калачъ.

Агачири.

Имени этого въ старое время не было. Въ то время, какъ племена Огуза пришли въ эти области, часть изъ нихъ, которая имѣла становище въ предѣлахъ лѣсовъ, прозвали этимъ именемъ *агач ари*, т. е. «люди лѣсовъ»; подобно тому, какъ изъ племенъ Монголовъ тѣмъ, становище которыхъ было близъ лѣса, дали имя *хойн ириди*, т. е. *лѣсное племя*.

Туркмены, которые были съ Огузомъ и соединены съ нимъ, суть эти упомянутыя племена. И хотя вначалѣ онъ далъ имя Уйгуръ всѣмъ тѣмъ племенамъ, которые (съ нимъ) соединились, но такъ какъ послѣ того нѣсколько племенъ изъ нихъ, каждое по особой причинѣ, какъ тому дано было объясненіе, стали отличены отдѣльными именами, слово Уйгуръ утвердилось за остальными, и они подъ этимъ именемъ получили извѣстность.

Отъ сыновей Огуза произошли двадцать четыре вѣтви, какъ въ росписи (предисловіи) подробно написано, каждая получила определенное имя и прозваніе. И всѣ Туркмены, которые существуютъ на свѣтѣ, изъ рода этого племени и двадцати четырехъ сыновей Огуза. Слова Туркменъ въ старину не было; всѣ племена кочевыя съ турецкимъ обликомъ называли просто Турками (Турк), и у cadaго племени было определенное и особенное прозвище. Въ то время, когда эти племена Огуза изъ своей области пришли въ страны Мавераннахра и землю Иранскую, и размноженіе и приращеніе ихъ было въ этой странѣ, обликъ ихъ въ зависимости отъ вліянія воды и воздуха постепенно сдѣлался подобенъ облику Таджиковъ, и такъ какъ они не были чистыми Таджикими, то племена Таджиковъ назвали ихъ *Туркман*, т. е. «*Туркуподобный*». По этой причинѣ это имя распространилось на всѣ вѣтви племенъ Огуза и подъ нимъ они сдѣлались извѣстны. И изъ этихъ двадцати четырехъ вѣтвей сыновей Огуза одна половина принадлежитъ къ правому крылу войска, а другая — къ лѣвому; и нынѣ каждое изъ этихъ племенъ и вѣтвей знаютъ происхожденіе своей вѣтви, т. е. изъ ка-

кого они племени. Поясненіе этого обстоятельства таково: у Огуза было шесть сыновей, имена ихъ въ такомъ раздѣленіи и порядкѣ: Кунъ (солнце), Ай (мѣсяцъ), Ёлдузъ (звѣзда), Кокъ (небо), Такъ (гора), Тенгизъ (море). Какъ въ исторіяхъ ихъ приводится и какъ мы изложеніе этого представимъ послѣ въ приложеніи къ этой благословенной исторіи со (всею) обстоятельностью и полнотою, Огузъ взялъ всѣ земли Ирана и Турана, Сириі, Египта, Малой Азіи, Франкскія и другія области, и послѣ того какъ всѣ ихъ завоевалъ, возвратился въ Ортакъ и Кёртакъ, которые были его кореннымъ становищемъ; и когда онъ туда прибылъ, созвалъ великое собраніе, и разбилъ чрезвычайно высокій золотой шатеръ и устроилъ большое пиршество: какъ говорить, на томъ пиру было заколото девятьсотъ головъ кобылицъ и девяносто тысячъ барановъ. Онъ созвалъ всѣхъ князей, начальниковъ и войсковыхъ вождей, и всѣхъ обласкалъ, особливо же поименованнымъ шести сыновьямъ, которые въ завоеваніи странъ находились вмѣстѣ съ отцомъ, выказали стараніе и бились мечемъ, оказалъ онъ нарочитую милость и ласку.

Черезъ нѣсколько дней эти сыновья сообща отправились на охоту. Они нашли золотой лукъ и три золотыхъ стрѣлы; принесли это отцу и спросили: «какъ намъ раздѣлить?» Тотъ отдалъ лукъ тремъ старшимъ сыновьямъ, а три стрѣлы — тремъ младшимъ и приказалъ, чтобы племена, которыя будутъ изъ рода тѣхъ сыновей, которымъ онъ далъ лукъ, называли прозвищемъ и именованіемъ *Бозукъ*; значеніе *бозукъ* «ломать на части»; это слово онъ далъ имъ какъ прозвище по той причинѣ, что лукъ по необходимости нужно разломить на части, чтобы можно было раздѣлить; и (приказалъ,) чтобы войско праваго крыла подлежало этимъ тремъ сыновьямъ и роду ихъ. А прозвищемъ племень, которыя будутъ изъ рода тѣхъ сыновей, которымъ онъ далъ стрѣлы, онъ сдѣлалъ Учукъ, бывшее первоначально *үч ук*, что значить: «три стрѣлы», и сказалъ, чтобы войско лѣваго крыла вѣдали эти три сына и дѣти ихъ, и приказалъ, чтобы отнынѣ дѣти ихъ имѣли отношеніе къ этому прозвищу, и чтобы

каждый зналъ, изъ какого онъ крыла войска. И такъ какъ путь правой руки выше, лукъ, который стоитъ на степени государя, онъ далъ имъ, стрѣлы же, которыя стоятъ на степени посланника, онъ далъ тѣмъ, которые съ лѣваго крыла. И всѣ становища праваго и лѣваго крыла по этой причинѣ имъ опредѣлилъ и приказалъ: «тронъ государя и право замѣстительства меня принадлежать племени Бузукъ, такъ что послѣ этого они достанутся Кўну, который есть старшій сынъ, если будетъ въ живыхъ, въ противномъ случаѣ они перейдутъ ко второму сыну Аю».

По смерти Огуза, согласно завѣщанію его, сѣлъ на тронъ Кўнъ-Ханъ и властвовалъ семьдесятъ лѣтъ. У отца его былъ намѣстникъ по имени Игитъ-Иркыль-Ходжа, и былъ онъ совѣтникомъ, министромъ и администраторомъ Кўнъ-Хана. Однажды онъ сказалъ Кўнъ-Хану: «Огузъ былъ великій государь и взялъ онъ страны лица земли, и имѣлъ казну, добро и четвероногихъ (скотъ) безъ числа и это все вамъ, сыновьямъ оставилъ. У каждаго изъ васъ родилось съ помощію Господа по четыре способныхъ сына, — избави Богъ, если потомъ эти дѣти изъ-за добра и собственности затѣяютъ распрю и вражду! Благо въ томъ, чтобы достоинство, положеніе, имя и прозвище каждаго въ отдѣльности были опредѣлены и утверждены, и каждому былъ бы свой знакъ и тамга, чтобы тѣмъ знакомъ и тамгою отмѣчали приказы, казну, табуны и стада, дабы ни одинъ не могъ производить спора и препирательства съ другимъ, и дѣти и потомки ихъ каждый зналъ бы свое имя, прозвище и положеніе, чтобы было это причиною твердости государства и продолжительности доброславія ихъ».

Кўнъ-Ханъ одобрилъ это слово, и Игитъ-Иркыль-Ходжа занялся устройствомъ того. И послѣ того, какъ шести сыновьямъ было назначено прозвище Бузукъ и Учукъ и была присвоена имъ сторона праваго и лѣваго крыла въ войскѣ, онъ вновь назначилъ и утвердилъ прозвище, названіе, тамгу и знакъ каждаго изъ дѣтей ихъ, и каждой вѣтви изъ этихъ двадцати четырехъ вѣтвей присвоили извѣстное животное, чтобы это было ихъ *онконъ*; производится это слово отъ *ымак*, что въ турецкомъ языкѣ значитъ

«*благословенный*», — какъ говорятъ: *ынак болсун*, т. е. *да будетъ благословенно*. И обычай таковъ: на все то, что служить *онконъ* какого либо племени, — такъ какъ они назначили это для предназначения благополучія, — они не нападаютъ, не притѣсняютъ и мяса его не ѣдятъ. И повынѣ смыслъ этотъ твердо держится, и каждое изъ тѣхъ племенъ знаетъ свой *онконъ*. И опредѣлили также (Иркыль-Ходжа), въ то время, когда бываетъ пиршество и дѣлятъ пищу, какая часть мяса должна быть долею каждой вѣтви, чтобы въ каждой странѣ и мѣстѣ, гдѣ они будутъ находиться, во время пиршества доля каждого была явна, и изъ-за вкушенія пищи они одинъ съ другимъ не спорили и не огорчались. И имена этихъ двадцати четырехъ сыновей, — такъ какъ сущность въ имени ихъ, и вѣтвь и поколѣнне каждого подъ тѣмъ именемъ получили извѣстность и оно стало знаменемъ каждой вѣтви — будутъ (здѣсь) написаны съ объясненіями и подробностями, а тамга, *онконъ* и часть мяса, которыя каждому обособлены, будутъ отмѣчены подъ тѣмъ именемъ, чтобы пониманіе того для умовъ было легче.

II.

Племя Уйгуръ.

Когда, какъ упомянуто во введеніи книги, Огузь, сынъ Кара-Хана, сына Дибъ-Бакуя, сына Абуджа-Ханъ Яфеса, сына Ноя — да будетъ надъ нимъ миръ! — бился и сражался съ дядями, братьями и племянниками изъ-за того, что онъ былъ исповѣдующимъ единобожіе, нѣкоторые изъ нихъ оказали ему помощь, другихъ онъ побѣдилъ и покорилъ области, и устроилъ великое собраніе и обласкалъ родственниковъ, начальниковъ и воиновъ и горсти родственниковъ, которая оказала ему согласіе, далъ имя *Уйгуръ*; значеніе слова этого въ турецкомъ языкѣ есть «*соединяться и оказывать помощь*». И имя это придавали вообще той горсти, вѣтвямъ, дѣтямъ и роду ихъ. Но такъ какъ нѣко-

торыя изъ тѣхъ племенъ, каждое по особой причинѣ, получили другія имена, какъ Карлукъ, Калачъ, Кыпчакъ и др., имя Уйгуръ утвердилось за остальными, и по такому изложенію всѣ Уйгуры изъ рода ихъ. Конечно, въ силу продолжительности времени, обстоятельство развѣтвленія племенъ и колѣнъ ихъ не сдѣлалось извѣстно на столько, чтобы корень каждаго могъ быть поименованъ и отличенъ; по этой причинѣ ихъ вообще, не противорѣча предшествовавшимъ разъясненіямъ, полагаютъ вѣтвью изъ Турковъ. Посему, хотя описаніе ихъ вошло въ описаніе вѣтви Огуза, оказалось необходимымъ повторить и въ этомъ отдѣлѣ о племенахъ подобныхъ Туркамъ въ томъ видѣ, какъ излагаютъ Уйгуры. И такъ какъ сказанія и обстоятельства ихъ чрезвычайно обширны, то изложеніе событій ихъ и религіозныхъ вѣрованій, какъ находятся они отмѣченными и записанными въ книгахъ ихъ, составило отдѣльную исторію и образовало прибавленіе къ этой благословенной исторіи, — въ этомъ же мѣстѣ приводится какъ извлеченіе только часть того, что имѣетъ отношеніе къ (этой) вѣтви.

Такъ рассказываютъ, что въ странѣ Уйгуристанъ есть двѣ чрезвычайно высокихъ горы: имя одной Букрату Бозлукъ, имя другой Ашкунлукъ Тянгримъ, а гора Каракорумъ находится между этихъ двухъ горъ, и городъ, который построилъ Каанъ, прозываютъ именемъ той горы. И въ сторонѣ отъ тѣхъ двухъ горъ есть гора, которую называютъ Куть-такъ, и въ окрестностяхъ тѣхъ горъ въ одномъ мѣстѣ есть десять рѣкъ, и въ другомъ мѣстѣ девять рѣкъ. Въ старыя времена мѣсто племенъ *Уйгурскихъ* было на тѣхъ двухъ бассейнахъ рѣкъ, горахъ и степяхъ. Тѣхъ, которые находились на десятирѣчьи, называютъ *Онъ-Уйгуръ*, а тѣхъ, которые на девятирѣчьи — *Токузъ-Уйгуръ*. Тѣ десять рѣкъ называютъ также *Онъ-Орконъ*, и имена ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *Ишкюль*, *Ўтійаръ*, *Тукеръ*, *Уркандуръ*, *Тумуръ*, *Бадаръ*, *Адаръ*, *Учь-Табынъ*, *Кумланджу*, *Ўтмидъ*.

На первыхъ трехъ рѣкахъ жили девять племенъ, на (слѣдующихъ) четырехъ — пять племенъ и тѣхъ, которые были на

Кумланджу, которая есть десятая (рѣка), называютъ племя *Онгъ*, а тѣхъ, которые находились на *Ўтинъ*, что есть десятая (рѣка), называютъ племя *Коман-аты*. И кромѣ этихъ племенъ, жившихъ на этихъ рѣкахъ, было сто двадцать два племени въ той окружности, но имена ихъ неизвѣстны. Прошли года и вѣка, какъ у тѣхъ племенъ уйгурскихъ не было назначено государя и главаря, и во всякое время въ каждомъ племени одинъ преобладаніемъ становился начальникомъ своего племени. Послѣ того тѣ племена въ совокупности для направленія всевозможныхъ дѣлъ составили совѣтъ: «Намъ кромѣ полновластнаго государя, который на всѣхъ распространялъ бы приказы, нѣтъ другаго средства и исхода». Всѣ единогласно и по взаимному своему удовольствію избрали изъ племени *Ишкѹмъ* человѣка по имени *Мѹтѹ-Бай* который былъ разумнѣйшій между племенами, и дали ему прозвище *Аль Амтирирь*, и другаго отмѣченнаго способностями (избрали) изъ племени *Оркундуръ* и дали ему прозваніе *Кѹль-Аркинъ*; обоихъ ихъ сдѣлали государями всѣхъ племенъ. Ихъ родъ царствовалъ въ продолженіи ста лѣтъ. Удивительныя обстоятельства и рѣдкія событія, которыя они рассказываютъ, и нѣкоторыя изъ религіозныхъ положеній, которыя они имѣютъ, съ подробнымъ объясненіемъ записаны и упомянуты сообразно съ передачею ихъ въ исторіи, которая составлена отдѣльно объ Уйгурахъ и сдѣлана прибавленіемъ къ этой благословенной исторіи.

И техническое выраженіе Уйгуровъ въ это позднѣйшее время было таково, что государя своего они называли *Иди-Кутъ*, т. е. «*господинъ счастья*». Во время Чингизъ-хана былъ идикутомъ *Баурчакъ*, и когда Кѹръ-хавъ вновь сдѣлался господствующимъ надъ странами *Маверааннахра* и *Туркестана*, Идикутъ вошелъ подъ иго повиновенія ему; и этотъ послалъ ему намѣстника по имени *Шаукѹмъ*. Ставъ (утвердившись) сильнымъ, онъ простеръ десницу притѣсненія на Идикута, начальниковъ и племена *Уйгуровъ*, требовалъ неподобающаго добра, и они со страха разсѣялись отъ него. Въ этихъ обстоятельствахъ пришло

извѣстіе, что Чингизъ-ханъ сдѣлался обладателемъ странъ Хатайскихъ и послѣдовательно достигала молва о силѣ и могуществѣ его. Идикутъ далъ знакъ, чтобы того намѣстника погубили въ селеніи по имени *Караджу*, и для объявленія враждебныхъ отношеній къ Карахатаю и выраженія подданства и покорности *Чинизъ хану* отправилъ онъ пословъ по имени *Каталмыкъ Ката*, *Омаръ Огуль* и *Татары* на служеніе ему. Чингизъ-ханъ обладалъ пословъ и далъ приказъ Идикуту явиться ко двору. Тотъ послѣдовалъ приказу и, бывъ отличенъ разнаго рода милостями и пожалованіями, возвратился. И во время движенія побѣдоноснаго войска на *Кушлукъ-хана* онъ согласно приказу отправился съ тремястами мужей и оказалъ мужественные подвиги и послѣ того съ разрѣшенія возвратился, сопутствуемый людьми своими и свитой. Когда Чингизъ-ханъ направился на страны *Таджиковъ*, онъ возсѣлъ на коней съ войскомъ своимъ согласно приказанію, сопровождалъ царевичей *Джасатая* и *Ойдыя* и во взятіи *Отрара* выказалъ большое стараніе. Послѣ того въ сообществѣ съ начальниками *Тарбай* и *Бисуръ* и *Алафомъ* ¹⁾ отправился въ столицу (или къ Его Величеству) и въ тѣ предѣлы. И когда Чингизъ-ханъ прибылъ въ свое коренное становище въ большую орду и повелѣлъ походъ на *Танутовъ*, Идикутъ изъ *Бешъ-Балыка* по приказу съ войскомъ отправился на служеніе къ Чингизъ-хану, и тѣми похвальными услугами получилъ отличіе въ умноженіи благосклонности. Онъ (Чингизъ-ханъ) назначилъ (обручилъ) ему одну изъ своихъ дочерей, но окончаніе этого осталось въ отлагательствѣ по причинѣ страшнаго событія (смерти) съ Чингизъ-ханомъ, и онъ возвратился въ *Бешъ-Балыкъ*. Послѣ восшествія *Хбиддй-каана* на престолъ ханствованія, пожаловалъ онъ ему, по обязательству отцовскаго наказа, *Алгунъ Биги*: до прибытія его Алгунъ-Биги умерла. По про-

1) Я рѣшаюсь признать въ *علاقى* собственное имя, потому что выраженіе *در صحبت علاقى متوجه شدن* отправиться въ сообществѣ съ кормомъ мнѣ кажется весьма мало вѣроятнымъ и мало возможнымъ.

шествиі нѣкотораго времени онъ назначилъ ему *Аладжи-Били*, но прежде передачи (врученія) ея *Идикутъ* скончался. Сынъ его *Кичимажинъ* пошелъ на служеніе *Каану* и сталъ *Идикутомъ* и взялъ *Аладжи-Били*, и скоро умеръ. Братъ его *Салынди* по указанію *Турѣиннѣ-хатунъ* занялъ мѣсто брата, сталъ *Идикутомъ* и сдѣлался чрезвычайно могущественнымъ и почитаемымъ. Прочія обстоятельства ихъ, случившіяся въ эти времена, каждое въ своемъ мѣстѣ будутъ пояснительно изложены, если угодно Богу¹⁾.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ АБУ-ЛЬ-ГАЗИ «РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ТУРКОВЪ»²⁾.

I.

Свѣдѣнія о рожденіи Огузъ-хана.

Кара-ханъ имѣлъ отъ своей старшей жены сына; онъ былъ съ лица красивѣе мѣсяца и солнца, три дня и три ночи, онъ не сосалъ груди своей матери, и каждую ночь являлся къ ней во снѣ и говорилъ: «О матъ, прими исламъ, если ты этого не сдѣлаешь, то я лучше умру, но не буду сосать твоей груди». Мать

1) Предлагаемый русскій переводъ изъ Рашидъ-эд-Дина въ очень немногомъ разнится отъ соотвѣтствующаго перевода И. Н. Березина (Труды Вост. Отд. Имп. Арх. Общ. V, 12—25 и 124—128). Отступленія вызваны инымъ кое гдѣ персидскимъ текстомъ Рашидъ-эд-Дина редакціи К. Г. Залемана и инымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ и оборотовъ. Транскрипція собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ этомъ отрывкѣ, принадлежить не мнѣ, а г. Радлову. В. Жуковский.

2) Абу-ль-Гази, хивинскій ханъ, жившій въ половинѣ XVII вѣка, написалъ свое сочиненіе, пользуясь различными источниками, — между прочимъ и относящимся къ началу XIV вѣка сочиненіемъ Рашидъ-эд-Дина, отрывокъ изъ котораго приведенъ выше.

не могла отказать въ этомъ сыну и увѣровала въ единство Божіе. Тогда мальчикъ взялъ ея грудь. Но мать никому не рассказывала о своемъ снѣ и о принятіи ислама, но скрывала это. Причина этого была та, что тюркскій народъ съ Гафета и до времени Ельнече-хана исповѣдовалъ исламъ. Когда Ельнече-ханъ сдѣлался царемъ, число ихъ и ихъ скота увеличилось, они сдѣлались рабами своего имущества, забыли Бога и весь народъ сталъ невѣрнымъ. Ко времени Кара-хана невѣріе ихъ было такъ велико, что сынъ, услышавъ о томъ, что его отецъ принялъ исламъ, убивалъ его, и отецъ, услышавъ то-же о сынѣ, также убивалъ его. Въ то время у монголовъ былъ обычай давать мальчику имя только когда ужъ ему исполнится годъ. Когда мальчику исполнился годъ, Кара-ханъ велѣлъ наготовить для своего народа кумыса и устроилъ большое празднество. Въ день пира Кара-ханъ велѣлъ принести мальчика въ собраніе и сказалъ своимъ бекамъ: «Этому нашему сыну уже годъ, какое имя вы ему дадите?» Прежде чѣмъ беки отвѣтили, мальчикъ сказалъ: «Мое имя — Огузъ». Стихи: «Тутъ явился мальчикъ, которому былъ годъ отъ роду. — Получивъ способность говорить, онъ молвилъ: «Знайте вѣрно, — имя мое Огузъ, знаменитый Хосрой. — Знайте это вѣрно всѣ вы, добрые люди». — Всѣ собравшіеся на пиръ, старій и малый, удивились этой рѣчи мальчика и сказали: «Этотъ мальчикъ самъ называетъ свое имя, есть-ли лучшее имя?» и дали ему имя «Огузъ» и сказали: «Никто никогда не слыхивалъ и не видывалъ, чтобы годовалый ребенокъ могъ сказать такую рѣчь»: Тогда ему составили гороскопъ и сказали, что жизнь его будетъ долгая, царство — великое, что конецъ его далекъ, а величіе его распространится. Огузъ-же, могшій уже теперь говорить, сказалъ: «Аллахъ, Аллахъ!» и всѣ, которые это слышали, сказали: «Этотъ мальчикъ, и, такъ какъ онъ не умѣетъ говорить, то онъ и не знаетъ, что говорить». Слово «Аллахъ» арабское, ни одинъ предокъ монголовъ арабскаго языка не слыхивалъ, Огуза-же Богъ Всевышній отъ рожденія создалъ «валіемъ» (святымъ) и вложилъ ему свое имя въ сердце и въ уста.

Когда Огузь достигъ юношескаго возраста, Кара-ханъ далъ ему въ жены дочь своего младшаго брата Ӗзь-хана. Огузь, оставшись съ ней наединѣ, сказалъ: «Есть Нѣкто, создавшій мѣръ и тебя, и насъ, котораго имя «Аллахъ»; знай, что онъ существуетъ, что онъ Единъ, и не дѣлай ничего кромѣ того, что онъ повелѣваетъ». Съ этими его словами дѣвушка не согласилась. Тогда онъ всталъ и легъ спать отдѣльно отъ нея. Ночью онъ не лежалъ съ нею, днемъ онъ съ нею не разговаривалъ. Черезъ нѣсколько времени Кара-хану сказали: «Вашъ сынъ не любитъ своей жены и вслѣдствіе этого не ложится съ ней съ того дня, какъ онъ ее взялъ». Кара-ханъ, услыхавъ объ этомъ, женилъ его на дочери другого своего младшаго брата Кѣзь-хана. Ей также Огузь предложилъ перейти въ мусульманство, и, такъ какъ она не согласилась, то и съ нею онъ также не спалъ. Когда послѣ этого прошло нѣсколько лѣтъ, Огузь-ханъ пошелъ на охоту и на возвратномъ пути увидѣлъ, что на берегу рѣки нѣсколько женщинъ моютъ платье, и что между ними находится дочь младшаго брата его отца, Кѣрь-хана. Онъ побоялся послать къ ней кого-нибудь, чтобы не обнаружилась его тайна, поэтому онъ позвалъ дѣвушку въ укромное мѣсто и, взявъ съ нея клятву (молчать), сказалъ ей слѣдующее: «Мой отецъ женилъ меня на двухъ дѣвушкахъ, но я ихъ не люблю, потому что я — мусульманинъ, а онѣ — невѣрныя. Хоть я и предлагалъ имъ принять истинную вѣру, но онѣ не соглашались. Если ты примешь исламъ, то я женюсь на тебѣ». Послѣ того, какъ онъ это сказалъ, дѣвушка промолвила: «На какой дорогѣ ты стоишь, на той и я буду». Затѣмъ Огузь-ханъ переговорилъ со своимъ отцомъ; этотъ устроилъ большой пиръ и выдалъ за него дочь Кѣрь-хана. Она приняла исламъ и Огузь-ханъ очень любилъ ее.

Такъ прошло много лѣтъ. Однажды Огузь отправился на охоту въ далекую страну; тогда Кара-ханъ пригласилъ на пиръ своихъ женъ и невѣстокъ и спросилъ въ разговорѣ свою жену. «Что за причина тому, что Огузь-ханъ любитъ свою послѣднюю жену, а никогда не посѣщаетъ женъ, на которыхъ женился

раньше?» Его жена отвѣтила: «Я не знаю, это лучше знать невѣсткамъ». Когда ханъ спросилъ невѣстоку, старшая невѣстка сказала: «Вашъ сынъ — мусульманинъ, онъ побуждалъ насъ обѣихъ принять эту вѣру, но мы не согласились. Ваша-же младшая невѣстка приняла его вѣру, потому-то онъ ее очень и любить?» Кара-ханъ, услышавъ такую рѣчь, созвалъ своихъ бековъ и спросилъ ихъ совѣта. Они рѣшили схватить Огуза на охотѣ и убить его. Кара-ханъ послалъ за людьми, чтобы они скорѣй собирались, такъ какъ онъ де хочетъ ѣхать на охоту. Объ этомъ услышала младшая жена Огузъ-хана и послала къ нему человѣка, который сообщилъ ему о совѣщаніи Кара-хана. Огузъ-ханъ, услышавъ объ этомъ, отправилъ посланцовъ къ народу, которые объявили слѣдующее: «Мой отецъ собираетъ войско и идетъ, чтобы убить меня; тѣ, которые стоятъ за меня, пусть идутъ ко мнѣ; тѣ, которые стоятъ за отца, пусть идутъ къ нему». Большая часть народа отправилась къ Кара-хану, лишь немногіе къ Огузъ-хану. У младшихъ братьевъ Кара-хана было много сыновей, о которыхъ никто не думалъ, что они отдѣлятся отъ Кара-хана, но они всѣ пошли къ Огузъ-хану и онъ назвалъ ихъ «Уйгуръ». «Уйгуръ» есть турецкое слово, значеніе котораго извѣстно всякому, оно значитъ «приверженецъ» (япушкуръ). Говорятъ напр. «молоко створаживается» (уйунды); пока оно остается молокомъ, отдѣльныя части его разрознены, но, когда оно превращается въ простоквашу, то онѣ крѣпко слипаются другъ съ другомъ; также говорятъ: Я слѣдую за имамомъ (уйдумъ), т. е. когда онъ садится, всѣ садятся, когда онъ стоитъ, всѣ стоятъ, а что-же это какъ не «прилѣпленіе» своего рода? Итакъ когда они пришли и ухватились крѣпко обѣими руками за полу кафтана Огузъ-ханова, то онъ и назвалъ ихъ Уйгурами, т. е. приверженцами.

Кара-ханъ и Огузъ-ханъ построили свои войска и сразились, и Богъ Всевышній даровалъ побѣду Огузъ-хану. Кара-ханъ бѣжалъ. Въ сраженіи стрѣла, неизвѣстно кѣмъ пущенная, попала въ голову Кара-хану. Кара-ханъ тутъ-же на мѣстѣ умеръ и Огузъ-ханъ вступилъ на престолъ своего отца.

Разсказъ о правленіи Огузь-хана.

Огузь-ханъ предложилъ всему народу принять исламъ, онъ осыпалъ подарками тѣхъ, кто принималъ вѣру, на тѣхъ-же, которые не принимали, ходилъ войной; самихъ ихъ онъ убивалъ, а сыновей ихъ бралъ въ плѣнъ. Кромѣ народовъ, подвластныхъ Кара-хану, въ то время было много другихъ народовъ; у каждаго значительнаго народа былъ свой царь, а менѣе значительные народы соединялись съ ними. Тѣ народы Кара-хана, которые приняли исламъ, соединились съ Огузь-ханомъ; тѣ, которые не сдѣлались мусульманами, перешли на сторону другихъ князей. Всякій годъ Огузь-ханъ воевалъ съ народами, жившими въ Монголіи, побѣждалъ ихъ и впоследствии покорилъ ихъ всѣхъ. Спасшіеся бѣгствомъ, нашли защиту у хана Татарскаго, а Татары обитали тогда близъ Чюрчита, большой страны, гдѣ было много городовъ и деревень и которая лежала къ сѣверу отъ Китая. Эту страну Индѣйцы и Таджики, называютъ «Чинъ». Огузь-ханъ выступилъ съ войскомъ и напалъ на Татаръ. Ханъ татарскій выступилъ съ большимъ войскомъ и сразился (съ Огузомъ). Огузь-ханъ побѣдилъ его и перерѣзалъ его войска. Въ руки войска Огуза попало такое количество добычи, что для перевозки ея не хватило вьючныхъ животныхъ. Но среди нихъ находился хорошій, искусный человѣкъ; поразмысливъ, онъ сдѣлалъ телѣгу. Прочіе, увидѣвъ это, тоже понадѣлали телѣги и нагрузили на нихъ свою добычу. Телѣги-же они называли «кангъ». Раньше этого не было ни имени телѣги ни самой этой вещи, а называли они ее «кангъ» потому, что при ѣздѣ она производитъ звукъ «кангъ-кангъ». Человѣка, устроившаго телѣгу, называли Канглы и весь народъ Канглы происходитъ отъ этого человѣка.

Огузь-ханъ воевалъ съ Могулами и Татарами, изъ рода которыхъ самъ онъ происходилъ, въ теченіе 73 лѣтъ; по прошествіи 73 лѣтъ онъ покорилъ ихъ и сдѣлалъ ихъ мусульманами. Затѣмъ онъ пошелъ опять въ походъ и завоевалъ Китай, Чюр-

читъ и Тангутъ. Тангутъ таджики называютъ «Тюббетъ». Въ слѣдующемъ походѣ онъ покорилъ Кара-Китай. Это тоже большое царство; лица обитателей его черны, какъ у Индѣйцевъ. Страна эта лежитъ на берегу Океана между Индостаномъ и Тангутомъ¹⁾ По ту сторону Китая на берегу моря живетъ много народовъ зимою къ востоку, лѣтомъ къ югу въ высокихъ горахъ²⁾; царя ихъ зовутъ Итъ Баракъ-ханъ. На него (тоже) пошелъ Огузь и они сразились. Итъ Баракъ-ханъ побѣдилъ, а Огузь-ханъ бѣжалъ. По сию сторону поля битвы протекаютъ тамъ двѣ большія рѣки. Между этими рѣками онъ простоялъ нѣсколько дней и собралъ авангардъ и аррьергардъ разбѣжавшагося своего войска. У великихъ царей есть обычай брать съ собою своихъ женъ, если путь предстоитъ далекій, такъ-же поступаютъ и нѣкоторые изъ ихъ свиты. Одинъ изъ бековъ Огузь-хана взялъ съ собою свою жену. Самъ онъ палъ въ битвѣ, а жена его спаслась и послѣдовала за ханомъ въ промежутокъ между двумя рѣками. Она была беременна и приступила къ ней бѣли. День былъ холодный, и не было дома, куда-бы она могла войти. Тогда она родила сына въ прогнившемъ деревѣ. Когда объ этомъ донесли хану, онъ сказалъ: «Его отецъ умеръ на нашихъ глазахъ, тутъ нечего печалиться», велѣлъ принести мальчика къ себѣ и далъ ему имя «Кыпчакъ». Въ старомъ турецкомъ языкѣ дуплистое дерево называется «Кыпчакъ», и мальчика назвали «Кыпчакъ», такъ какъ онъ родился въ дуплѣ дерева. Теперь дуплистое дерево называется «Чыпчакъ», оттого что языкъ простонародья не можетъ выговаривать чисто, а потому они и произносятъ «к» какъ «ч» и говорятъ «Чыпчакъ» вмѣсто «Кыпчакъ». Этого мальчика ханъ воспиталъ при себѣ. Когда онъ сталъ юношею, у Огуза была вражда съ Урусамы, Улаками, Маджарами и Башкырдами, и онъ отправилъ Кыпчака съ множествомъ спутниковъ и народа на берега Дона (Тинъ) и Волги (Егиль). Донъ и

1) Это слово вставлено сюда изъ одной изъ слѣдующихъ строкъ.

2) Въ этомъ мѣстѣ я переставилъ слова, такъ какъ буквальный переводъ не даетъ удовлетворительнаго смысла.

Волга — это имена большихъ рѣкъ. Триста лѣтъ царствовали тамъ онъ и родъ его, и весь народъ кыпчацкій ведетъ отъ него свое начало. Со времени Огузь-хана до Чингизь-хана никакой другой народъ, кромѣ Кыпчаковъ, не жилъ по берегамъ трехъ рѣкъ Дона, Волги и Яика. Четыре тысячи сто лѣтъ жили они въ тѣхъ странахъ. Поэтому эти земли называются Дэшти-Кыпчакъ.

Послѣ того, какъ Огузь-ханъ былъ побѣжденъ Итъ Баракъ-ханомъ, онъ пошелъ опять на него по прошествіи 17-лѣтъ, сразился съ нимъ, одолѣлъ и убилъ его, и завладѣлъ его землею. Принявшихъ исламъ онъ не тронулъ, неувѣровавшихъ въ Бога онъ перебилъ, взялъ въ плѣнъ ихъ сыновей и возвратился на родину.

Разсказъ о походахъ Огузь-хана на Туранъ и Индо-станъ.

Огузь-ханъ собралъ всѣ войска монголовъ и татаръ и пошелъ на Талашъ и Сейрамъ. Цари Ташкента, Самарканда и Бухары не могли сражаться съ нимъ въ чистомъ полѣ и затвердились въ большихъ городахъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ. Огузь-ханъ самъ осадилъ Сейрамъ и Ташкентъ, а противъ Туркестана и Андиждана выслалъ своихъ сыновей. Завладѣвъ въ шесть мѣсяцевъ Туркестаномъ и Андижданомъ, они воротились служить своему отцу. Огузь-ханъ поставилъ во всѣхъ вышеназванныхъ странахъ «даругъ»¹⁾ и пошелъ на Самаркандъ. Послѣ того какъ онъ взялъ Самаркандъ и посадилъ тамъ «даругу», онъ пошелъ противъ Бухары, а послѣ взятія Бухары, на Балхъ. Послѣ взятія Балха онъ напалъ на землю «Гуръ». Была зима и дни были страшно холодные, на горахъ гурскихъ выпало много снѣга и его войска могли двигаться впередъ лишь съ большимъ трудомъ. Тогда ханъ повелѣлъ: «Пусть никто не отстаетъ отъ

1) «Даруга» — слово монгольское, и значитъ «намѣстникъ». Главною обязанностью даруги была перепись жителей и сборъ податей.

меня», самъ пошелъ дальше и завладѣлъ Гуромъ. Тутъ повѣялъ вѣтеръ и наступила весна. Онъ пересчиталъ свое войско и нѣсколькихъ человѣкъ не оказалось на лицо. Онъ спросилъ о нихъ, но никто ничего не зналъ. Послѣ нѣсколькихъ дней эти люди явились на службу къ хану. Ханъ спросилъ, что съ ними случилось. Они сказали: «Насъ нѣсколько человѣкъ шло за войскомъ. Однажды вечеромъ въ горахъ выпалъ такой сильный снѣгъ, что мы не могли итти дальше и расположились тамъ, ибо всѣ наши кони и верблюды пали. И вотъ съ наступленіемъ весны мы являемся пѣшіе». Тогда ханъ издалъ указъ, чтобы этотъ народъ назывался «Карлыками». Весь народъ карлыцкій происходитъ отъ нихъ. Оттуда онъ пошелъ дальше и завоевалъ Кабулъ и Газнайнъ. Потомъ онъ напалъ на Кашмиръ. Имя царя кашмирскаго было Ягма, въ Кашмирѣ-же много высокихъ горъ и большихъ рѣкъ. Ягма, имѣя ихъ въ тылу, не поддавался Огузь-хану. Они вели войну въ теченіе года и съ обѣихъ сторонъ пало много народа. Наконецъ онъ завладѣлъ и Кашмиромъ, убилъ Ягму и совершенно истребилъ его войска. Нѣсколько времени онъ тамъ оставался, затѣмъ пошелъ черезъ Бадакшанъ къ Самарканду и оттуда уже возвратился обратно въ Монголію.

Разсказъ о походахъ Огузь-хана на Иранъ, Сирію и Египеть.

Годъ онъ пробылъ на родинѣ. На второй годъ онъ велѣлъ объявить народу, что собирается итти въ Иранъ, и что они должны приготовиться къ походу, который будетъ длиться нѣсколько лѣтъ. Во второмъ году онъ вооружился и пришелъ въ Талашъ. Въ тылу своего войска онъ помѣстилъ людей, которые должны были вести съ собою усталыхъ, изнемогшихъ отъ голода, заблудившихся и потерявшихъ. Они привели однажды къ хану человѣка, отставшаго отъ войска со своимъ семействомъ. Ханъ спросилъ его: «Почему ты отсталъ?» Тотъ отвѣтилъ: «Я отсталъ отъ войска по случаю недостатка провіанта. Моя жена

была беременна и родила, и, такъ какъ она была голодна, то молока матери не хватало для ребенка. Я пошелъ впередъ и увидѣлъ, что на берегу рѣки шакалъ схватилъ фазана, я ударилъ шакала палкой, онъ выпустилъ фазана и убѣжалъ. Я же взялъ фазана, зажарилъ его и далъ моей женѣ. Послѣ этого я наткнулся на приставленныхъ Вами людей, они привели меня сюда». Ханъ далъ этому бѣдняку лошадь, провизіи и скота, но не позволилъ ему присоединиться къ войску и назвалъ его Кал-ачъ («оставайся голоднымъ»). Весь народъ Калáчей происходитъ отъ него, ихъ еще и теперь зовутъ «Калáчами». Ихъ много въ Ма-верааннагрѣ, гдѣ они живутъ вмѣстѣ съ аймаками (кочевниками). Много ихъ также въ Хорасанѣ и Иракѣ.

Огузь-ханъ пошелъ черезъ Талашъ въ Самаркандъ и Бухару, затѣмъ онъ переправился черезъ Аму-Дарью и пошелъ въ Хорасанъ. Въ то время въ Иранѣ царь былъ нехорошій. Каймарсъ уже умеръ, а Хушанка они еще не поставили царемъ; такое время арабы называютъ: «мулюки тавáифъ», т. е. «въ каждомъ народѣ особый царь». Турки называютъ такое время: «уй башына кара ханъ», т. е. «во всякомъ домѣ простой человѣкъ — ханъ». Такъ было въ то время въ Иранѣ. Огузь-ханъ завладѣлъ Хорасаномъ, потомъ Иракомъ Аджемскимъ, Иракомъ Арабскимъ, Азербейджаномъ, Арменией и Сиріею (словомъ всей землей) до Египта. Нѣкоторыя изъ этихъ странъ онъ завоевалъ силой. Во время своего пребыванія въ Сиріи, Огузь-ханъ тайно далъ одному изъ своихъ спутниковъ золотой лукъ и три стрѣлы и молвилъ: «Этотъ лукъ зарой въ землю на востокъ въ степи тамъ, гдѣ еще не ступала нога человѣка, и притомъ такъ положи его, чтобы одинъ конецъ его высовывался изъ земли, стрѣлы-же отнеси на западъ и спрячь ихъ такъ-же какъ и лукъ». Этотъ человѣкъ исполнилъ приказаніе и воротился. По прошествіи года, Огузь позвалъ своихъ трехъ старшихъ сыновей Кюна, Ая и Юлдуза и сказалъ: «Придя въ чужую страну, я обремененъ дѣлами и не имѣю времени отправиться на охоту. Я слышалъ, что на востокъ въ такой-то степи есть много дичи.

Отправьтесь туда съ вашей свитой и, разбивъ тамъ палатки, приходите опять». Потомъ онъ призвалъ своихъ трехъ младшихъ сыновей Кёка, Тага и Тенгиза и сказалъ имъ то-же, что и старшимъ, только послалъ ихъ на западъ. Черезъ нѣсколько дней старшіе его сыновья явились къ хану съ множествомъ дичи и съ золотымъ лукомъ, а младшіе тоже съ множествомъ дичи и съ тремя золотыми стрѣлами. Къ этой дичи онъ прибавилъ еще много мяса и другихъ блюдъ и созвалъ народъ. Нахожденіемъ лука и стрѣлъ онъ воспользовался какъ предзнаменованіемъ и возвратилъ ихъ сыновьямъ. Старшіе его сыновья разломали лукъ и подѣлили его между собою, а младшіе взяли каждый по стрѣлѣ. Послѣ того, какъ онъ пробылъ въ названныхъ странахъ много лѣтъ, истребилъ своихъ враговъ и одарилъ своихъ друзей, онъ поставилъ начальниковъ надо всей землей отъ Сейрама до Мисра (Египта) и вернулся къ себѣ на родину.

Разсказъ о томъ, какъ Огузъ-ханъ воротился въ свою землю и устроилъ пиръ.

Въ честь того, что онъ самъ и его сыновья, и его народъ живы-здоровы отправились въ походъ и воротились, Огузъ-ханъ, желая устроить великій пиръ, велѣлъ воздвигнуть (большую) палатку. Концы ея деревянныхъ колышковъ онъ обилъ золотомъ и украсилъ рубинами, сапфирами, смарагдами, бирюзой и жемчугомъ. Въ слѣдующихъ стихахъ описывается это сооруженіе:

«Тотъ властитель выстроилъ домъ изъ золота,
 «Такой, что онъ посрамилъ сводъ небесный,
 «Онъ закололъ 900 лошадей и 9000 овецъ,
 «Велѣлъ сдѣлать изъ кожи 99 мѣховъ,
 «Девять изъ нихъ онъ велѣлъ наполнить водкой,
 90 — кумысомъ,
 «Всѣхъ спутниковъ велѣлъ онъ пригласить и привести
 (на пиръ)».

Своимъ шести сыновьямъ онъ далъ много совѣтовъ и научилъ ихъ мудрости; онъ передалъ имъ земли, города, народъ и всѣ богатства.

Такъ объ этомъ поется въ стихахъ:

«Много на томъ пирѣ устроилъ Огузь увеселеній,
 «Онъ порадовалъ своихъ шестерыхъ сыновей.
 «Храбрость обнаружили они
 «И разнаго рода мудрость вмѣстѣ со своимъ отцомъ.
 «Много помощи оказали они своему отцу,
 «Они были его «все» во дни битвъ».

Также и всѣмъ прочимъ спутникамъ роздалъ онъ сообразно съ ихъ заслугами города, деревни, земли и богатства. Тогда онъ сказалъ своимъ сыновьямъ: «Вы, трое моихъ старшихъ сыновей, нашли и принесли ко мнѣ золотой лукъ; потомъ вы его разломали и подѣлили между собой, посему пусть будетъ ваше имя «Бузукъ» (сломанный) и ваши потомки пусть такъ называются до кончины міра». (Тогда-же онъ установилъ), чтобы трехъ младшихъ сыновей, которые принесли 3 стрѣлы (ючь окъ), а равно и ихъ потомковъ называли-бы отнынѣ и до кончины міра «Учуками». «Не силою людей произошло то, что вы нашли лукъ и три стрѣлы, (примолвилъ онъ), но силою Божіею. Прежде жившіе народы считали лукъ ханомъ, а стрѣлы послами, потому что стрѣла летитъ туда, куда посылаетъ ее лукъ. Такъ-же и нынѣ, послѣ моей смерти, слѣдуетъ народу избрать ханомъ достойнѣйшаго изъ племени Бузукъ. До кончины міра пусть лучший изъ Бузуковъ будетъ царемъ. Прочіе Бузуки пусть занимаютъ мѣста справа, а Учуки — слѣва, по лѣвой сторонѣ дома должны они сидѣть. До кончины міра пусть они довольствуются своимъ подчиненнымъ положеніемъ». Огузь-ханъ отошелъ къ Богу послѣ 116 лѣтъ царствованія.

II.

Разсказъ о народѣ «Уйгурахъ».

Значеніе слова «Уйгуръ» — «приставшій, приверженецъ». Говорятъ (напр.): «Молоко створожилось» (уйуди). Пока оно — молоко, отдѣльныя частицы его разрознены, когда-же оно скиснетъ, то онѣ уже не разрознены, а скрѣпились (уйуди), т. е. пристали другъ къ другу. Такъ же говорятъ: «Я слѣдовалъ имаму», т. е. садился, когда садился имамъ, и вставалъ, когда онъ вставалъ; (такіе люди) тоже (какъ-бы) его приверженцы.

Итакъ разсказываютъ, что въ землѣ «Моголь» есть двѣ горныя цѣпи, лежащія съ востока къ западу; это весьма высокія горы. Имя одной изъ нихъ Букрату Бузлукъ, а другой Ашкундукъ Тегримъ. Между этими горами на западѣ въ Моголистанѣ есть еще гора, которую они называютъ «Куть-Тагъ»; между названными горами протекаютъ въ одномъ мѣстѣ 10 рѣкъ, въ другомъ 9; все это большія рѣки. Въ старину народъ Уйгурскій жилъ по этимъ рѣкамъ. Жившихъ по 10-ти рѣкамъ — называли Онъ-Уйгурами (10 Уйгуровъ), жившихъ же по 9 рѣкамъ Токузь Уйгурами (9 Уйгуровъ). У нихъ было много городовъ, деревень и пашень, и было ихъ 120 племенъ. Они не «поднимали» никого царемъ, которому-бы повиновались, поэтому дѣла ихъ запутались. Однажды они всѣ собрались, посовѣтовались и сказали: «Мы — два различныя народа, пусть каждый изъ насъ избересть себѣ царя. Пусть онъ велитъ у каждаго, кто его не послушается, отбирать скотъ, и отрубать ему голову». Тогда Онъ-Уйгуры «подняли» царемъ человѣка изъ своего племени, по имени Менгу-Тай, и дали ему прозвище Ель-Ельтиръ. Токузь-Уйгуры тоже избрали изъ своего племени царемъ одного человѣка и прозвали его Кель-Еркинъ. Потомки ихъ обоихъ царствовали впродолженіи 100 лѣтъ. Послѣ этого другіе уйгуры были у нихъ царями. Онъ-Уйгуры называли каждаго изъ нихъ Ель-Ельтиръ, а То-

кузь-Уйгуры Кель-Еркинъ. Такъ они называли своихъ царей долгое время, но потомъ стали называть ихъ «Идикутами». Значеніе «иди» общеизвѣстно, оно значитъ «онъ послалъ». Говорятъ (напр.) «йипни и» «отпусти веревку», такъ-же «сыгыръ иди», т. е. корова выпускаетъ молоко». «Душа»-же по турецки будетъ «кутъ», ибо говорятъ: «атынгъ йа тонунгъ кутлы болсунъ», что значитъ «пусть будетъ одушевлено (твое платье или твоя лошадь)»; а если у хозяина ихъ нѣтъ души, то какъ-же они будутъ благословенными? Итакъ «Идикутъ» это тотъ, кто послалъ всему народу душу. Теперь такъ Узбеки называютъ «свободнаго человѣка». Значеніе обожъ словъ осталось то-же¹⁾.

Около 3000 лѣтъ жили Уйгуры въ означенной землѣ, потомъ они пришли въ упадокъ, попали въ плѣнъ и разсѣялись. Нѣкоторые изъ нихъ остались на родинѣ, другіе пошли на берега Иртыша и распались тамъ на три колѣна; одно изъ нихъ, направившись къ Бишъ-Балыку, засѣяло тамъ поля и привело страну въ цвѣтущее положеніе. Другое занялось разведеніемъ лошадей и овецъ и стало кочевать вблизи Бишъ-Балыка. Третье колѣно поселилось въ лѣсахъ на Иртышѣ, не разводило скота, а занималось рыболовствомъ и охотою на выдръ, соболей, куницъ и бѣлокъ, питалось ихъ мясомъ и одѣвалось въ ихъ шкуры; они въ жизни своей никогда не видали ни скота, ни льняныхъ, ни бумажныхъ тканей. Если ихъ матери хотѣли проклясть своихъ дочерей, то говорили: «Пусть ты будешь женой человѣка, у котораго есть лошади и овцы, и пусть на твою голову придутъ злые дни, когда ты будешь ѣсть мясо и пить кумысъ».

Во время Чингизъ-хана былъ Идикутъ, по имени Баурчыкъ, онъ отправилъ посла къ Чингизу, подчинился ему и платилъ ему ежегодную дань. Когда Чингизъ-ханъ пошелъ на Маверааннагръ, то отправился въ походъ и Идикутъ Баурчыкъ со своимъ войскомъ, соединился съ Чингизомъ и сослужилъ ему добрую службу

1) Весь пассажъ о значеніи слова «идикутъ» показываетъ, что Абу-ль-Гази (XVII вѣка) уже не понималъ совершенно уйгурскихъ словъ «иди» и «кутъ», изъ которыхъ одно значитъ «хозяинъ, господинъ», а другое «счастье».

Между уйгурскимъ народомъ многіе умѣли писать по турецки. Веденіе книгъ и счетовъ было имъ хорошо извѣстно. Во время внуковъ Чингизъ-хана въ Мавераанагрѣ, Хорасанѣ и Иракѣ всѣ писцы и секретари были изъ Уйгуровъ. Равнымъ образомъ и въ земляхъ Хитайскихъ сыновья Чингизъ-хана всюду назначали уйгуровъ въ качествѣ писцовъ и секретарей. Сынъ и преемникъ Чингизъ-хана, Угедей-Хаканъ, поручилъ Хорасанъ, Мазандеранъ и Гиланъ Уйгуру, по имени Кюргюзъ, который хорошо былъ знакомъ со счетоводствомъ, отлично опредѣлилъ богатства этихъ трехъ земель и ежегодно отправлялъ съ нихъ подати Угедею.

ИЗЪ «ТАРИХИ ДЖЕХАНГУШАЙ» ДЖУВЕЙНИ¹⁾.

Разсказъ объ Идикутѣ и странахъ Уйгуровъ сообразно съ ихъ мнѣніемъ.

Послѣ того какъ обстоятельства ихъ (Уйгуровъ) изложены, (здѣсь) приводится кое-что изъ того, что написано въ книгахъ ихъ, касательно догматовъ ихъ вѣры и религіи — для удивленія, а непризнанія (того) истиннымъ и достовѣрнымъ.

Уйгуры полагаютъ, что начало порожденія и размноженія Уйгуровъ было на берегу рѣки Орконъ, истоки которой въ горѣ, которую называютъ Каракорумъ, и городъ, который въ это время изволилъ построить каанъ, также по той горѣ называютъ. И тридцать рѣкъ изъ нея вытекаютъ, на каждой рѣкѣ было другое племя, а на Орконѣ были Уйгуры двухъ раздѣленій. Когда скопище ихъ сдѣлалось многочисленнымъ, по образу дру-

1) Ала-эд-Динъ Джувеини, состоявшій на службѣ у чингизидовъ Гулагу и Абаки, окончилъ свое сочиненіе во второй половинѣ XIII вѣка.

гихъ племень изъ среды своей поставили они начальника, и выказывали ему повиновеніе, и пятьсотъ лѣтъ въ такомъ порядкѣ проживали до того времени, какъ появился Буку Ханъ; и такъ говорить молва, что Буку Ханъ — Афрасіябъ, повѣствованіе о которомъ приводится въ исторіяхъ. И есть слѣды мѣста и также большой камень на берегу Каракорума въ горѣ, и говорятъ, что это былъ колодець Бижен'а, и слѣды города есть и дворца на берегу рѣки, имя которыхъ Урду-Балыкъ; теперь называютъ Мару-Балыкъ. Наружѣ развалинъ дворца насупротивъ воротъ лежатъ исписанные обтесанные камни, которые мы осмотрѣли. Во время правленія каана подъ камнями вскрыли и нашли яму и въ ямѣ большую каменную обтесанную плиту. Приказано было кого либо найти для разбора этихъ письменъ; никто ихъ не могъ прочесть. Изъ Хатая собрали людей, которыхъ называютъ Камъ, и письменами этихъ людей на томъ обтесанномъ камнѣ значилось:

Въ то время изъ всѣхъ рѣкъ Каракорума двѣ рѣки, — одну называли Тогла, а другую Селенга, — въ мѣстѣ, которое называютъ Кумланджу, сливались вмѣстѣ, и между ними было два дерева, одно подлѣ другаго: одно называютъ... Это дерево по виду сосна и зимою листья его подобны листьямъ кипариса, а плодъ имѣетъ видъ и вкусъ еловой шишки; другое (дерево) было сосна. Посреди обонхъ появилась большая гора, съ неба на средину той горы ниспадалъ свѣтъ, и день ко дню гора становилась больше. Когда Уйгуры узрѣли это диковинное обстоятельство, удивлялись, и приближались къ ней съ благопристойностью и смиреніемъ, и слышали изъ нея пріятные веселящіе голоса, подобные мелодіи, и каждую ночь на тридцать шаговъ въ окружности ея блисталъ свѣтъ, пока не отверзлась дверь, какъ бываетъ это съ беременными во время родовъ; внутри ея (горы) было пять домовъ на подобіе палатокъ, отдѣльныхъ, и въ каждомъ сидѣлъ мальчикъ, противъ рта каждого висѣла трубка, дававшая по степени надобности молоко; и подъ палатками была растянута сѣть изъ серебра. Начальники племень въ созерцаніи того удивлялись и, почитая для себя обязательнымъ и благопристойнымъ,

склоняли колѣна свидѣтельствванія почтенія. Когда на малютокъ пахнулъ вѣтеръ, они почувствовали нѣкоторую силу и въ нихъ проявилось движеніе; они вышли оттуда наружу и ихъ передали кормилицамъ и исполнили правила почтенія и уваженія; они переступили за предѣлъ кормленія грудью и начали говорить. Спросили объ отцѣ и матери. Имъ указали на тѣ деревья; они пошли туда и выказали почтительное служеніе, какое достойныя дѣти оказываютъ родителямъ, и воздали должное уваженіе и честь мѣсту, гдѣ росли деревья. Деревья заговорили: «достойныя дѣти, изукрашенные благородными доблестями! Вы стали на этотъ путь добродѣтели и соблюли обязанности къ родителямъ: жизнь ваша да будетъ долга и имя вѣчно!» Всѣ тѣ люди, которые были въ тѣхъ предѣлахъ, созерцая выражали (мальчикамъ) почтеніе, приличествующее царскимъ сыновьямъ. Ко времени возвращенія каждому мальчику дали имя: старшему сыну Сункуръ-тэкинъ, второму Котуръ-тэкинъ, третьему Тбкель-тэкинъ, четвертому Оръ-тэкинъ, пятому Буку-тэкинъ. Послѣ обсужденія этихъ удивительныхъ обстоятельствъ, согласились они на томъ, что одного изъ нихъ надобно сдѣлать начальникомъ и государемъ, потому что они посланы Богомъ, — да возвеличится состояніе его и укрѣпится доказательство его. Они нашли, что Буку-ханъ превосходилъ другихъ мальчиковъ красотою внѣшняго вида и силою ума и разсудительности, и зналъ всѣ языки и письма (различныхъ) народовъ. Всѣ въ одно слово согласились на избраніе его въ ханы и собрались и устроили пиршество и посадили его на тронъ ханствованія, и онъ разостлалъ коверъ справедливости и свернулъ листы угнетенія, и слуги его и челядинцы, всадники и приспѣшники стали многочисленны. Всевышняя Истина послала ему трехъ вороновъ, которые знали всѣ языки; всюду, гдѣ бы онъ ни имѣлъ какое либо дѣло, вороны ходили на развѣдки того и оповѣщали его объ обстоятельствахъ. По прошествіи нѣ котораго времени однажды ночью онъ спалъ въ домѣ; изъ окна спустился видъ нѣкоей дѣвы и разбудилъ его, онъ же отъ страха притворился спящимъ. И вторую ночь было

также; на третью ночь, послѣ того, какъ везирь наставилъ его, онъ отправился съ тою дѣвушкою къ горѣ, которую называютъ Кутъ-тагъ, и до самаго ранняго утра между ними была бесѣда. Въ теченіи семи лѣтъ, шести мѣсяцевъ и двадцати двухъ дней каждую ночь она вновъ приходила, и они разговаривали на томъ мѣстѣ; въ послѣднюю ночь, когда она съ нимъ просталась, она ему сказала: «отъ востока до запада (вся земля) будетъ находиться подъ твоимъ приказомъ, старайся въ дѣлѣ и усердствуй и береги людей». И онъ собралъ войско, и изъ него набрали и выбрали триста тысячъ человѣкъ. И послалъ онъ Сункуръ-тэкина и сто тысячъ человѣкъ въ землю Моголовъ и Кыргызовъ; и съ подобнымъ же снаряженіемъ Котуръ-тэкина въ предѣлы Тангутовъ, и со столькимъ же количествомъ Тѣкель-тэкина въ сторону Тюббета; самолично же онъ направился съ тремястами тысячъ мужей въ страны Хатайскія, и другаго брата поставилъ на свое мѣсто. Всѣ возвратились изъ странъ, въ которыя отправились, достигшими цѣли съ такими богатствами, что не было имъ ни счета, ни числа, и со всѣхъ сторонъ привели они много людей на Орконъ, и построили городъ Урду-Балыкъ, и востокъ полностью вошелъ подъ ихъ власть. Послѣ того Буку-ханъ увидѣлъ во снѣ человѣкъ съ тысячу въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и повязкахъ, который (?) ему далъ яшмовый камень въ формѣ кипарисовой шишки и сказалъ: «если ты въ состояніи сохранить этотъ камень, четыре страны свѣта будутъ подъ сѣнію знамени твоего приказа». Везирь также увидѣлъ соответствующій этому сонъ. На утро началъ онъ опять снаряжать войско и направился въ западные климаты (поясы). Дойдя до предѣловъ Туркестана, онъ увидѣлъ обширное поле и много травы и воды. Самъ онъ здѣсь остановился и построилъ городъ Биласагунъ, который теперь называютъ Гыръ-балыкъ, а войска послалъ въ разныя стороны, и въ теченіи двѣнадцати лѣтъ они покорили всѣ климаты, и нигдѣ не оставили ни одного мятежника и непокорнаго. И дойдя до мѣста, въ которомъ они увидѣли людей съ членами животныхъ и понявъ, что по ту сторону не осталось заселенности, возврати-

лись и царей (покоренныхъ) странъ привели съ собою и представили въ томъ мѣстѣ. Буку-ханъ оказалъ каждому подобающія положенію почеть и уваженіе, кромѣ царя Индійскаго, котораго къ себѣ не допустилъ за уродливость и безобразіе (его) вида, и каждаго отпразднвалъ въ его царство и назначилъ дань. Оттуда, такъ какъ никакого другаго соперника на дорогѣ (его) не осталось, онъ изволилъ порѣшить возвращеніе и пришелъ въ старое становище.

И причиною идолопоклонства Уйгуровъ было то, что въ то время знали науку колдовства; знавшихъ это искусство называли Камами. И въ настоящее время среди Моголовъ люди, которыми овладѣваетъ «айна», говорятъ разныя вздорныя вещи и утверждаютъ: «сатана въ нашей власти» и сообщаютъ о разныхъ дѣлахъ. И у нѣсколькихъ были сдѣланы разспросы, и они говорятъ: «Мы слышали, что дьяволы къ нимъ приходятъ чрезъ отверстіе палатки и ведутъ съ ними рѣчь»; возможно, что у нѣкоторыхъ злыхъ духовъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ бываетъ пріязнь и они имѣютъ сношенія, и (наибольшая) дѣеспособность (у) этихъ людей бываетъ въ то время, когда они загасятъ свою естественную страсть... Словомъ, этихъ людей, о которыхъ сказано, называютъ «Камъ», и такъ какъ у Моголовъ не было никакой науки и знанія, они съ-издавна слѣдовали словамъ Камовъ; и теперь (еще) царевичи опираются на рѣчь и молитву ихъ, и если во время начала какого либо дѣла или занятія у нихъ нѣтъ согласія съ астрологами, они никакого дѣла совершать не стануть, и недужныхъ такимъ же образомъ лечатъ.

И въ Хатаѣ былъ одинъ идолопоклонникъ, и послалъ онъ къ Хану одного посла и созвалъ «номистовъ»¹⁾. Когда они пришли, обѣ партіи поставили одну противъ другой, чтобы предпочеть вѣроученіе всякой, которая побѣдитъ. Номисты начали читать свою книгу, которую называютъ «Номъ». И «номъ» есть

1) Т. е. людей, свѣдущихъ въ «номѣ», законоположительныхъ книгахъ Буддизма.

ихъ знаніе и догматика, содержащая вздорныя преданія и рассказы, и находятся въ содержаніи его хорошія увѣщанія, согласныя съ предписаніями и ученіемъ всѣхъ пророковъ, какъ-то, воздерживаться отъ нанесенія обидъ и несправедливости, и тому подобнаго, и воздавать добромъ за зло, остерегаться мучить животныхъ и проч. И ихъ вѣроученія и убѣжденія многоразличны, но болѣе всего на нихъ похоже ученіе послѣдователей переселенія душъ. Онѣ говорятъ, что нынѣшній народъ существовалъ ранѣе много тысячъ лѣтъ; всякій, кто творилъ добрыя дѣла и занимался поклоненіемъ, душа того достигала извѣстной степени сообразно съ дѣяніями, степени ли государя или начальника, крестьянина или бѣдняка; а тѣ люди, которые творили распутство и развратъ, смертоубійства, клевету и обижаніе тварей, — души тѣхъ вошли въ гадовъ, хищныхъ звѣрей и животныхъ, и по этой причинѣ подвержены наказанію. Но это высшая степень невѣжества: «говорятъ то, чего не дѣлаютъ». Когда они прочли немного «Нома», Камы оказались на мели, по этой причинѣ усвоили идолопоклонство и большая часть племенъ послѣдовала имъ; и изъ идолопоклонниковъ, которые имѣются въ сторонѣ восточной, нѣтъ ни одного племени болѣе ихъ враждебнаго и ненавистнаго исламу.

И Буку-ханъ проводилъ жизнь въ счастіи до того (самаго) времени, какъ умеръ. И эта приведенная ложь и вздоръ есть малое изъ многаго и единица изъ сотни, цѣль — подтвердить невѣжество и глупость этихъ людей. И одинъ другъ рассказалъ, что онъ читалъ въ одной книгѣ, что былъ нѣкій человѣкъ; на томъ вышеупомянутомъ мѣстѣ онъ выкопалъ яму среди двухъ деревьевъ и дѣтей своихъ въ ту средину посадилъ, и по срединѣ возжегъ свѣтильники, и приводилъ людей на смотрѣніе того, и самъ выражалъ почтеніе и другихъ къ тому побуждалъ, такъ что народъ тотъ былъ этимъ обманутъ, до того времени, какъ онъ это закопалъ и дѣтей вывелъ наружу.

Послѣ него (Буку-хана) замѣстителемъ хана сталъ одинъ сынъ его. Племена и люди, бывшіе изъ числа Уйгуровъ, въ

ржаніи коней, ревѣ верблюдовъ, воѣ и лаѣ хищныхъ звѣрей и собакъ, мычаніи коровъ, бляеніи овецъ, щебетаніи птицъ и плачѣ дѣтей слышали зовъ *кѡчь-кѡчь* (т. е. перебирайся, перебирайся), и они сдвигались съ тѣхъ (своихъ) стоянокъ и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ они останавливались, тотъ же зовъ *кѡчь-кѡчь* достигалъ слуха ихъ, до степи, на которой они построили Бэшъ-Балыкъ: зовъ тамъ замолкъ, и въ томъ мѣстѣ они остановились и построили пять кварталовъ и назвали Бэшъ-Балыкъ, и мало по малу онъ сталъ мѣстомъ широкимъ и длиннымъ. И съ того времени потомки ихъ были князьями, и своего князя называютъ они Идикутъ. И дерево...? — дерево проклятое; въ капищахъ ихъ на стѣнахъ оно нанесено (и его) нарисовали.

ИЗЪ «МАДЖМА - ЭЛЬ - АНСАБЪ» МУХАММЕДА - ИБН АЛИ - ИБН МУХАММЕДА - ИБН ХУСЕЙНА - ИБН АБИ БИКРА АШ - ШАБАНГАРАЇИ (XIV ВѢКА).

Впрочемъ относительно происхожденія Уйгуровъ есть различные рассказы; всякій рассказываетъ что-нибудь; но по своему собственному мнѣнію они происходятъ отъ Афрасіаба. Другіе же люди изъ Уйгуровъ — ихъ называютъ «камами», они считаются учеными среди турокъ - уйгуровъ и благодаря имъ возникло у нихъ искусство писать, краснорѣчіе, астрономія, колдовство и тому подобное, — эти люди сочинили и распространили различныя глупыя рѣчи въ народѣ, что уйгуры происходятъ отъ тѣхъ пяти мальчиковъ, которыхъ нашли внутри дерева. Этотъ рассказъ включенъ въ «Тарихи Джехангушаи Хани», но сахибдиванъ (губернаторъ), авторъ его, говоритъ: этотъ рассказъ лишенъ основанія и противорѣчитъ здравому смыслу; но возможно, что въ то время жилъ умный человѣкъ, который посадилъ искуснымъ образомъ тѣхъ пятерыхъ мальчиковъ въ то дерево и обма-

нулъ и ввелъ въ заблужденіе тѣхъ турковъ; въ противномъ случаѣ, какимъ образомъ разумъ допустить, что пять дѣтей изъ рода Адамова произошли изъ дерева, и что молоко капало съ пяти сучьевъ этого дерева, а они его пили? Это просто немыслимо, и отвѣтственность пусть падеть на рассказывавшихъ (это).

ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ МОНГОЛЬСКОЙ ДИНАСТІИ¹⁾.

Бар-чжу-артэ тэ-гинь былъ И-ду-гу; И-ду-гу былъ тигуль князей Гао-чана. Въ прежнія времена они жили въ странѣ уйгуровъ; тамъ есть гора Го-линъ, изъ которой текутъ 2 рѣки, онѣ называются Ту-ху-ла и Сэ-лэн-гэ. Однажды надъ деревомъ между двумя рѣками появился чудный свѣтъ. Жители пошли туда, чтобы посмотрѣть, что это значитъ. На деревѣ показался наростъ (опухоль) по виду, какъ животь беременной женщины. Послѣ этого свѣтъ часто показывался. Послѣ 9-и мѣсяцевъ и 9 дней наростъ на деревѣ лопнулъ и вышли пять мальчиковъ. Тамошніе жители взяли ихъ на воспитаніе; младшаго изъ нихъ звали Бу-кя-хань. Выросши, онъ подчинилъ себѣ тѣхъ жителей и ихъ страну и сталъ царемъ. Болѣе чѣмъ послѣ 30 царей, къ которымъ переходилъ престолъ, явился Юй-лунь-ти-гинь, сражавшійся много разъ съ людьми Танъ. Послѣ долгаго времени они стали совѣщаться, чтобы заключить союзъ на основаніи родства, дабы окончить войну и заняться упорядоченіемъ (дѣль) народа. Тогда Танъ дали княжну Цзинь-лянъ Йе-ли Тегину, сыну Юй-лунь-Тегина. Они жили у горы Голинъ, на Пе-ли-поли-та (т. е. тагъ), т. е. на горѣ, обитаемой женщиной. Кромѣ того тамъ была гора Тянь-че-ли-юй та-ха, т. е. «гора суда небснаго», на немъ (или близъ него, ихъ?) былъ утесъ (камень-

1) Т. е. Юань-Ши, гл. 122, стр. 1, по переводу В. П. Васильева.

гора), который называли Гу-ли-г'а-га (Ху-ли-та-ха), т. е. «гора счастья» (Кутлукъ-Тагъ). Когда послы Танъ пришли туда съ соглядатаемъ, то онъ сказалъ: «Величіе и могущество Голина состоитъ въ этой горѣ; эту гору надо уничтожить, чтобы ослабить это царство». Поэтому они сказали Юй-лунъ Тегину: «Касательно заключенія брака мы имѣемъ до тебя просьбу, исполнишь-ли ты ее? Камень на Горѣ Счастья для тебя бесполезенъ, а Танъ желаютъ обладать имъ». Юй-лунъ Тегинъ отдалъ имъ камень. Но камень былъ великъ и его не могли увести. Тогда люди Танъ раскалили его сильнымъ огнемъ и полили виномъ и уксусомъ. Тогда камень распался и его унесли на носилкахъ. Тутъ испустили жалобные вопли птицы и четвероногія животныя въ царствѣ уйгурскомъ. По прошествіи 7-и дней Юй-лунъ-Тегинъ умеръ. Всевозможныя несчастія и бѣдствія появились, народъ жилъ въ безпокойствѣ, и часто погибали и занимавшіе престолъ. Поэтому они переселились въ Цзао Чжоу, т. е. въ Хо-чжоу. Отъ нихъ зависѣла земля Бе-ши-ба-ли (Бешъ-Балыкъ), которая простиралась къ сѣверу до А-чу (Ак-су?), къ югу до Цзю-Цюань, къ востоку (западу?) до У-дунъ (Хотанъ) и Кя-ши-хо (Кашкаръ?) и къ западу (востоку?) до Си-фанъ (Тибетъ).

Болѣе 970 лѣтъ прошло до царствованія Бар-чжу-артэ-тэ-гина, бывшаго въ зависимости у Киданей. Въ 1209 году онъ узналъ, что Тай-цзу (Чингизъ-ханъ) на сѣверѣ достигъ большаго могущества. Онъ убилъ главнаго губернатора Киданей, поставленнаго надъ его царствомъ, и прочихъ чиновниковъ, чтобы подчиниться Чингизъ-хану; но прежде чѣмъ онъ это исполнилъ, Чингизъ-ханъ отправилъ пословъ въ его землю. И-ду-гу послалъ затѣмъ гонца со слѣдующимъ порученіемъ: «Я, твой подданный, услышавъ о славѣ властителя (тебя), порвалъ мои старыя связи съ Киданями. Но когда я намѣревался объявить тебѣ свою покорность, неожиданно явился (твой) небесный посолъ и соизволилъ опуститься на (мою) низкую землю. Отнынѣ я желаю со всѣмъ своимъ народомъ стать твоимъ подданнымъ и рабомъ».

Когда царь (Чингизъ) сразился съ ханомъ Наймановъ и убилъ его сына, Токто, то четыре сына послѣдняго: Та-тзу, Тзи-лагунъ, Мао-дзиль и Ту-се-жи, не будучи въ состояніи увезти цѣликомъ его трупъ, отрубили ему голову и переправились черезъ рѣку Яръ-дэ-ши (Иртышъ). Они хотѣли бѣжать къ И-ду-гу и послали передъ собою гонца. Но И-ду-гу убилъ его и, когда прибыли 4 брата, то напалъ на нихъ яростно на рѣкѣ Чанъ, и послалъ (гонца) къ везирю хана съ извѣстіемъ; онъ-же отправилъ въ свою очередь къ нему посла съ приказаніями. Послѣ этого И-ду-гу послалъ въ дань золото и драгоценные камни; въ 1261 году представился самолично царю на рѣкѣ Тзи-лур-гъ и сказалъ: «Если ты благосклоненъ ко мнѣ, то помѣсти меня позади твоихъ четырехъ сыновей, чтобы я могъ истощить (на службѣ) мои силы подобно собакѣ или лошади». Тронутый этими словами царь велѣлъ наградить его княжной Ё-ли ан-дунъ и указалъ ему мѣсто около своихъ дѣтей и Че-би, ноѣана. Во время похода на Ганъ-мянъ Со-танъ (Султанъ) и другія царства Хуй-хуй, И-ду-гу находился во главѣ военнаго отряда въ 10000 человекъ и, куда-бы онъ ни обращался, повсюду оставался побѣдителемъ, такъ какъ поддерживалъ (у себя) весьма строгую дисциплину. Онъ сопровождалъ царя также и при походахъ противъ Ни-ша-пу (Нишабуръ) и противъ Га-си и повсюду отличался. Послѣ его смерти ему наслѣдовалъ сынъ его Ю-гудун-чи Тегинъ.

3. Историческія свѣдѣнія объ Уйгурахъ.

Понимать исторію кочеваго народа—вообще трудная задача для всякаго, кто знакомъ только съ воззрѣніями осѣдлыхъ народовъ. Понятія: князь, чиновникъ, народъ, государство, область, собственность и т. п. имѣютъ въ жизни кочевниковъ не то значеніе, какое у осѣдлыхъ. Равнымъ образомъ война и миръ вліяютъ на социальныя отношенія кочевниковъ не такъ, какъ у культур-

ныхъ осѣдлыхъ народовъ. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ историческимъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ о народѣ уйгурскомъ, я попытаюсь въ общихъ чертахъ обрисовать жизнь кочеваго народа вообще, на сколько я могъ изучить ее на кочевникахъ тюркскаго племени.

Въ развитіи человѣческаго общества мы наблюдаемъ три ступени, которыя лучше всего сравнить съ тремя состояніями тѣлъ, различаемыми въ физикѣ. На низшей ступени стоитъ обитатель лѣсовъ, добывающій средства къ жизни охотой; на второй занимающійся скотоводствомъ кочевникъ, тогда какъ высшую ступень занимаетъ земледѣлецъ, живущій въ постоянныхъ жилищахъ. Народы охотничьи, — если о нихъ вообще можно говорить какъ о народахъ, ибо у нихъ общій языкъ служитъ едва-ли не единственнымъ связующимъ элементомъ между отдѣльными семьями, — добываютъ средства къ жизни, т. е. одежду, пищу и т. п., единственно путемъ охоты на дикихъ звѣрей, число которыхъ постоянно уменьшается въ столкновеніи съ человѣкомъ. Охотничьи народы поэтому лишь тогда могутъ продолжать жить, какъ привыкли, когда приростъ дичи равняется ея ежегодной убыли. Итакъ извѣстный лѣсной районъ можетъ прокормить лишь извѣстное число охотниковъ; при всякомъ приростѣ населенія количество дичи равномерно убываетъ, и такимъ образомъ вызывается непременно выселеніе, и притомъ выселится больше чѣмъ народилось, такъ что всякій приростъ населенія въ концѣ концовъ ведетъ къ уменьшенію его. Для того, чтобы сохранить такое количество дичи, какое потребно для пропитанія, охотничьи народы стараются разбиться на возможно мелкія общества, изъ которыхъ каждое и охотится въ районѣ, доставляющемъ достаточное количество дичи. Отдѣльныя семьи держатся во время этихъ охотничьихъ экспедицій вмѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока сыновья не выростутъ. Послѣ женитьбы сыновья отдѣляются отъ семьи, и отецъ остается съ самымъ младшимъ сыномъ, на котораго и ложится обязанность ходить за старикомъ-отцомъ. Болѣе крупныя общества держатся вмѣстѣ

только тамъ, гдѣ, какъ напр. по берегамъ рыбныхъ рѣкъ, рыболовство допускаетъ жизнь вмѣстѣ, или гдѣ охотнику уже удалось приручить хоть одно изъ дикихъ животныхъ (напр. сѣвернаго оленя). Но такъ какъ интересы отдѣльной охотничьей семьи могутъ всегда страдать отъ бродящихъ вокругъ нея другихъ семей, то даже и на этой низкой ступени развитія замѣчается стремленіе къ образованію рода. Семьи, принадлежащія къ одному и тому-же роду, собираются въ извѣстные сроки на извѣстныхъ мѣстахъ для веденія общественныхъ дѣлъ и улаживанія возникающихъ распрей. На этихъ собраніяхъ извѣстныя семьи и лица пользуются нѣскольکو бѣльшимъ уваженіемъ и на нихъ смотрятъ какъ на вождей всего рода. Но лѣсъ защищаетъ отдѣльныхъ лицъ лучше, чѣмъ общество, и потому послѣднее имѣетъ лишь весьма незначительное вліяніе на отдѣльныя семьи. Опасности извнѣ для охотничьихъ народовъ почти не существуетъ, ибо вторгающійся непріятель по большей части не находитъ никакихъ противниковъ и почти всегда бываетъ принужденъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, покинуть страну, раньше чѣмъ получить возможность вредить ея разсѣянными жителямъ. При такихъ условіяхъ обитатели лѣса цѣлыми столѣтіями остаются на той-же ступени развитія, и лишь постепенное истребленіе лѣса, происходящее благодаря вторженію чужой культуры, можетъ побудить ихъ перемѣнить свой образъ жизни. Совершенно иначе слагаются общественныя отношенія у кочевниковъ, занимающихся скотоводствомъ. Кочевникъ живетъ не непосредственно произведеніями природы, какъ обитатель лѣсовъ, а искусственно поддерживаетъ у себя стада, которыя доставляютъ ему средства къ жизни, и потому нуждается въ извѣстномъ участкѣ, на которомъ-бы кормился его скоть. При благопріятныхъ условіяхъ стада благоденствуютъ и разрастаются, тогда какъ неблагопріятныя условія уменьшаютъ ихъ количество. Здѣсь является такимъ образомъ неравенство собственности, которое и заставляетъ богатаго занимать бѣльшую площадь для своихъ стадъ, сравнительно съ бѣднымъ. Такъ какъ для стадъ

потребны въ разныя времена года различныя жизненныя условія, то необходимы удобныя зимнія и лѣтнія становища, которыя нерѣдко отстоятъ другъ отъ друга на десятки верстъ. Поэтому кочевникъ принужденъ въ продолженіе года передвигаться съ мѣста на мѣсто по большой площади. При этомъ онъ долженъ защищать свои стада отъ нападений, что онъ не можетъ дѣлать одинъ. При такихъ обстоятельствахъ замкнутость каждаго отдѣльнаго лица является уже нецѣлесообразной; всякій долженъ упорядочить свои отношенія съ сосѣдями, а это возможно лишь тогда, когда отдѣльныя семьи соединятся въ болѣе или менѣе крупныя, тѣсныя общественныя группы, которыя-бы обезпечивали внутренній порядокъ и защиту отъ внѣшнихъ враговъ.

Я имѣлъ случай втеченіе многихъ лѣтъ наблюдать за образованіемъ общественныхъ группъ у киргизовъ и думаю, что оно измѣнилось лишь въ незначительной степени, хотя-бы втеченіе и многихъ столѣтій.

Основой для образованія обществъ у кочевниковъ служить семья съ ея естественной связью. Интересы членовъ семьи, находящихся въ ближайшемъ родствѣ другъ съ другомъ, тѣсно связаны благодаря общинному землевладѣнію, составляющему непремѣнное условіе для содержанія и разведенія небольшихъ стадъ; къ семьѣ въ тѣсномъ смыслѣ примыкають болѣе дальніе родственники и бѣдныя, одиноко стоящія семьи и образуютъ самую мелкую общественную единицу «аулъ», который держится вмѣстѣ круглый годъ. Семья, владѣющія большими стадами, не могутъ вмѣстѣ мѣнять свое мѣстопребываніе безъ вреда для хозяйства; поэтому члены ихъ отдѣляются и образуютъ съ бѣдными людьми, частью поступающими къ нимъ на службу, частью пристающими къ нимъ въ качествѣ «клиентовъ», свои отдѣльныя аулы. Очень богатые люди образуютъ даже нѣсколько ауловъ, раздѣляя свой скотъ на части, за которыми смотрять ихъ слуги или клиенты, образующіе такимъ образомъ самостоятельныя аулы. Главой всякаго аула считается старшій членъ наиболѣе богатой въ аулѣ семьи или той семьи, члены которой составляютъ боль-

шинство. Лѣтомъ каждый аулъ кочуетъ отдѣльно, зимою-же нѣсколько ауловъ соединяются вмѣстѣ и селятся на одномъ зимнемъ становищѣ. Это дѣлается потому, что зимою не всѣ стада остаются при аулѣ, почему надзоръ за ними требуетъ ббльшаго числа людей, чѣмъ лѣтомъ, и кромѣ того потому, что суровая зима съ ея лишеніями менѣе даетъ себя знать въ большемъ обществѣ. Такимъ образомъ образуется подраздѣленіе племени, «подплемя», живущее зимою вмѣстѣ, а лѣтомъ разсѣвающееся на большомъ пространствѣ, причемъ однако не теряется чувство извѣстной солидарности между отдѣльными аулами, такъ что сосѣди при нападеніяхъ извнѣ соединенными силами дружно даютъ отпоръ общему врагу. Въ такомъ подплеменіи уже есть общіе и частные интересы какъ ауловъ, такъ и отдѣльныхъ семей, такъ какъ лѣтнія кочевья считаются, правда, общимъ достояніемъ, но зимовки (зимнія становища) разсматриваются какъ собственность отдѣльныхъ семей и даже лицъ и могутъ быть отчуждаемы и сдаваемы въ аренду. Здѣсь уже есть потребность во власти, которая-бы улаживала распри, возникающія между аулами, и рѣшала спорные вопросы. Такая власть сосредоточивается въ рукахъ лицъ, которыя отличаются происхожденіемъ отъ родовъ, бывшихъ прежде могущественными, богатствомъ, духовными способностями, справедливостью, но главное — большимъ количествомъ родичей, могущихъ въ случаѣ надобности поддержать слово дѣломъ. Такія лица называются у киргизовъ біями (би = бей = бекъ); они судятъ народъ, хотя никто собственно не давалъ имъ на это права. Они разрѣшаютъ споры о землевладѣніи на зимовкахъ, улаживаютъ отношенія между аулами и судятъ всякія насильственные дѣйствія по отношенію къ собственности и личной безопасности отдѣльныхъ лицъ. Такъ какъ кочевой народъ совсѣмъ не имѣетъ понятія о выборѣ главарей голосованіемъ, то власть бія есть въ сущности всегда власть, захваченная силой извѣстной семьей или ея представителемъ, которую другіе признаютъ, лишь понуждаемые къ тому обстоятельствами. Біи выступаютъ преимущественно въ качествѣ

третейскаго судьи, рѣшенію котораго обѣ стороны добровольно подчиняются. Впрочемъ въ этомъ отношеніи нельзя установить общаго правила. Есть бія, рѣшенію которыхъ народъ безусловно подчиняется; это — люди, добившіеся такого положенія своимъ правосудіемъ или умомъ, другіе удерживаютъ за собой крѣпко свое мѣсто благодаря важности ихъ семьи или рода и богатству, но большинство пользуется безусловнымъ уваженіемъ только въ одной части подплемени и имѣетъ соперниковъ въ другихъ частяхъ той-же группы. Вліяніе бія не ограничивается отправленіемъ имъ судейскихъ обязанностей, но простирается на всѣ дѣла общественной группы, которая ему подчиняется. Для приведенія въ исполненіе своихъ рѣшеній онъ нуждается всегда въ помощи наиболѣе уважаемыхъ лицъ общины, поэтому онъ старается быть съ ними въ возможно близкихъ отношеніяхъ и, будучи въ сущности вождемъ, дѣйствовать всегда какъ-бы по ихъ порученію. Онъ никогда не созываетъ официальнаго, если можно такъ выразиться, совѣта; напротивъ, его совѣщанія всегда носятъ характеръ частнаго собесѣдованія. При столь непрочной общественной связи само собой разумѣется, что значеніе подплемени возрастаетъ со значеніемъ и вліятельностью руководящаго имъ бія. Благодаря ему, связь между аулами укрѣпляется, подплемя получаетъ болѣе вліяніе сравнительно съ другими подплеменами, отдѣльныя семьи, даже цѣлыя аулы присоединяются къ нему, такъ какъ находятъ въ этой новой общинѣ лучшую защиту своихъ интересовъ. Такимъ образомъ возникаютъ часто изъ новыхъ, въ началѣ незначительныхъ подплемень, благодаря личному вліянію бія, сильныя, вліятельныя общины, имя бія становится для этой общины новымъ племеннымъ именемъ, которое не утрачивается и послѣ смерти бія. Такой процессъ мыѣ случилось наблюдать къ югу отъ Бухтармы у самостоятельныхъ, не зависящихъ ни отъ Россіи ни отъ Китая, Каратайцевъ.

Извѣстное число подплемень образуетъ издревле болѣе или менѣе значительное племя. Это общины, создавшіяся путемъ историческаго развитія, которыя возникли за много поколѣній

благодаря общему происхожденію, переселенію откуда-нибудь или благодаря прежнимъ войнамъ. Такъ какъ племя есть уже продуктъ исторической жизни, то въ немъ всегда есть извѣстное число семей, которыя искони принадлежали къ господствующимъ и, происходя отъ прежде господствовавшихъ семей, признаются народомъ за своего рода дворянъ, пользующихся извѣстными привиллегіями. Однако вліяніемъ пользуется дворянство лишь постольку, поскольку оно имѣетъ значеніе благодаря богатству, многочисленности рода и личной доблести; часто власть вовсе не находится въ рукахъ дворянскихъ семей. Подобно аулу и подплеменю, племя образуетъ также нѣкоторое общественное цѣлое, обязанное охранять интересы своихъ сочленовъ отъ посягательствъ другихъ племенъ. Столкновенія, возникающія между племенами, разбираются общимъ собраніемъ биевъ отдѣльныхъ племенъ путемъ чисто-третейскаго суда, причемъ каждый бій является представителемъ правъ своего племени. И здѣсь личное вліяніе бія имѣетъ рѣшающее значеніе. Если одна изъ сторонъ недовольна рѣшеніемъ биевъ, то она начинаетъ стремиться возстановить свое яко-бы поправное право силой, не взирая на рѣшеніе биевъ. Тогда начинается война, называемая у киргизовъ «джау», которая длится до тѣхъ поръ, пока вліянію биевъ не удастся снова возстановить спокойствіе путемъ мирнаго соглашенія. Достойно замѣчанія, что, по мнѣнію киргизовъ, аулъ отвѣчаетъ за проступокъ или незаконное дѣяніе каждаго своего сочлена, такъ-что если должникъ или воръ не выплачиваютъ присужденной биемъ пени, то ее взыскиваютъ силою съ какого-нибудь другого лица, принадлежащаго къ аулу; равнымъ образомъ подплемя отвѣчаетъ за каждый отдѣльный аулъ, а цѣлое племя за всякое отдѣльное подплемя. Если, напримѣръ, члены племени «Кирей» считаютъ себя вправѣ требовать 100 лошадей съ лица, принадлежащаго къ племени «Каратай», которое отказывается заплатить свой долгъ, то кирейцы взыскиваютъ свой долгъ съ какого-нибудь изъ каратайцевъ. Каратаецъ, понесшій ущербъ, требуетъ возмѣщенія его съ подплемени, къ которому

принадлежитъ настоящій должникъ; если его требованіе не выполняется или если рѣшеніе бія не приводитъ къ желаемому результату, то онъ также силою старается завладѣть требуемымъ, взыскивая свой долгъ съ какого-нибудь другого сочлена того-же подплемени; такимъ образомъ поступаютъ до тѣхъ поръ, пока дѣло не разрѣшается наконецъ судебнымъ порядкомъ среди наиболѣе тѣсно связанныхъ между собой одноаульцевъ. Изъ племенъ образовались въ давнопрошедшія времена большихъ войнъ болѣе значительные союзы, колѣна, а эти послѣднія соединились опять-таки въ «орды», какъ напр. еще и теперь существующія у киргизовъ Большую, Среднюю, Малую и Внутреннюю или Букеевскую орду. Когда киргизы были еще совершенно самостоятельны, то эти орды и колѣна только постольку составляли общественныя группы, поскольку они могли противопоставляться другимъ колѣнамъ или ордамъ. Послѣ того, какъ киргизы были покорены русскими, орды и колѣна существуютъ только по имени, это—пустой звукъ безъ содержанія, ибо власть государственная защищаетъ колѣна отъ болѣе или менѣе значительныхъ обидъ, и не допускаетъ самопомощи или самоуправства въ большихъ разиѣрахъ. Въ прежнія времена, когда кочевники составляли болѣе крупныя политическія единицы, эти союзы были опорю всего народа. Образование новыхъ племенъ сдѣлалось теперь невозможнымъ у кочевниковъ, подвластныхъ Россіи, и поэтому возникъ застой, подтачивающій ихъ благосостояніе. Подвижность элементовъ, входящихъ въ составъ государства, есть жизненная потребность кочевниковъ, и она одна только въ состояніи сглаживать удары судьбы, падающіе на скотовода-кочевника, вполне зависящаго отъ природы.

У свободныхъ кочевниковъ, напротивъ, постоянной смѣной мелкихъ племенъ поддерживается жизнеспособность всего народа. Племена и колѣна тоже, благодаря подвижности ихъ составныхъ частей, подлежатъ непрестаннымъ измѣненіямъ, и потому постоянно сталкиваются другъ съ другомъ, что и выражается въ непрерывныхъ стычкахъ и набѣгахъ, которые однако не на-

носятъ вреда общему благосостоянію, такъ какъ при распаденіи какого-нибудь колѣна части его примыкають къ усиливающимся сосѣднимъ колѣнамъ и пользуются въ этомъ новомъ соединеніи той-же защитой, какъ и прежде. Этимъ только обстоятельствомъ можно объяснить, что кочевники могутъ вести войны въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ безъ того, чтобы ихъ общее благосостояніе терпѣло ущербъ, мало того, что въ самыя повидимому безпокойныя времена они размножаются всего сильнѣе и богатыютъ.

Если какому-нибудь колѣну удастся приобрести болѣе или менѣе сильное вліяніе въ этой постоянной борьбѣ, то предводитель его дѣлается съ помощью своего колѣна главой всего народа. Его одноплеменники, получившіе различныя выгоды подъ его предводительствомъ, поддерживаютъ его на занятомъ имъ мѣстѣ и оказываютъ ему всяческое содѣйствіе. Чѣмъ больше выгодъ доставляетъ онъ своимъ подданнымъ, тѣмъ самостоятельнѣе становится и его власть, и тѣмъ значительнѣе собирающееся вокругъ него государство. Безпечный кочевникъ, который до того жилъ исключительно своими личными интересами, не заботясь о своихъ сосѣдяхъ, превращается въ воина. Собираются войска, нарастающія подобно лавинамъ съ каждымъ новымъ успѣхомъ. Въ особенности обнаруживаютъ готовность къ походамъ болѣе бѣдные степняки: свои семьи и все свое имущество они забираютъ съ собой, скотъ не терпитъ никакого ущерба отъ походовъ, такъ какъ находитъ вездѣ нужныя ему жизненныя условія, а всякій новый успѣхъ войска увеличиваетъ и личную собственность каждаго участника. Поэтому они и служатъ въ войскѣ до тѣхъ поръ, пока количество принадлежащаго имъ скота не возрастетъ до того, что дальнѣйшее движеніе впередъ уже не сулитъ имъ больше никакихъ выгодъ. Тогда они останавливаются, причемъ каждый выбираетъ себѣ наиболѣе подходящее для этого мѣсто. Войско опять таки отъ этого не уменьшается, такъ какъ лишенные своего имущества побѣжденные всегда присоединяются къ побѣдителю для дальнѣйшихъ

завоеваній. Остающіеся въ свою очередь еще болѣе усиливаютъ могущество предводителя чѣмъ слѣдующіе за нимъ. Они знаютъ, что ихъ богатство удержится за ними только въ томъ случаѣ, если область, въ которой они осѣли, останется въ зависимости отъ главнаго предводителя; благодаря своему богатству они дѣлаются наиболѣе вліятельными лицами во вновь завоеванной странѣ и составляютъ такимъ образомъ опору кочеваго государства. Война такимъ образомъ не повредила экономическому положенію завоеванной страны, произошла только смѣна собственниковъ, которые теперь могутъ занять, какъ власть имѣющіе, наилучшія пастбища для своихъ стадъ, что благотѣльно вліяетъ на умноженіе и процвѣтаніе ихъ. Если такимъ образомъ какому нибудь храброму главарю племени удастся составить прочное политическое цѣлое изъ отдѣльныхъ племенъ и колѣнъ, то онъ при помощи своихъ одноплеменниковъ принимаетъ титулъ хана, который признается всѣми, пока онъ въ состояніи поддерживать спокойствіе въ созданномъ имъ государствѣ своимъ личнымъ вліяніемъ. Такая ханская власть есть всегда власть узурпированная и держится до тѣхъ поръ, пока всѣ и каждый видятъ въ ней для себя выгоду. Устройство новаго государства очень похоже на устройство прежняго болѣе тѣснаго кружка людей, облеченныхъ властью, который мы встрѣчаемъ въ отдѣльномъ колѣнѣ или племени. Ханъ стоитъ во главѣ, его родичи дѣлаются подчиненными ему ханами и главарями подвластныхъ имъ колѣнъ, его прежніе кліенты и приверженцы дѣлаются главарями племенъ, кліенты его приверженцевъ — главарями подплеменъ. Какого страшнаго могущества могутъ достигъ государства кочевниковъ, доказывается цѣлымъ рядомъ тѣхъ изъ нихъ, которыя наводили страхъ на всю Европу втеченіе тысячи лѣтъ, какъ напр. царство Хунновъ, Аваровъ и Монголовъ. Однако и самыя страшныя изъ такихъ государствъ исчезаютъ безслѣдно лишь только личность или родъ, создавшій такое государство, перестаетъ соединять въ своемъ лицѣ всю государственную власть; тогда союзъ племенъ распадается и

отдѣльныя части его или превращаются въ мелкія, безпорядочно борющіяся другъ съ другомъ общины, или примыкаютъ къ какому нибудь новому узурпатору и образуютъ новое государство. Самое имя прежняго государства въ короткое время утрачивается изъ памяти людей, составлявшихъ его, и его мѣсто заступаютъ или названія отдѣльныхъ племенъ, или имя новаго союза племенъ, возникшаго на развалинахъ исчезнуваго государства ¹⁾. Насколько скоро можетъ при этомъ происходить соединеніе даже разнородныхъ элементовъ, мы видимъ изъ быстрого соединенія Монголовъ съ Турками при походахъ Чингизъ-хана. Нѣсколько болѣе продолжительное существованіе государства и отдѣльныхъ частей государства, основаннаго Чингизъ-ханомъ, объясняется тѣмъ, что къ этому государству кочевниковъ были присоединены многія значительныя государства осѣдлыхъ народовъ и что оно распалось не на отдѣльныя колѣна, которыя его образовали, а на рядъ культурныхъ государствъ (Китай, Средняя Азія, Персія и т. д.), которыя находились подъ властью потомковъ Чингизъ-хана. Въ виду всего этого неудивительно, что въ многочисленныхъ извѣстіяхъ, дошедшихъ до насъ о восточныхъ Туркахъ отъ ихъ сосѣдей, которые имѣли съ ними дѣло втеченіе многихъ вѣковъ, мы столкнемся съ пестрой путаницей именъ и отрывочныхъ фактовъ. Это есть слѣдствіе подвижности общественныхъ отношеній въ государствахъ кочевниковъ. Что касается исторіи Уйгуровъ, то наиболѣе богатый матеріалъ мы почерпаемъ изъ китайскихъ источниковъ, доступныхъ благодаря точнымъ переводамъ Бичурина ²⁾ и нѣ-синологамъ.

Поэтому я начинаю свой сводъ извѣстій о событіяхъ исторіи Уйгуровъ съ извѣстій, сообщаемыхъ китайцами, изъ которыхъ я сдѣлалъ извлеченіе въ томъ объемѣ, который казался мнѣ достаточнымъ для пониманія общаго хода ихъ исторіи. Затѣмъ

1) Сравни Corpus script. histor. Byzant. ed. Bonnar Theophylactus pag. 284, стр. 10 et sq.

2) Монахъ Иакинъ: Собраніе свѣдѣній народовъ, обитавшихъ въ Средней Азіи. С.-Петербургъ 1851.

я привожу извѣстія европейских писателей и наконецъ свѣдѣнія, сообщаемыя мусульманами, въ надеждѣ, что читатель получитъ изъ этого сопоставленія матеріалъ, потребный для пониманія общей картины.

а) Извѣстія китайскія.

Очевидно, что съ древнѣйшихъ временъ народы турецкаго племени, жившіе къ сѣверу отъ Желтой Рѣки, были сосѣдями китайцевъ; поэтому китайскія лѣтописи даютъ намъ впечатленіе многихъ вѣковъ свѣдѣнія объ отношеніяхъ Средняго государства къ сѣвернымъ кочевникамъ. Это — непрерывный рядъ войнъ и набѣговъ вторгающихся въ Китай дикихъ сосѣдей. Если государственная власть въ Китаѣ усиливается, то кочевники держатся въ своей странѣ и стараются снискать благоволеніе китайскаго правительства увѣреніями въ покорности, пріязни и соратничествѣ или просятъ китайцевъ разобрать ихъ внутренніе раздоры и оказать имъ помощь въ борьбѣ съ ихъ врагами. Если-же въ Китаѣ возникаютъ смуты, то кочевники не упускаютъ случая извлечь изъ нихъ для себя выгоду. Они вторгаются въ страну, опустошаютъ ее, принимаютъ участіе въ борьбѣ партій, требуютъ отъ правительства богатыхъ подарковъ за оказаніе помощи противъ бунтовщиковъ или помогаютъ послѣднимъ, идя противъ правительства. Китайское правительство со своей стороны зорко слѣдитъ за дѣлами кочевыхъ племенъ, вмѣшивается въ ихъ распри и поддерживаетъ которуюнибудь изъ приблизительно равносильныхъ партій, требуя взаимнаго покорности и признанія за собой верховной власти. Если образуются могущественные союзы племенъ, то оно старается привязать ихъ къ себѣ дружественными договорами, но пользуется малѣйшею неудачей сильнаго, чтобы подорвать его могущество. Слѣдствіемъ такихъ отношеній является непрерывный обихъ посольствами, отчеты о которыхъ вносятся въ надлежащихъ мѣстахъ государственныхъ лѣтописей.

Изъ перечня этихъ отрывочныхъ событій нелегко составить себѣ общую картину быта и исторіи кочевниковъ. Къ этому присоединяется трудность разбора собственныхъ именъ, передаваемыхъ въ крайне искаженномъ видѣ, чѣмъ затрудняется ориентированіе въ собственныхъ именахъ какъ лицъ, такъ и мѣстностей. Чтобы дать понятіе объ этой трудности, я расскажу здѣсь, какъ мнѣ удалось возстановить турецкіе титулы, дарованные китайскимъ императоромъ ханамъ Гуй-гу, которые я а priori призналъ за турецкія epitheta ornantia. Мнѣ посчастливилось разобрать ихъ только благодаря тому, что почти одинъ и тотъ-же титулъ повторялся въ лѣтописяхъ десять разъ. Я расположилъ отдѣльныя части, составлявшія его, рядами такъ, что соответствующіе слоги пришлись другъ подъ другомъ и такимъ образомъ стало возможнымъ дополнить недостающіе слоги одного ряда изъ слоговъ другихъ рядовъ. Титулъ этотъ гласитъ въ переводѣ: Весьма счастливый, восшедшій на весьма блестящее, высочайшее могущество, очень сильный и мудрый ханъ (или князь и ханъ).

Лѣтописи Шы-Цзи называютъ три народа въ качествѣ древнѣйшихъ кочевыхъ племенъ, съ которыми китайцы вошли въ сношенія: Шанъ-жунъ, Хянь-юнь, и Хунь-юй. Они жили на Желтой Рѣкѣ. Описаніе ихъ быта такъ характерно для тюркскихъ кочевниковъ, что мы можемъ почти буквально приложить его къ современнымъ тюркскимъ кочевымъ народамъ, напр. туркменамъ или киргизамъ.

«Они кочуютъ», рассказываютъ китайцы, «со своими стадами съ мѣста на мѣсто. Изъ домашнихъ животныхъ они держатъ большею частью лошадей и крупный и мелкій рогатый скотъ (коровъ, быковъ, овецъ и козъ). Они разводятъ лучшія породы верблюдовъ, ословъ, муловъ и лошадей. Кочуютъ они, сообразуясь съ количествомъ травъ и воды. У нихъ нѣтъ ни городовъ, ни постоянныхъ жилищъ, ни земледѣлства. Однако каждый изъ нихъ имѣетъ свой особенный участокъ земли. У нихъ нѣтъ письменности, они довольствуются обычнымъ правомъ,

передаваемымъ изъ рода въ родъ. Лишь только мальчики выучатся ѣздить верхомъ на овцахъ, они начинаютъ бить стрѣлами мелкихъ птицъ и животныхъ; подростки-же они стрѣляютъ лисицъ и зайцевъ и употребляютъ ихъ въ пищу; какъ только они научатся владѣть лукомъ, они всѣ зачисляются въ конное войско. Въ мирное время они кочуютъ со своимъ скотомъ, занимаются охотою и прокармливаютъ себя такимъ способомъ; если это нужно, то всѣ они занимаются военными упражненіями, чтобы быть въ состояніи дѣлать нападенія. Таковы ихъ врожденные качества. Ихъ оружіе для дальняго боя составляетъ лукъ и стрѣлы, для рукопашнаго — мечи и копьа. Если нападеніе удастся, то они двигаются далѣе впередъ, если нѣтъ, то они отступаютъ; тогда они и бѣгство не считаютъ за стыдъ. Всѣ, начиная съ князя, питаются мясомъ домашнихъ животныхъ и одѣваются въ ихъ шкуры, они покрываютъ (свою наготу) шерстяными и мѣховыми одеждами. Болѣе сильные изъ нихъ ѣдятъ болѣе жирные и лучшіе куски; старики ѣдятъ послѣ нихъ, что останется. Они почитаютъ молодыхъ и сильныхъ людей и мало оказываютъ уваженія состарившимся и слабымъ. Послѣ смерти отца они женятся на мачихахъ, послѣ смерти братьевъ на невѣсткахъ (?). Обыкновенно они зовутся по именамъ. Прозвищъ и почетныхъ именъ у нихъ нѣтъ».

Несомнѣнно, однако, что это описаніе относится не къ древнѣйшимъ временамъ, а къ гораздо болѣе поздней эпохѣ династіи Хань. Въ самое раннее время (несомнѣнно задолго до VIII в. по Р. Х.) мѣстожителства этихъ древнѣйшихъ тюркскихъ народовъ указываются въ нынѣшнихъ провинціяхъ Шень-си, Хэ-нань и Гань-су и въ горахъ лежащихъ отсюда къ сѣверозападу; они обозначаются всегда, какъ сосѣди удѣльныхъ княжествъ Вей Цинь и Цзинь, съ которыми ведутъ непрерывныя войны. Если показанія китайцевъ достовѣрны, то Хунь-юй и суть предки позднѣе царствовавшего дома Хунь-ну. Это ясно изъ замѣчанія Бичурина ¹⁾: Цинь-Чжо пишетъ: При императорѣ Яо они назы-

1) Ч. I, стр. 2, прим. 1.

вались Хунь-юй, во время династіи Чжеу Хань-юнь, во время династіи Цинь — Хунь-ну. Изъ хаоса древнѣйшихъ извѣстій явствуетъ только одно, а именно: въ древнѣйшія времена эти народы обозначались однимъ общимъ именемъ «жунъ». Это имя «жунъ» получало въ разныя эпохи разныя характеристическія, опредѣлительныя приставки. Такъ они называются то Шань-жунъ (т. е. горные Жунъ), то Дунъ-жунъ (т. е. западные Жунъ); но чаще всего ихъ называютъ Жунъ-ди.

Изъ племенъ, составлявшихъ народъ жунъ, прежде всего называютъ намъ племя Гуань-жунъ, и какъ мѣсто его пребыванія указываются рѣки Кинъ и Ло, притоки рѣки Вей въ Шеньси. Кажется, это племя проникло дальше всѣхъ другихъ на юго-востокъ. Съ этимъ племенемъ удѣльные княжества Янь Ци Вей и Цинь должны были выдерживать трудную борьбу втеченіе нѣсколькихъ столѣтій; по свидѣтельству лѣтописей оно пользовалось постоянно междоусобіями удѣльныхъ князьковъ, вторгалось часто глубоко въ китайскую территорію и опустошало страну.

Только къ концу VII вѣка до Р. Х., когда усиливаются князья удѣла Цинь, удается китайцамъ привести часть племенъ жунъ въ подчиненное положеніе. По поводу войнъ князя Вынь-гунъ поименовываются еще нѣкоторыя племена жунъ. Такъ этотъ князь побѣдилъ на рѣкахъ Инъ-шуй и Ло-шуй въ Шеньси обитавшія тамъ племена Чи-ди и Бай-ди. Это наводитъ на мысль, что Ди есть имя цѣлой группы племенъ народа «жунъ», и что слова Чи (красный) и Бай (бѣлый) обозначаютъ со своей стороны подраздѣленія группы Ди. Позднѣе 8 племенъ жунъ подчиняются князю удѣла Цинь. По лѣтописямъ, къ западу отъ Лунъ въ Гань-су живутъ Гунъ-чжу, Гуань-жунъ и Ди-вань. Въ Шеньси живутъ И-кюй, Да-ли, У-жы и Сюй-янь; къ сѣверу отъ княжества Цинь живутъ Линь-ху и Леу-шань, а къ сѣверу отъ княжества Янь Дунъ-ху и Шань-жунъ. Объяснить эти племенные клички было бы мудреная задача; мнѣ хотѣлось бы лишь указать на то, что Ди-вань есть очевидно подплемя вышеозначенныхъ Ди. Касательно У-жы и Сюй-янь Бичуринъ упоминаетъ,

что Сюй-Гуанъ называетъ первыхъ Анъ-Динъ, вторыхъ Бей-ди, т. е. сѣверные Ди. По лѣтописямъ старшей династїи Хань въ половинѣ III в. до Р. Х., къ сѣверу отъ Желтой Рѣки образовалось большое государство Хунъ-ну. Его верховный правитель называлъ себя Танъ-юй или Шанъ-юй, что по словамъ китайцевъ значить приблизительно «Величество». Въ 209 г. Модэ убилъ своего отца и самъ присвоилъ себѣ титулъ Танъ-юй'я, покорилъ восточное племя Дунъ-ху (т. е. западные ху) и живущіе на дальнемъ западѣ народы У-сунъ, Юе-чжи, Канъ-юй и еще 26 мелкихъ княжествъ. Такъ онъ основалъ государство, простиравшееся отъ Каспійскаго моря до восточныхъ границъ Китая. Онъ предпринялъ правильное раздѣленіе земель и поставилъ во главѣ своего государства 24 вождя, которые, по лѣтописямъ, назывались Ванъ-ки, т. е. предводители 10,000 всадниковъ. Выше ихъ стояли 12 князей, титулы которыхъ, по даннымъ китайцевъ, были слѣдующіе: 1) 2 Чжу-ки — князя восточный и западный; у Хунъ-ну Чжу-ки значить де *мудрый*; поэтому наследникъ престола есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ восточный Чжу-ки-князь. 2) Восточный и западный Лу-ли-князь. 3) Восточный и западный главнокомандующіе (по китайски Да-гянь), 4) восточный и западный Ду-юй, 5) восточный и западный Данъ-ху, 6) восточный и западный Гу-ду-хэу. [Выраженія «восточный и западный» несомнѣнно соотвѣтствуютъ обыкновеннымъ у тюрковъ въ подраздѣленіяхъ войскъ и областей выраженіямъ: онгъ (правый) и солъ (лѣвый), которыя употреблялись также для обозначенія странъ свѣта: до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ сѣверъ называется «стороной спины», а югъ «стороною лица»]. Должность старшихъ князей была наследственна и князья Чжу-ки и Лули составляли коллегію такихъ старшихъ князей, которымъ были подчинены остальные. Каждый изъ 24 вождей имѣлъ въ качествѣ подвѣдомственныхъ чиновниковъ темниковъ (мынгъ башы), сотниковъ (юзъ башы) и десятниковъ (онъ башы) — это были органы исполнительной власти. Способъ сражаться у Хунъ-ну описывается совершенно тотъ же, какой и до сихъ поръ въ ходу у кочевниковъ-тюр-

ковъ: «Они очень ловко умѣютъ заманивать непріятеля въ засаду и набрасываются на него яростно, какъ стая хищныхъ птицъ; но если бываютъ побѣждены, то разсыпаются всѣ врозь какъ кровельный камень и исчезаютъ какъ облака».

Упрочивъ свою власть надъ болѣе мелкими сосѣдними государствами, Модэ въ 174 году поставилъ въ зависимое положеніе отъ себя самъ Китай и взялъ дань съ императора.

Уже Бичуринъ высказалъ предположеніе, что первый единоподержавный государь всѣхъ тюрковъ, котораго былины называютъ Огузъ-ханомъ, есть именно этотъ Модэ, князь Хунъ-ну. Это отнюдь не невѣроятно, такъ какъ многія черты былинь объ Огузъ-ханѣ прекрасно согласуются съ извѣстіями китайцевъ. Напомню лишь о боѣ его съ отцомъ, о большомъ протяженіи его государства, о упорядоченіи внутренняго его строя чрезъ раздѣленіе всей земли на 24 части и назначеніе родственниковъ (по былинѣ 6-ти сыновей) старшими князьями.

Мы не должны удивляться, что собственныя имена и многія частности, встрѣчающіяся въ былинахъ, представляютъ уклоненія отъ данныхъ китайскихъ источниковъ: былина, передаваемая устно поколѣніемъ поколѣнію, приводитъ часто въ связь съ героями сѣдой старины событія и имена, относящія къ гораздо болѣе позднему времени. Но Модэ безъ сомнѣнія былъ дѣйствительно личностью выдающейся; лучшее доказательство этому — отзывы о немъ его современниковъ-китайцевъ. Модэ — единственный варваръ-государь, который вынуждаетъ у нихъ уваженіе и даже удивленіе, хотя онъ смирилъ ихъ же самихъ; а это много значитъ для такого гордаго народа, какъ китайцы.

За большое значеніе Модэ говорить также то обстоятельство, что данное имъ государству Хунъ-ну внутреннее устройство держалось довольно долго; несмотря на подвижность состава его подданныхъ, сплошь кочевниковъ. Модэ правилъ съ 209 по 174 г. Послѣ его смерти государство Хунъ-ну если и не держалось на высотѣ первоначальнаго могущества, то составляло всетаки очень значительную политическую силу, пока въ 57 г. до Р. X. не

должно было признать главенство Китая. За этотъ періодъ китайцы насчитываютъ 13 Тань-юй'евъ. Въ правленіе Лао-шань-ги-юй, сына Модэ (174—161), его сына Гюнь-чень (161—126) и младшаго брата послѣдняго Ичиси (126—114) могущество Хунь-ну остается непоколебимымъ, хотя ихъ войны съ Китаемъ и не всегда были успѣшны. Въ правленіе У-вей'я, сына послѣдняго изъ названныхъ государей, китайцы распространили свое вліяніе далѣе на сѣверъ, и завязали сношенія съ народцами, жившими къ востоку и къ западу отъ Хунь-ну; они заключаютъ даже дружественный союзъ съ У-сун'ами, за князя которыхъ выдаютъ китайскую принцессу, и китайскія правительственныя лица уже предлагаютъ проекты, какъ подчинить Хунь-ну. Сынъ У-вей'я, по имени У-шылу, носитъ у китайцевъ имя Эръ-шань-юй, такъ какъ онъ былъ, говорятъ они, еще дитя. Это словопроизводство однако основано на ошибкѣ, такъ какъ онъ оставилъ несовершеннолѣтняго сына, хотя самъ умеръ 3 года спустя послѣ своего вступленія на престолъ. Эръ (= дитя) есть безъ сомнѣнія транскрипція тюркскаго «еръ» (мужъ, герой), такъ какъ онъ былъ могучій воитель, который, не взирая на свою молодость, нанесъ китайцамъ нѣсколько чувствительныхъ поражений и сумѣлъ укротить возмущившихся вассаловъ. Ему наслѣдовалъ, такъ какъ сынъ его былъ несовершеннолѣтень, его младшій братъ (Гюй-ли-ху = Кучлукъ — сильный), который умираетъ однако черезъ годъ, почему въ санъ Тань-юй'я возводится его братъ Цзюй-ди-хэу (101—94). При преемникахъ этого государя начинаются внутреннія смуты и междоусобія среди наслѣдниковъ Тань-юй'евъ, войны съ тунгузскимъ племенемъ У-хуанъ и У-сун'ами дѣлающими съ двухъ сторонъ набѣги на Хунь-ну, даже тюркское племя Динь-линъ беспокоитъ ихъ съ сѣвера. Въ правленіе Тань-юй'я У-янъ-гюй-ди государство Хунь-ну окончательно распадается: нѣсколько князей Хунь-ну присвояютъ себѣ титулъ Тань-юй'я и поднимаются войной на своего повелителя, такъ что Ху-кань-ѣ оказывается вынужденнымъ, чтобы сохранить свое значеніе, признать себя въ 56 г. вассаломъ китайскаго импера-

тора; преемники его остались подданными Китая вплоть до паденія старшей династіи Хань. Въ лѣтописяхъ младшей династіи Хань разсказывается объ одномъ южномъ государствѣ Хунъ-ну, оставшемся въ зависимости отъ Китая и бывшемъ отчасти подъ управленіемъ китайскихъ чиновниковъ, и о другомъ сѣверномъ, правда независимомъ, но обмѣнивавшемся посольствами съ китайцами время отъ времени.

Въ исторіи младшей династіи Хань упоминаются 20 танъ-юй'евъ у южныхъ Хунъ-ну, изъ которыхъ ббольшая часть носить односложныя (китайскія?) имена, какъ напр. Пи (Би) (25—56), Мо (57), Хань (58—59), Ти (Ди) (59—63), Су (63), Чжань (63—85), Сюнь (85), Гхонь (104—124). Остальные носятъ очевидно собственныя (турецкія) имена. Приводить болѣе подробныя свѣдѣнія касательно этого періода исторіи государства Хунъ-ну я считаю бесполезнымъ; они не даютъ намъ понятія о состояніи всего народа, а трактуютъ лишь о внутреннихъ неурядицахъ, набѣгахъ со стороны кочевниковъ, посольствахъ, увѣреніяхъ въ дружбѣ и слабости китайскаго правительства держать въ повиновеніи своихъ безпокойныхъ сосѣдей. Изъ лѣтописнаго разсказа мы видимъ только, что уже къ концу перваго столѣтія большаѧ часть Хунъ-ну покидаетъ свои кочевья. Подъ 85 годомъ значитса: «Князь сѣверныхъ Хунъ-ну, по имени Гюй-ли чжо-бинъ, съ 73 родами бѣжалъ въ китайскіе предѣлы». Подъ 87 годомъ: «Сѣверные Хунъ-ну познали, что дворъ покровительствуетъ южнымъ Хунъ-ну и они ежегодно тысячами принимаютъ китайское подданство». Подъ 90 годомъ: «Число южныхъ танъ-юй'евъ достигаетъ до 34,000 семей, 237,000 душъ и 50,140 воиновъ; поэтому имъ даны вмѣсто одного областнаго чиновника двое, которые должны служить помощниками старшему». Подъ 91 годомъ: «Западный областной чиновникъ побѣдилъ сѣвернаго танъ-юй'я; послѣдній бѣжалъ неизвѣстно куда. Главнокомандующій Дэу-хянь сообщаетъ, что Юй-чу-гянь утвержденъ въ званіи сѣвернаго танъ-юй'я», Подъ 158 годомъ читаемъ: «Всѣ роды возмутились, соединились

съ У-хуань и Сянь-бій и напали на наши пограничныя области». Потомъ рассказывается, что бунтовщики были усмирены, тань-юй Гюй-гюй-рѣ взятъ подъ стражу, какъ негодный къ управленію народомъ и назначенъ новый тань-юй. Подобные рассказы идутъ до 215 года, подъ которымъ значитъ: «Тань-юй Ху-чуань задержанъ въ Ъ и Гюй-бій посланъ для принятія управленія пятью родами».

Послѣ паденія царства Хунъ-ну тунгузскія племена двинулись далѣе на западъ. Во главѣ ихъ стояли сянь-бійскіе роды То-ба и Мо-юнь и имъ удалось завладѣть частью страны Хунъ-ну и сѣвернымъ Китаемъ. Въ концѣ IV столѣтія къ западу двигается новый тунгузскій народъ, Жужане. «Сѣверная исторія» говоритъ подъ 391 годомъ, что къ сѣверо-западу отъ земли Жужанъ находятся страны, занимаемыя потомками Хунъ-ну. Жужане передвигались со своими стадами соответственно богатству страны травами и водою. Область, занятая ими, простирается на западъ до Карашара и на сѣверъ отъ песчаной пустыни до Байкальскаго озера. Орда ихъ имѣетъ пребываніе въ горахъ Хань-гай. Изъ этихъ показаній мы усматриваемъ, что восточныя тюркскія племена были по большей части вытѣснены изъ прежде занимаемыхъ ими мѣстностей, и что остатокъ сѣверныхъ Хунъ-ну, очевидно, удалился въ области, лежащія къ западу отъ Селенги и отъ Коссоголя до истоковъ Енисея, такъ какъ, какъ мы знаемъ изъ другихъ извѣстій, область къ востоку отъ Алтая была занята киргизами (гакас'ами) и въ самихъ алтайскихъ горахъ обитали тюрки (Ту-гю). Уже эта новая группировка племенъ заставляетъ насъ признать а priori, что главная масса восточныхъ тюркскихъ племенъ, обозначаемыхъ общимъ именемъ Хунъ-ну, откочевала на западъ.

Большая часть этихъ восточныхъ тюрковъ проникла, безъ сомнѣнія, еще въ періодъ процвѣтанія государства Хунъ-ну, въ восточный Туркестанъ и уже очень рано отчасти смѣшалась съ туземцами, отчасти основалась своими отдѣльными поселеніями. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ несомнѣнно Че-пы

(車師), древніе обитатели Хами и восточныхъ отроговъ Тянь-шаня, описанія которыхъ мы находимъ въ изобиліи въ Ма-туан-линѣ¹⁾ и о которыхъ повѣствуетъ также Бичуринъ²⁾ по лѣтописямъ старшей и младшей династій Хань и исторіи сѣверныхъ династій. Эти Че-шы въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій выказываютъ склонность подчиняться Хунь-ну и отвращеніе отъ господства китайцевъ: только вынужденные обстоятельства они вступаютъ въ болѣе близкія отношенія къ Китаю, и то только въ то время, когда могущество хунновъ уже было подорвано. Исторіи этихъ Че-шы всѣ изслѣдователи постоянно посвящали особое вниманіе, такъ какъ на потомковъ ихъ указываютъ, какъ на послѣдніе остатки уйгуровъ.

Но главная масса Хунь-ну, должно быть, двигалась на западъ, минуя съ сѣвера область Че-шы, такъ какъ китайцы мало сообщаютъ намъ о ихъ передвиженіяхъ. Что это мое мнѣніе справедливо, доказываетъ одно сообщеніе Бичурина³⁾ изъ исторіи сѣверныхъ династій о Юе-бань: «Область Юе-бань лежитъ къ сѣверо-западу отъ У-сунь (т. е. между Балхашемъ и Ураломъ). Это — аймакъ, принадлежавшій прежде хуннскому Тянь-юй'ю, который былъ прогнанъ китайскимъ полководцемъ Дэу-хянь. Сѣверный Тянь-юй отправился чрезъ горный хребетъ Гинь-вей-шань (Тарбагатай) на западъ къ Кань-гю, а всѣ слабосильные, не будучи въ состояніи слѣдовать за нимъ, остались на сѣверѣ отъ Ку-ча. Они занимаютъ площадь въ нѣсколько тысячъ «ли»; число ихъ равняется приблизительно 200,000 душъ. Жители области Лянь-джеу до сихъ поръ называютъ государей Тянь-юй'ями. Ихъ нравы и языкъ тождественны съ таковыми Гао-гюйцевъ (Уйгуровъ), но они опрятнѣе послѣднихъ».

Около ста лѣтъ спустя послѣ того времени, о которомъ говорятъ вышеприведенныя китайскія извѣстія «сѣверной исто-

1) Journ. Asiat. 1847: «Les Origours» de Stanislaus Julien.

2) Ч. III, стр. 89, 132, 147.

3) Ч. III, стр. 163.

ріи» о остаткахъ отсталыхъ Хунъ-ну на Коссоголѣ, то-же сочиненіе говоритъ о ихъ потомкахъ, которые однако носятъ теперь имя Гао-гю (т. е. уйгуровъ). Причина такой перемѣны имени легко понятна. Хунъ-ну было имя не народа, а династіи, которое было только употребляемо, по китайскому обычаю, какъ общее имя для народа и государства. Теперь, послѣ долгаго перерыва въ сношеніяхъ, имя династіи было забыто, и вотъ китайцы даютъ имъ имя племенное, которое носили сѣверо-восточные тюркскія племена, т. е. Гао-гю, которое есть, какъ показано выше, несомнѣнно искаженіе слова Уйгуръ или Хуй-гуръ. Введеніе къ этимъ извѣстіямъ почерпнуто очевидно изъ сообщеній, добытыхъ собиравшими свѣдѣнія лицами у самого народа; часть ихъ носить на себѣ явные слѣды народныхъ сказаній.

Гао-гю суть потомки древняго рода Чи-ди; вначалѣ они называли себя Ди-ли и лишь послѣ переселенія на сѣверъ приняли имя Динъ-линь. Языкъ ихъ тотъ-же, что и языкъ Хунъ-ну, за нѣкоторыми незначительными отличіями. Иные говорятъ, будто предки Гао-гю происходили отъ внука одной царевны изъ дома Хунъ-ну. Рассказываютъ, что у Танъ-юй'я Хунъ-ну было 2 дочери, до того красивыя, что онъ не хотѣлъ ихъ никому отдавать въ супружество. Онъ построилъ поэтому далеко отъ резиденціи высокое зданіе, и заключилъ ихъ тамъ, какъ посвященныхъ Богу. Черезъ три года пришелъ туда старый волкъ, съ которымъ младшая изъ дочерей вступила въ брачный союзъ. Ихъ потомство, размножившись, составило народъ Гао-гю. Поэтому всѣ они любятъ протяжныя пѣсни, похожія на волчій вой,

О бытѣ и нравахъ Гао-гю мы находимъ у китайцевъ слѣдующія данныя: «у нихъ нѣтъ единой правительствующей главы (сравни сказаніе у Рашидъ-эддина), а правятъ каждымъ родомъ особые начальники. Они грубы и дики. Сородичи живутъ въ согласіи между собою, и стоятъ другъ за друга во время кочевокъ. Сражаясь, они не становятся въ ряды, а производятъ натискъ на врага нестройной толпой. Они то рвутся впередъ, то отступаютъ, а ровно сражаться не умѣютъ. При заключеніи брака они

любятъ давать, въ качествѣ свадебнаго подарка, воловъ или лошадей. Бракъ совершается, какъ только онъ рѣшенъ. Родственники жениха позволяютъ родственникамъ невѣсты выбрать себѣ лошадей изъ табуна, которыхъ они тотчасъ сѣдлаютъ и уѣзжаютъ. Собственники лошадей стоятъ въ сторонѣ отъ табуна и стараются испугать лошадей хлопаньемъ въ ладоши. Когда всѣ поймаютъ своихъ лошадей, празднеству конецъ. Хлѣба у нихъ нѣтъ и вина они не готовятъ. Въ день совершенія брака женихъ и невѣста раздаютъ кумысъ и мясо, наръзанное мелкими кусочками (у киргизовъ «беш-бармакъ»). Хозяинъ всегда самъ угощаетъ гостей. При этомъ никакого порядка въ занятіи мѣстъ не наблюдается. Они сидятъ просто кучками передъ юртами на травѣ и цѣлый день ѣдятъ и пьютъ; остаются на мѣстахъ иногда даже ночью. Если на другой день невѣста отправляется къ отцу, то родственники жениха пригоняютъ къ дому невѣсты еще табуны лошадей; какъ это ни жалко родителямъ, они не говорятъ ни слова. Они не любятъ жениться на вдовахъ, но относятся къ нимъ съ сожалѣніемъ. На домашней скотинѣ они выставляютъ клеймо владѣльца; если такимъ образомъ заклеянное животное заблудится и пристанетъ къ чужому стаду, никто не присвоиваетъ его себѣ. Въ домашнемъ быту они неопрятны. Они любятъ, если молнія ударяетъ въ землю; каждый разъ при этомъ они испускаютъ крики и пускаютъ стрѣлы въ небо. Осенью слѣдующаго года, когда лошади жирны, они возвращаются къ мѣсту, гдѣ ударила молнія. Тутъ они закапываютъ овцу, зажигаютъ факелы. Шаманка читаетъ молитвы, какъ дѣлается въ Среднемъ государствѣ для отвращенія несчастія. Многочисленные отряды всадниковъ гарцуютъ вокругъ этого мѣста. Потомъ какой нибудь мужчина беретъ связку ивовыхъ прутьевъ и поливаетъ ее кумысомъ. Женщины привязываютъ кости овецъ къ шкурамъ и ставятъ ихъ себѣ на головы; волосы онѣ при этомъ распускаютъ. (Обычай обливать прутья кумысомъ и завязывать въ шкуру кости жертвеннаго животного существуетъ до сихъ поръ у алтайцевъ). Мертвыхъ они приносятъ

въ вырытыя для того могильныя ямы, ставятъ трупъ по срединѣ съ натянутымъ лукомъ въ рукѣ, опоясываютъ его мечемъ и прислоняютъ къ нему копье, какъ будто бы онъ былъ живъ; могилы же они не засыпаютъ. Если кто нибудь будетъ убитъ молніей или умретъ отъ повальной болѣзни, они молятся за его счастье. Если все обстоитъ благополучно, то въ знакъ благодарности они закалываютъ духамъ множество разнаго скота и сжигаютъ кости, а потомъ ѣздятъ верхомъ вокругъ мѣста, гдѣ принесена жертва. На эти празднества мужчины и женщины собираются безъ различія возраста. У кого въ домѣ все благополучно, тѣ поютъ, пляшутъ и играютъ на музыкальныхъ инструментахъ. А тѣ семьи, у кого трауръ, плачутъ въ горести. Они кочуютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, гдѣ больше травы и воды. Они одѣваются въ шкуры и питаются мясомъ. У нихъ есть быки и другія домашнія животныя, какъ у Жужанъ; есть также повозки на высокихъ колесахъ съ множествомъ спицъ въ каждомъ».

Предки Гао-гю распадались на 12 родовъ: 1) Ауфуло (= Арбалык?), 2) Гу-лу (= Коілык?), 3) И-чжанъ, 4) Дялянъ (= Теленгут?), 5) Ку-хэ (= Кѣк?), 6) Да-бо (= Туба), 7) А-лунъ (= Алынъ?), 8) Моюнь (= Мојун), 9) Сы-фынь (Шибин), 10) Фуфуло, 11) Ки-юанъ, 12) Юшупай. Фуфуло прежде были подчинены Жужан'амъ. Во времена Дэу-луна среди Жужанъ возникли междоусобія и роды разсѣялись; Афуджило (= Абушка или Ак-башлык), рода Фуфуло, управлялъ войскомъ со своимъ двоюроднымъ братомъ Цынъ-ки. Весь народъ Гао-гю насчитывалъ до 100,000 юртъ. Когда въ 487 г. Дэу-лунъ, князь Жужанъ, намѣревался напасть на китайцевъ, Афуджило старался удержать его отъ этого, и когда Дэу-лунъ не хотѣлъ его слушать, двинулся на западъ и объявилъ себя самостоятельнымъ. Народъ называетъ его Хэу-лэу-фу-лэ, что на языкѣ дома Вей значитъ «великій сынъ неба» (т. е. Кѣк-пѣнгъ улукъ оглы). Цын-ки получилъ титулъ Хэупей, что значитъ «наслѣдникъ престола» (безъ сомнѣнія Кѣк пэги). Оба жили въ ладу другъ съ другомъ

и раздѣлили между собою власть надъ аймаками. Дэу-лунъ, подспѣвшій, чтобы наказать ихъ, разбить. Въ 490 г. Афуджило послалъ къ китайскому двору пословъ, чтобы доложить о совершившемся. Китайцы не вѣрятъ однако посламъ и сами отправляютъ посла къ Гао-гю; по возвращеніи его предпринимается раздача подарковъ. Затѣмъ И-дань убиваютъ Цынъ-ки и захватываютъ его сыновей и внуковъ, между ними Мивоту. Народъ разсѣялся, одни передались Китаю, другіе Жужанамъ. Послѣ Афуджило государемъ былъ Ба-ли-янъ. И-дане объявляютъ войну Гао-гю. Ба-ли-янъ убитъ и Мивоту возводится на престолъ. Онъ посылаетъ ко двору посольство и получаетъ подарки и грамоту отъ императора, что Гао-чанъ (земля осѣдлыхъ уйгуровъ Хами) подчинился теперь Китаю; такъ какъ это — единственное мѣсто, гдѣ сообщались Жужане, И-дане и Тоюны, то такимъ образомъ эти народы окончательно разобщены. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Мивоту даетъ Жужанамъ битву и при озерѣ Пху-лэн-хай терпитъ пораженіе отъ князя Фу-ту. Онъ бѣжитъ на западъ, за 300 ли. Фу-ту утверждаетъ въ горахъ на сѣверъ отъ И-ву (= Гами). Кю-гя, властитель Гао-чана, проситъ теперь у китайцевъ позволенія переселиться въ Китай (497 г.). Китайцы отправляютъ войско въ И-ву. Вслѣдствіе этого войско Жужанъ отступаетъ. Мивоту, слышавъ объ этомъ, преслѣдуетъ бѣгущихъ Жужанъ и побѣждаетъ Фу-ту. Теперь Мивоту и Китай опять обмѣниваются посольствами. Въ 516 г. князь Жужанъ Чау-ну побѣждаетъ Мивоту, и взявъ его въ плѣнъ, подвергаетъ жестокой казни. Народъ соединился съ И-данами. Власть переходитъ въ руки младшаго брата Мивоту, И-фу; разбивъ войско Жужанъ, онъ отправляетъ въ 522 г. въ Китай посольство и добивается признанія себя государемъ.

Затѣмъ Ифу терпитъ пораженіе отъ Жужанъ и, воротясь изъ похода, лишается жизни своимъ братомъ Юэ-гюй-емъ, который и восходитъ на престолъ. Однако и онъ былъ вскорѣ разбитъ Жужанами. Его убиваетъ Би-ди, сынъ Ифу, который и овладѣваетъ трономъ; но и онъ терпитъ пораженіе отъ Жужанъ

въ 540 г. Сынъ Юэ-гюй'я, Кый-бинъ, бѣжить, спасаясь отъ Жужанъ, къ китайцамъ, признанъ ими какъ государь Гао-гю, но вскорѣ заболѣваетъ и умираетъ.

Эти послѣднія войны показываютъ намъ, что Гао-гю распространили свое могущество отъ Коссогола до Гами, но что эта держава была уничтожена рядомъ войнъ съ Жужанами, веденныхъ въ южной части ея, и что Гао-гю (т. е. Уйгуры) опять удалились на сѣверъ.

Около времени этихъ войнъ въ алтайскихъ горахъ возникло еще новое тугуйское государство (Ту-гю = Тюркь), которое въ короткое время привело въ свое подданство всѣ земли между Алтаемъ и Тянь-шаномъ и далеко на западъ. Оно вскорѣ распалось на 2 отдѣльныя царства: царство восточныхъ Тугюевъ съ 595—745 г. (китайцы насчитываютъ въ немъ 20 хановъ-правителей) и западное царство Ту-гюевъ съ 600—726 г. (28 хановъ).

Около 606 г., т. е. около 70 лѣтъ послѣ уничтоженія государства Гао-гюйцевъ, уйгуры опять начинаютъ сплываться въ политическое тѣло, которому однако китайцы даютъ имя Хой-хэ. Исторія династїи Танъ дѣлаетъ къ сообщенїямъ объ этомъ народѣ слѣдующее введенїе: «Предками Хой-хэ были Хун-ну. Они ѣздятъ обыкновенно въ повозкахъ на высокихъ колесахъ, поэтому во время династїи Юань-вей ихъ называли еще Гао-гю или Кау-чэ или Чилэ; роды ихъ суть: Юань-гэ, Сѣ-янь-то (= Союн-гэ?), Кибинюй (= Кибій), Дубо (= Туба), Гулиганъ, Даланъ-гэ (Теленгутъ), Пугу (= Бугу), Ба-ѣ-гу, Тун-ло, Хунъ, Сыгѣ, Хусѣ, Хисѣ, Ады, Байси. Они обитаютъ разсѣянно къ сѣверу отъ большой песчаной пустыни. Династїя Хой-хэ называлась также У-хэ и У-ху, а при династїи Суй — Вей-гэ. Племенное ихъ имя было Ю-ло-гэ. Они обитали къ сѣверу отъ Сейент'овъ на р. Селенгѣ (Со-линѣ).

Первоначально они были данниками Ту-гю, но въ началѣ VII вѣка Хой-хэ поднялись противъ своихъ властителей, заключили союзъ съ родами Пугу, Тун-ло и Ба-ѣ-гу; затѣмъ Шыгянь

былъ избранъ въ князья (т'егинъ, тюрк. тэгинъ князь). Шыгынь удаляетъ своего сына «Пу-са», опасаясь его вліянія на народъ. Послѣ его смерти этотъ сынъ наследуетъ его власть; онъ соединяется съ «Сэ-йен-то» и нападаетъ на Ту-гю, ханъ которыхъ отправляетъ противъ него 100.000 всадниковъ. Пу-са побѣждаетъ его, имѣя всего 5000 всадниковъ, при горѣ Ма-цзунъ-шань въ 628 г. Вслѣдствіе этой побѣды онъ принимаетъ титулъ Хогъ-ли-фа (= кбк алыбы, небесный витязь). Онъ устраиваетъ свою резиденцію на рѣкѣ То-ла (притокѣ Орхона) и въ 629 г. отправляетъ въ Китай посольство. Послѣ смерти Пу-са Ху-лусъ-ли-фа Ту-ми-ду (= кутлук алыбы Тумиду, т. е. счастливый витязь Тумиду) покоряетъ «Сэ-йен-то», переходитъ затѣмъ хребетъ Хо-ланъ-шань и въ 630 г. снаряжаетъ посольство къ китайскому императору, чтобы извѣстить его о своихъ успѣхахъ. Китайцы смотрѣли на государство Хой-хэ какъ на вассальное, давали территоріямъ отдѣльныхъ родовъ китайскія имена и главарямъ родовъ титулы китайскихъ чиновниковъ. Это доказываетъ, что въ то время Хой-хэ еще не чувствовали себя сильными и потому нуждались для борьбы съ Ту-гю въ помощи китайцевъ.

Несмотря на свой китайскій титулъ, Тумиду продолжалъ именоваться ханомъ. Сынъ его По-жунъ сражался съ Ту-гю. Ему наследовалъ его сынъ Би-ли.

При этомъ послѣднемъ ханѣ, въ 662 г., государство Хой-хэ было подчинено намѣстничеству Жань-жань. По смерти Би-ли на престолъ вступилъ его сынъ Ду-гяй-чжы. Такъ какъ въ это время вновь усиливаются Ту-гю, то Хой-хэ и три рода (колѣна) Киби, Сыгъ и Хунъ перебираются черезъ песчаную пустыню и поселяются у границъ Китая. Сынъ Ду-гяй-чжы, Фу-ду-фу, побѣдилъ Ту-гю въ 716 г. Затѣмъ къ китайской границѣ прибыли также колѣна Тунъ-ло Гэ-ли-фа и Бай-си. Еще позднѣе у южныхъ Хой-хэ возникаютъ междоусобія. Князекъ Хо-шу бѣжитъ къ Ту-гю и сынъ его Гу-ли Пей-ло получаетъ должность намѣстника. Такъ какъ теперь у Ту-гю опять начинаются раз-

доры, то Пей-ло объявляетъ себя независимымъ и помогаетъ племени Па-си-ми побѣдить Усу-хана. Въ 744 г. Пей-ло напалъ на Па-си-ми, убилъ ихъ князя, принялъ титулъ Ку-ду-лу-шѣ-гя-кюй-ко-хань = Кутлукъ бекъ кюй-каганъ и послалъ пословъ къ китайскому императору, отъ котораго и получилъ титулъ И-ван'а. Свою орду онъ поставилъ между горами Удэ-гянь¹⁾ и рѣкою Орхономъ (въ Каракорумѣ). 9 колѣнъ были подчинены Пей-ло: Ю-ло-гэ, Ху-ду-гэ, Ю-ву-гэ, Кюй-лоу, Гэ-са, Хасѣ-ву, Мо-кѣ-си-гѣ, Ху-вынь-со. Его государство простиралось отъ Байкала (Ши-вей)²⁾ до алтайскихъ горъ и на югъ до великой песчаной пустыни. Колѣна Пу-гу, Хунъ, Ба-ѣ-гу, Тунъ-ло, Сы-гѣ и Киби сохранили свою самостоятельность. Впослѣдствіи къ нему присоединились еще колѣна Ба-си-ми и Гэ-ло-лу (= Карлук).

Преемникомъ Пей-ло былъ сынъ его Мо-янь-чжо; онъ вступилъ на престолъ въ 756 г. и принялъ титулъ Гэ-лэ-хань (= Күчлүкъ каганъ?). Онъ былъ хорошій воитель и помогалъ китайскому императору при подавленіи одного возстанія. Несмотря на его заносчивое поведеніе и беспорядки, которые уйгурскія войска производятъ на китайской территоріи, императоръ выдаетъ за него китайскую принцессу. Въ 759 г. ханъ умираетъ.

Второй сынъ хана И-ди-гянь былъ признанъ ханомъ съ титуломъ Мэу-юй-ко-хань. Въ 760 г. онъ отправилъ Гюй-лу-мо-хэ-да-гян'я (= Күчлүкъ-Мѣкѣ-Тарханъ) въ качествѣ посла къ китайскому двору, но до возвращенія его императоръ умираетъ и Хой-хэ рѣшаютъ предпринять походъ на Китай. Войско хана состояло изъ 4000 отборныхъ воиновъ, 10,000 всадниковъ и 40.000 лошадей. Въ войскѣ присутствовали самъ ханъ и ханша. Новый императоръ отправилъ на встрѣчу хану пословъ, которые уговорили его оказать императору помощь въ борьбѣ съ непокорными. По подавленіи мятежей съ помощью хана, уйгуры

1) Сравни упоминаемую въ сказаніи Рашидъ-эддина рѣку اونبكان

2) Brettschneider I. Примѣч. 549.

остаются еще 3 мѣсяца въ области къ югу отъ Желтой рѣки и опустошаютъ страну. Императоръ даруетъ хану титулъ: Кетъ айдынлыкъ кучке мюнмишъ јинъ и гянь-кунъ-пекъ каганъ (т. е. Достигшій блистательнѣйшаго могущества јинъ-и гянь-кунъ господинъ и ханъ). Въ 780 г. ханъ хочетъ отправиться на югъ съ войскомъ, но одинъ изъ вождей, Дунъ-мо-хэ-да-ганъ (= Тунъ-мбкб-тарханъ), противится этому, убиваетъ хана и его приверженцевъ въ числѣ 2000 ху девяти колѣнъ и узурпируетъ ханскую власть, принявъ титулъ Кетъ-кутлукъ-пекъ-каганъ (очень счастливый князь и ханъ). Затѣмъ уйгуры опять попадаютъ въ зависимость отъ Китая. Ханъ обѣщаетъ называться вассаломъ, не посылать ко двору посольствъ, превышающихъ численностью 200 человекъ, не допускать къ продажѣ больше 1000 лошадей и не держать при себѣ китайцевъ въ качествѣ плѣнныхъ. За это онъ получаетъ въ супружество китайскую принцессу. Такъ какъ ханъ обѣщаетъ вспомогательныя войска, то имя Хой-хэ передѣлывается въ Хой-ху (въ знакъ того, что вспомогательные отряды кочевниковъ нападаютъ на врага, какъ соколы — ху). Ханъ получаетъ при этомъ титулъ Еди улукъ чанъ-чу-дянь пекъ-хаганъ (очень высокій чанъ-чу-дянь господинъ и ханъ). Онъ умеръ уже въ 789 г.

Ему наследуетъ сынъ его До-ло-сы; знать даетъ ему титулъ Панъ гуань-дэ-лэ- (тбрэ-султанъ) ханъ. Китайцы даютъ ему титулъ «Айдынлыкъ кучке мюнмишъ кучлукъ пекъ чунъ-ченъ-каганъ (возвысившійся до блистательнаго могущества, сильный господинъ, чунъ-ченъ-каганъ). Колѣна Гэ-лу и Баянь Ту-гю, подчиненныя уйгурамъ, передались тибетцамъ, къ которымъ прикнули также и Шато. Во время этихъ войнъ хана убиваетъ его младшая жена. Младшій братъ хана вступаетъ на престолъ; но высшіе сановники убиваютъ узурпатора и возводятъ малолѣтняго сына хана А-чжо. Китайцы тоже признаютъ А-чжо подъ титуломъ Фынъ-ченъ хагана. Въ его правленіе совершается покореніе Ко-лу и Бэй-тхинь; но хана постигаетъ смерть уже въ 795 г. Такъ какъ послѣ него дѣтей не остается, то ханомъ

провозглашается его министр Гу-ду-лу (кутлук) подь именемъ Хуай-синь хань Гудулу. Китайцы даютъ ему титуль Айдынлыкъ улукъ кўчке мюнмишъ пекъ-хуай-синь каганъ — достигшій блистательнаго, высокаго могущества господинъ Хуай-синь хаганъ.

Этотъ ханъ умираетъ въ 805 г.; китайцы присылаютъ посла, чтобы утѣшить народъ и преподнести новому хану, сыну умершаго, титуль Кю-лу Би-гя каганъ — блистательный, очень высокій господинъ и ханъ. Въ 806 г. отправляется посольство къ китайскому двору. Съ ними впервые явились ко двору буддѣйскіе бонзы и для нихъ былъ построенъ монастырь. Въ 808 г. дворъ получаетъ извѣщеніе, что скончалась ханша Сынъ-ань, которая была женою 4-хъ хановъ и прожила среди кочевниковъ 21 годъ. Вскорѣ послѣ того умираетъ и самъ ханъ. Новый ханъ получаетъ титуль «достигшій блистательной, высокой власти господинъ Па-ой-ханъ». Па-ой-ханъ дважды отправляетъ посольства ко двору и сватается за китайскую принцессу, но ему отказываютъ, такъ какъ дворъ боится издержекъ. Въ 821 г. ханъ въ третій разъ, съ тою же цѣлью, отправляетъ посольство, во главѣ съ Хэ-да-ган'емъ (= Кетъ Тарханъ). Императоръ даетъ согласіе, но смерть хана мѣшаетъ выполненію затѣяннаго.

Преемникъ его Чунъ-дэ-ханъ получаетъ титуль «возвысившійся до блистательной, высокой власти, могучій господинъ Чунъ-дэ-ханъ». Чтобы привезти обѣщанную принцессу, ко двору снаряжается блестящее посольство, при которомъ, между прочимъ, находится 2000 женщинъ, 20.000 лошадей и 1400 верблюдовъ. Принцессу Тхай-хо отпускаютъ съ большою свитой, такъ какъ уйгуры обѣщаютъ выставить въ поле 20.000 вспомогательныхъ конныхъ войскъ для войны съ тибетцами. Интересно описаніе приема новой ханши. Принцесса одѣлась въ нарядъ ханши, длинное красное одѣяніе, сверху короткое верхнее платье, золотой головной уборъ, заостренный спереди и сзади, вышла и поклонилась. Потомъ она усѣлась въ носилки, и 9 министровъ (безъ сомнѣнія, 9 родовыхъ старшинъ) 9 разъ обнесли ее въ нихъ вокругъ орды. Тогда ханша, оставивъ носилки, вступила въ гор-

ницу и сѣла лицомъ на востокъ, рядомъ съ ханомъ. Ей были затѣмъ представлены попорядку всѣ сановники. Ханша основала затѣмъ свою особую орду и въ своей куртѣ¹⁾ поставила 2-хъ министровъ. Она устроила большой пиръ, простилась съ сопровождавшими ее китайцами, и горько плакала, думая о оставленныхъ ею родныхъ и близкихъ. Ханъ очень богато одарилъ отъѣзжавшихъ китайцевъ.

Въ 824 г. ханъ скончался; ему наследовалъ младшій братъ Гѣ-са-дэ-лэ (т. е. «тѳрэ»), получившій титулъ «возвысившійся до блистательной, высокой власти, храбрый господинъ Чао-ли-ханъ». Этотъ ханъ былъ однако уже въ 832 г. убитъ своими подданными и племянникъ его Ху-дэ-лэ (т. е. Кутъ тѳрэ) вступилъ на престолъ; въ слѣдующемъ году онъ отправилъ ко двору посольство и получилъ титулъ «возвысившійся до блистательной, высокой власти могучій господинъ Чан-синъ хаганъ». Его министръ Кю-ло-фу возбудилъ возстаніе противъ хана и вступилъ въ союзъ съ Шато. Ханъ убилъ себя самъ, и знать посадила на тронъ малолѣтняго Кэ-си-дэ-лэ. Въ 840 г. родовой старшина Гюй-лу Мо-хэ (= Кучлукъ Мѳкэ) вступаетъ въ союзъ съ киргизами (которые въ послѣдніе годы усилились) и нападаетъ на городъ уйгуровъ. Онъ убилъ хана, обезглавилъ Кю-ло-фу и сжегъ его ставку. Вслѣдствіе этого племени уйгуровъ разсѣялись. Министръ Си-чжи-Панъ-дэ-лэ съ 15 аймаками бѣжалъ къ карлыкамъ, остальные удалились на югъ (въ Тибетъ и Анси). Затѣмъ 13 семействъ ханскаго рода избрали въ ханы Угѣ-дэ-лэ. Когда киргизы отправили плѣнную принцессу Тхай-хо въ Китай, Угѣ-дэ-лэ напалъ въ пути на посольство, перебилъ тархановъ и отправился съ ханшей черезъ великую песчаную пустыню на югъ. 3 уйгурскіе сановника, У-му-шэ Дэлэ, Чи-синь, На-сэ-чо, передались китайцамъ. Но ханша отправила къ императору посольство, прося признать хана и уступить ему для жительства крѣпость

1) «Юртъ» значитъ собственно «народъ». Здѣсь разумѣется тотъ, такъ сказать, удѣлъ, который получила ханша въ пользованіе отъ своего супруга.

Чжань. Чтобы успокоить уйгуровъ, къ нимъ было отправлено 1000 мѣшковъ зерноваго хлѣба. Когда въ 841 г. уйгуры снова явились изъ за песчаной степи и пошли черезъ страну, опустошая ее грабежемъ и пожарами, У-му-шэ дэлэ соединился съ китайскимъ главнокомандующимъ и велѣлъ обезглавить Чи-син'я; поэтому На-сэ-чо увелъ на востокъ 7000 кибитокъ Чи-син'я. Однако онъ терпитъ поражение и бѣжитъ къ У-хэ, который велитъ его убить. Въ этомъ и слѣдующемъ году враждебныя отношенія между уйгурскимъ ханомъ и китайцами продолжаются, причемъ У-му-шэ дэлэ со своими подданными стоитъ на сторонѣ китайцевъ. Эта борьба оканчивается бѣгствомъ хана къ «чернымъ кибиткамъ» (Хэй-че-цзы), Кан-ли; но эти, подкупленные китайцами, убиваютъ У-хэ-хана. Изъ удѣлѣвшихъ его подданныхъ нѣкоторые передаются китайцамъ, но многія тысячи гибнутъ отъ голода, холода и болѣзней. По смерти У-хэ въ ханы возводится его братъ Э-нань-дэ-лэ. Большая часть его подданныхъ передается китайцамъ. Когда эти послѣдніе захотѣли включить уйгуровъ въ ряды китайскихъ войскъ, часть ихъ бѣжала, другая была перебита, остальные остались при войскѣ. Ханъ съ 5000 приверженцевъ убѣжалъ къ Хи-сѣ; но когда Хи-сѣ были разбиты въ 847 г. китайцами съ помощью киргизовъ, онъ ушелъ дальше на западъ. Разсѣянные уйгуры мало по малу собрались около оставшагося на мѣстѣ Пан-дэ-лэ. Онъ принялъ санъ хана и правилъ въ Канъ-су и городахъ, лежащихъ къ западу отъ великой пустыни. Впослѣдствіи императоръ даровалъ ему титулъ (величественный, до блистательной высокой власти возвысившійся, весьма сильный господинъ Хуай-гянь-ханъ). Въ правленіе И-цзунъ (860—873) предводитель уйгуровъ, Пугу изъ Каракоджи, разбилъ тибетцевъ, и послалъ ко двору посольство, прося признать себя ханомъ, на что императоръ и соизволилъ. Такъ какъ затѣмъ въ Китаѣ начинаются смуты, перекращаются всякія отношенія между Китаемъ и уйгурскимъ государствомъ, начинающимъ снова постепенно распространяться на западъ. Такъ какъ теперь связь съ уйгурами по большей части совершенно порвана, то изъ

отрывочныхъ историческихъ извѣстій процессъ развитія новаго западнаго уйгурскаго государства нѣтъ возможности обозрѣть въ цѣломъ. Я приведу¹⁾ отрывочныя извѣстія о немъ, находящіяся въ исторіи династїи Ляо (въ сѣверномъ Китаѣ) и династїи Сунъ (въ среднемъ и южномъ Китаѣ).

Исторія Ляо даетъ намъ лишь очень отрывочныя извѣстія, которыя мы приведемъ здѣсь въ формѣ таблицы:

Въ 913 г. Хой-хэ присылаютъ дань императору Ляо.

Въ 917 г. они присылаютъ новое посольство.

Въ 924 г. пришло другое посольство князя Хой-хэ Бали къ императору Ляо Апаки, когда онъ находился въ военномъ лагерѣ близъ города Хой-хэ (въ Каракорумѣ). Въ томъ же году Ляо берутъ въ плѣнъ Бялико, родового старшину, котораго поддерживалъ Ву-му-чжу Ко-канъ (Умучъ-хаганъ), князь уйгуровъ въ Каншу, почему А-па-ки отправляетъ къ Умучъ-хану посольство.

Въ 925 г. является посольство Умучъ-хана.

Въ 932 г. А-са-ланъ (Арсланъ), князь Хой-хэ, присылаетъ дань.

Въ 988 г. А-са-ланъ снова присылаетъ дань отъ Хой-хэ.

Въ 996 г. А-са-ланъ (Арсланъ), князь Хой-хэ, присылаетъ пословъ ко двору, чтобы добиться руки одной принцессы, но императоръ отклоняетъ предложеніе.

Въ 1008 г. Кидань (Ляо) прогоняютъ Хой-хэ изъ Кан-шу и берутъ въ плѣнъ ихъ князя Ё-ла-ли. Вслѣдъ затѣмъ однако Хой-хэ побѣждаютъ Кидань.

Въ 1028 г. Тангуты (Хіа), основавшіе могущественное государство въ Ордосѣ, нападаютъ на Хой-хэ и присоединяютъ къ своему государству Ка-шу, Куа-шу и Сы-шу, которые до того принадлежали Хой-хэ²⁾.

1055—1061 г. въ правленіе Као-цзу-енъ и

1) Я даю эти извѣстія по извлеченіямъ Бретшнейдера: *Mediaeval researches* London. 1888, ч. I, стр. 241—242.

2) Сравни *Mémoires relatifs à l'Asie*, ч. II, стр. 363 и слѣд.

1101—1125 г. Тянь-то, послѣдняго императора Ляо, упоминаются нѣсколько посольствъ Хой-хэ.

Въ 1127 г. упоминается о двухъ посольствахъ Хой-хэ къ императору династїи Цинь, первомъ — отъ князя Хой-хэ Холи-Ко-хань и второмъ — отъ Хуо-ла-сань.

На 1172 годъ падаетъ послѣднее посольство Хой-хэ во время династїи Цинь.

Въ СССРСХС главѣ лѣтописей династїи Сунь, правившей въ среднемъ и южномъ Китаѣ съ 960—1127 г., повѣствуется объ основанїи западнаго уйгурскаго государства княземъ Пан-лэ (въ исторїи Танъ онъ названъ Пан-дэ-лэ, т. е. Пань-төрэ = царь Пань). Онъ сперва жилъ какъ бѣглець въ Анси (Турфань), затѣмъ былъ провозглашенъ ханомъ и основалъ государство, къ которому принадлежали провинціи Кан-шу, Ша-шу и Сы-шу (т. е. Као-чанъ или «Кара-ходжа»). Потомъ упоминается, что въ эпоху Ву-тай, въ первой половинѣ 10-го столѣтїя, ко двору нѣсколько разъ являлись посольства Хой-хэ. Подобныя же посольства продолжались и въ эпоху Сунъ въ 10, 11 и 12 столѣтїя; нѣкоторыя изъ нихъ приходили отъ князей Кан-шу, другія отъ Ша-шу, третьи отъ Сы-шу. Послѣднее посольство падаетъ въ правленіе Сюань-хо (1110—1126).

Въ этой главѣ лѣтописей Сунъ паходится также отчетъ китайскаго посла Вань-ѣнь-тэ, бывшаго въ уйгурскомъ государствѣ Као-чанъ въ 981 г. Као-чанъ обнималъ восточныя области земель, прилегающихъ къ Тяньшаньскому хребту, гдѣ, какъ я уже ранѣе упоминалъ, съ самыхъ древнихъ временъ основались тюрки (уйгуры) и гдѣ были созданы два королевства, переднее и заднее Че-шы (произносится также Кю-ши или Кю-ше): Въ эпоху династїи Танъ эти земли называются уже Као-чанъ. Въ 640 ихъ завоевываютъ китайцы и даютъ имъ имя Сы-шу. Послѣ паденїя династїи Танъ уйгуры завоевываютъ ихъ. Когда Вань-ѣнь-тэ посѣтилъ эти страны, король Ка-Кена называлъ себя А-ше-лань-хань (Арсланъ ханъ), что китайцы переводятъ вполне правильно, какъ «львиный король». Его государство простира-

лось на западъ и югозападъ до предѣловъ Арабовъ и Персовъ и до западнаго Тибета, на югъ до Хотана.

Такъ какъ описаніе пребыванія Ванъ-ѣнь-тэ при дворѣ этого уйгурскаго государства, составленное имъ самимъ, даетъ намъ возможность заглянуть въ жизнь осѣдлыхъ уйгуровъ въ X вѣкѣ, то я приведу здѣсь его отчетъ до перевода Жюльена¹⁾. Большую часть аборигеновъ этой страны составляли несомнѣнно турки (Уйгуры, Хун-ну), которые основались въ восточномъ Туркестанѣ задолго до христіанской эры, смѣшались тамъ съ китайскими переселенцами и приняли многое изъ ихъ нравовъ и обычаевъ. Проникшіе туда въ теченіе 8 и 9 вѣка уйгуры безъ сомнѣнія прикнули отчасти къ издавна поселившимся тамъ своимъ соплеменникамъ; такимъ путемъ образовался цивилизованный уйгурскій народъ, распространившійся по всему восточному Туркестану. Послушаемъ однако самого Ванъ-ѣнь-тэ.

«Король послалъ къ китайскому послу одного изъ своихъ офицеровъ и выбралъ для аудіенціи ему счастливый день, чтобы ѣнь-тэ не обвинялъ его въ проволочкѣ. Встрѣча эта состоялась черезъ 7 дней. Король, его сыновья и слуги привѣтствовали его, оборотясь лицомъ на востокъ и такъ они приняли дары императора. Близъ князя стоялъ музыкантъ, который выбивалъ на звонкомъ камнѣ тактъ къ тѣлодвиженіямъ, въ которыхъ состояла церемонія привѣтствованія. При первомъ звукѣ камня обрядъ привѣтствованія выполнилъ король, затѣмъ сыновья, дочери и родственники короля сошли съ коней и привѣтствовали его, прежде чѣмъ принять дары.

Вскорѣ послѣ этого было приготовлено пиршество, сопровождавшееся музыкой и представленіемъ. На слѣдующее утро принята была прогулка въ челнокахъ по озеру съ семьей короля. Вокругъ озера въ это время велѣно было играть музыкѣ. На второй день онъ посѣтилъ буддійскіе храмы, называвшіеся Инъ-юнь-шэ или Тай-нинъ-шэ, построенные въ 637 г. Въ городѣ

1) St. Julien, Les Ouigours. Journ. Asiat. Янв. 1847, стр. 63.

много павильоновъ, башенъ и садовъ. Уйгуры смышлены и обладаютъ открытымъ, честнымъ характеромъ. Они даровиты и особенно искусны въ выдѣлываніи разной утвари изъ золота, серебра, мѣди и желѣза. Они умѣютъ также обрабатывать камень «яда». Хорошая лошадь стоитъ у нихъ кусокъ шелка, посредственные лошади, назначаемые на убой, стоятъ только три метра шелковой матеріи. Всѣ бѣдняки ѣдятъ здѣсь мясо.

Въ другомъ мѣстѣ своего отчета Ванъ-ѣнь-тэ говоритъ о нравахъ уйгуровъ въ Као-чанѣ слѣдующее: «Эта страна производитъ всѣ пять сортовъ хлѣбовъ, но гречиха имъ неизвѣстна. Знатные изъ нихъ ѣдятъ конину, простой народъ — мясо барановъ, утокъ и гусей. Изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ чаще всего употребляется пипа (родъ мандолины) и кунъ-хоу (гитара о 25-ти струнахъ). Предметами вывоза въ этой странѣ служатъ куньи и собольи шкуры, бѣлый пухъ и матеріи, затканныя и украшенныя цвѣтами. Мужчины любятъ верховую ѣзду и стрѣльбу изъ лука, женщины носятъ лакированныя шапочки, называемыя у нихъ Су-му-ча. Они придерживаются китайскаго календаря и слѣдуютъ ему, между прочимъ, при совершеніи своихъ обоихъ жертвоприношеній, такъ называемыхъ *шэ* (которыя приносятся духу земли и въ зимнее солнцестояніе). Кто изъ нихъ любитъ далеко ходить пѣшкомъ, тѣ всегда берутъ съ собою музыкальные инструменты. Въ ихъ буддійскихъ монастыряхъ, числомъ около 50, надъ порталами находятся надписи, присланныя императорами династіи Танъ. Въ одномъ изъ нихъ есть большое собраніе буддійскихъ книгъ; тамъ находятся китайскіе словари Танъ-янъ, Ю-бянь и буддійскій лексиконъ Кинъ-инъ.

Въ весенніе мѣсяцы жители собираются небольшими отрядами и совершаютъ поѣздки къ буддійскимъ монастырямъ. Они тогда садятся на лошадей, вооружаются луками и стрѣлами и стрѣляютъ въ разные предметы; это называется у нихъ — заклинать несчастье. Есть здѣсь также храмъ Мани (христіанъ); они крѣпко держатся предписаній своей религіи и называютъ книги буддистовъ еретическими».

Исторія монгольскаго государства (Юань-ши) говоритъ намъ о позднѣйшихъ судьбахъ этого уйгурскаго государства Као-чанъ. Въ ней уйгуры называются вей-вурями (впрочемъ, впервые это имя даетъ имъ еще исторія Ляо¹⁾, и мѣстожительствъ имъ указываются по обѣимъ сторонамъ восточнаго Тянь-шаня. Центры поселеній этого народа суть города Би-ши-Ба-ли-ки (Беш-Балыкъ), Ха-ла-Ходжо (Кара Ходжа), Хуо-шу, Као-чанъ (вблизи нынѣшняго Турфана). Ихъ государь И-ду-ху (Идикутъ) Барджу (у Рашид-эддина Барджукъ), былъ вассаломъ Кара-Киданей; когда въ 1209 г. онъ прослышалъ о намѣреніи Чингизъ-хана предпринять походъ на сѣверный Китай, то предложилъ ему свое подданство. Чингизъ-ханъ отправилъ пословъ къ Идуху (Идикутъ) Барджу, и государь уйгуровъ подчинился ему. Когда Чингизъ-ханъ идетъ войною на Наймановъ и Меркитовъ, Барджу присоединяется къ его войску и убиваетъ 4 сыновей найманскаго князя. Въ 1211 г. И-ду-ху является къ Чингизъ-хану съ предложеніемъ даровъ. Тогда Чингизъ выдаетъ за него свою дочь Ё-ли-ан-дунъ, принимаетъ еще участіе въ походѣ противъ султана Хорезма, съ отличіемъ сражается при осадѣ Нишапура, воюетъ также съ государствомъ Тангутовъ и подавляетъ большой мятежъ.

Титуль И-ду-ху былъ перенесенъ, какъ наследственный, на его дѣтей и внуковъ.

в) Извѣстія объ Уйгурахъ у европейскихъ писателей.

Древнѣйшее упоминаніе имени «уйгуръ» у европейскихъ писателей находимъ мы у Клавдія Птолемея, гдѣ мы (Serica, Liber IV, Cap. 16, 3) между прочимъ читаемъ: Διαρρέουσι δὲ δύο μάλιστα ποταμοὶ τὸ πολὺ τῆς Σηρικῆς ὅτε Οἰχάρδης οὐ ἢ μὲν πρὸς τοὺς Αὐζανίους πηγὴ ἐκτίθειται, ἢ δὲ πρὸς τοὺς Ἀσμεραίοις ὄρεσιν ἐπέχει μοίρας... ροδ μζ'.

1) Бретшнейдеръ, ч. I, стр. 246, прим. 606.

Рѣка, названная здѣсь *Οιχάρδης*, можетъ быть только Таримъ, хотя онъ помѣщенъ тутъ ошибочно¹⁾ на $47\frac{1}{2}^{\circ}$ широты то есть далѣе на югозападъ, чѣмъ онъ лежитъ въ дѣйствительности. Въ слѣдующемъ § 4 перечисляются обитатели Серики и между ними *μέχρι τοῦ Οιχάρδου ποταμοῦ Πιάλαι* (ἢ Πιάδδαι) *καὶ ὑπ' αὐτὸν ὁμώνυμοι Οιχάρδαι*. Уже Реннель²⁾ высказалъ мнѣнiе, что эти ойхарды тождественны съ уйгурами; къ нему присоединяется и Григорьевъ³⁾. Это воззрѣнiе, надо думать, справедливо, такъ какъ въ мѣстностяхъ, указанныхъ Птолемеемъ, уйгуры должны были основаться массами уже во 2-мъ вѣкѣ. Правдоподобно, что рѣка названа тутъ по народу, занимавшему ея берега, такъ какъ имя этого значительнаго народа безъ сомнѣнiя легче могло быть принесено купцами⁴⁾ на дальнiй Западъ, чѣмъ названiе рѣки.

Птолемей упоминаетъ еще одинъ народъ въ Серикѣ (V, 16), носящiй имя, сходное съ именемъ уйгуровъ, именно объ Ἰταγοῦρ'αῖς или Ἰταγοῦρ'αῖς.

Нѣсколько позже Птолемея Дiонисiй Ливiецъ, жившiй вѣроятно въ концѣ 1-го или, самое позднее, въ началѣ 2-го вѣка нашей эры⁵⁾, упоминаетъ въ своей *Orbis terrarum descriptio*:

Πρῶτοι μὲν Σχύθαι εἰσὶν ὅσοι Κρονίης ἀλός ἄγχι
 Παραλίην ναίουσιν ἀνὰ στόμα Κασπίδος ἄλμης
 Οὔννοι (ἸΩνοι ἸΩννοι) δ' ἐξείης

что доказываетъ какъ нельзя яснѣе, что въ его время въ Европу уже проникла вѣсть, что нѣкоторый народъ, называемый Οὔννοι, живетъ позади прикаспiйскихъ Скивовъ, въ мѣстности, прилежащей къ Аральскому морю, то есть, какъ разъ въ тѣхъ частяхъ туранской низменности, куда по показанiямъ китайцевъ, приведен-

1) О причинахъ ошибочности этихъ показанiй ср. Григорьевъ, Восточный Туркестанъ, вып. II, стр. 96.

2) Rennel. Geographical System of Herodotus. London 1830, pg. 31.

3) Ibid., стр. 70.

4) Mannert. Geographie der Griechen und Römer. Nürnberg 1795. IV Band, 509 и сл.

5) K. Fr. Neumann. Die Völker des südlichen Russlands. Leipzig 1847, pg. 39.

нымъ нами выше, выселились потомки восточныхъ тюрковъ, носящихъ въ китайской исторіи имя Хунъ-ну. Итакъ мы имѣемъ полное право отождествить оба народа Хунъ-ну и *Oûnou*, какъ это и сдѣлали Дегинь, Нейманъ и Вивье де Сенъ-Мартенъ.

Далѣе, Моисей Хоренскій¹⁾ упоминаетъ о гуннахъ (*Нонк*) какъ о народѣ, управляемомъ Дертадомъ или Тиридатомъ Великимъ, и живущемъ къ сѣверу отъ кавказскаго хребта. Это доказываетъ, что въ теченіе III-го вѣка гунны проникли еще далѣе на западъ или расширили свою область въ этомъ направленіи. За то же говорить и свидѣтельство Зонары²⁾, взятое вѣроятно изъ болѣе древнихъ источниковъ, что императоръ Каръ потерпѣлъ неудачу въ 284 г., въ походѣ на гунновъ.

До IV вѣка могущество гунновъ въ зап. Туранѣ окрѣпло, надо полагать, настолько, что они вновь могли предпринимать значительные походы на Западъ. Китайскихъ извѣстій о возникновеніи этого государства у насъ нѣтъ вовсе, такъ какъ во II и III вѣкѣ китайцы не имѣли никакихъ сношеній съ дальнимъ западомъ. Мы можемъ однако принять, что это государство образовалось, какъ всѣ государства кочевниковъ, т. е., что въ III вѣкѣ оно настолько усилилось, отчасти подчиняя, отчасти растворяя въ себѣ окрестныя мелкія кочевыя племена, что могло уже обрушиться всею тяжестью на своихъ западныхъ сосѣдей. Собственно гунны (восточные тюрки, уйгуры) составляли несомнѣнно лишь часть нахлынувшихъ въ Европу полчищъ; очевидно самыя различныя племена (западные тюрки, угры и пр.) двигались впередъ, имѣя въ гуннахъ предводительствующее племя, и нарастая, подобно лавинѣ, во время движенія. При императорѣ Валентѣ, т. е. во второй половинѣ IV столѣтія, гунны явились въ Европѣ, разбили въ прахъ могущество Аланъ, и проникли до Дуная, покоряя и увлекая съ собою народы, обитавшіе въ нынѣшней южной Россіи.

1) Sib. II, 76.

2) Zonaras Annales, ed. Pinderi, lib. XII, c. 30, pg. 611.

Намъ нѣтъ нужды углубляться въ подробности исторіи европейскаго гуннскаго государства или въ изслѣдованіе встрѣчающихся гуннскихъ собственныхъ именъ, чтобы подкрѣпить мою теорію — тождественности гунновъ и восточныхъ тюрковъ. Я могъ бы лишь немного прибавить къ тому, что уже было сказано во время безконечныхъ споровъ по этому предмету. Поэтому я удовольствуюсь краткой передачей того, что намъ сообщаютъ о нравахъ гунновъ Иорнандъ, Амміанъ Марцеллинъ и другіе.

Кажется, писатели этого періода просто не находятъ словъ, чтобы дать понятіе о томъ отвращеніи, какое испытывали народы запада при видѣ этого азіатскаго кочеваго народа. Описаніе ихъ, несмотря на всѣ преувеличенія, очень характерно. Внѣшность и образъ жизни гунновъ рисуется такимъ образомъ: Ихъ шея была коротка, спина сгорблена, голова кругла и велика, цвѣтъ кожи — черный, глаза маленькіе и глубокіе, но взглядъ пронзительный. Невысокіе ростомъ, они были крѣпко сложены и широкоплечи. Одѣвались они въ холстъ и куньи мѣха, которыхъ не снимали съ тѣла, пока одежда не истлѣвала на нихъ. На головѣ они носили шлемы, на ногахъ — сапоги изъ шкуръ, которые затрудняли ихъ при ходьбѣ. Они были хитры, ловки и притомъ жестоки, алчны, безстыдны и преданы пьянству. Пока они не узнали вина, они напивались хмѣльнымъ напиткомъ изъ проквашеннаго кобыльяго молока. Пищу ихъ составляли коренья и полусырое мясо, которое они размягчали, подложивъ его на время ѣзды верхомъ подъ сѣдло. Привычныя съ юности къ перенесенію холода и непогоды, голода и жажды, они всегда были готовы къ странствію. Семьи свои они возили за собою на телѣгахъ, запряженныхъ волами; такъ же сопровождали они и свои многочисленныя стада, которыя пасты заставляли военнопленныхъ. Женщины жили въ этихъ телѣгахъ и занимались рукодѣльемъ и дѣтьми, но принимали также участіе въ сраженіяхъ мужчинъ. Мужчины никогда не пользовались повозками, но ѣздили всегда верхомъ на своихъ малорослыхъ, безобразныхъ, но быстрыхъ и неутомимыхъ лоша-

дахъ, на которыхъ они проводили цѣлые дни и ночи, и даже спали. Верховъ же держали они совѣты. Прежде у нихъ не было верховнаго начальника, а весь народъ былъ разбитъ на конные отряды по 1000 человекъ въ каждомъ, которые имѣли своего предводителя; каждая тысяча распадалась на сотни и десятки, тоже имѣвшіе своихъ вождей. Сражаясь, они не придерживались правильного строя, а кидались на врага съ страшнымъ крикомъ, и если встрѣчали сопротивленіе, то толпы ихъ разсѣвались, чтобы съ быстротою молніи собраться въ другомъ мѣстѣ для новаго натиска. Они очень мѣтко стрѣляли изъ лука своими острыми стрѣлами, и дѣлали это на всемъ скаку лошади, сами убѣгая отъ непріятеля. Въ одной рукѣ они держали саблю, въ другой — сѣтъ (арканъ?), чтобы опутывать ею врага.

Это описаніе вполне согласуется съ описаніями, которыя китайцы повторяютъ, говоря о восточныхъ тюркахъ (Хунь-ну, уйгурахъ). Даже болѣе того: мы можемъ смѣло утверждать, что каждую черту изъ приведенныхъ до сихъ поръ можно отыскать у нынѣшнихъ кочевниковъ - тюрковъ. Еще и теперь киргизъ сидитъ при быстрой верховой ѣздѣ сгорбясь и втянувъ голову между плечами, еще и теперь онъ, какъ иѣшходъ, очень неловокъ и неуклюжъ. Одѣяніе алтайца до сихъ поръ составляютъ мѣха, сорочка изъ хлопчатой бумаги и мѣховые сапоги. Малахай (или тумакъ) киргизовъ очень похожъ на шлемъ; арканъ виситъ у сѣдла каждаго алтайца, и онъ умѣетъ бросать его такъ ловко, что несомнѣнно могъ бы употреблять его и какъ оружіе. Высокіе двуколесныя телѣги, которыя были извѣстны вѣроятно и западнымъ тюркамъ, были, по словамъ китайцевъ, у уйгуровъ такъ общеупотребительны, что отъ нихъ, будто бы, произошло и названіе народа «Гао-гю»; я самъ видѣлъ изображенія такихъ экипажей въ Енисейской области, на утесахъ, на древнихъ нацарапанныхъ рисункахъ. Нечистоплотность восточныхъ тюрковъ до сихъ поръ ужасающая; я самъ верѣдко видѣлъ у уренхайцевъ и алтайцевъ буквально истлѣвшія на тѣлахъ ихъ владѣльцевъ рубашки. Вѣроятно гунны не клали мяса для раз-

мягченія на спину лошади подъ сѣдло, какъ не дѣлаютъ этого и современные кочевники. Подъ сѣдломъ мясо не размякнетъ, а развѣ пріобрѣтетъ вкусъ и запахъ лошадиного пота, непріятный даже на гуннскій вкусъ; кромѣ того спины гуннскихъ лошадей были, надо полагать, совсѣмъ особаго строенія, если могли переносить безъ вреда давленіе влажнаго тѣла, подложеннаго подъ сѣдло, во время ѣзды. Зато кочевники еще и теперь разрѣзаютъ на узкія полосы оставшееся послѣ обѣда мясо и привѣшиваютъ его сзади къ сѣдлу, чтобы оно просохло на солнцѣ (это единственный способъ везти съ собою сырое мясо, не давая ему загнивать), и такъ вѣроятно поступали и гунны. Столь же характерно и описаніе ихъ боевой тактики, ихъ пищи и образа жизни. Все это описывается совершенно такъ же у китайцевъ относительно восточныхъ тюрковъ. Изображеніе наружности гунновъ подходитъ почти въ равной мѣрѣ къ тѣлосложенію и фізіономіи какъ нынѣшнихъ восточныхъ тюрковъ, такъ и монголовъ. У нынѣшнихъ западныхъ тюрковъ мы встрѣчаемъ рѣзко выраженный монгольскій типъ лишь какъ исключеніе; но тутъ безъ сомнѣнія уже успѣлъ развиться чрезъ смѣшеніе съ другими расами совсѣмъ иной типъ.

Описаніе типа гунновъ можетъ указывать лишь на племена, прикочевавшія изъ дальняго азіатскаго востока, слѣдовательно только на три народа: тюрковъ, монголовъ и тунгузовъ. Но китайская исторія доказываетъ, что сначала распространились на западъ тюрки, и что занятые ими области заходили на западѣ за Аральское море уже до Р. X. Затѣмъ въ столѣтія III—X стали пробивать себѣ дорогу на западъ племена тунгузскія, но они не проникли дальше центра средней Азіи. Только съ XIII в. начинаютъ двигаться впередъ, на югъ и западъ, монголы. Если бы монгольскія племена уже раньше когда нибудь проникли на западъ, то гдѣ нибудь тамъ остались бы осадки этого народа. Не доказываютъ-ли уже эти соображенія, какого происхожденія были явившіеся въ IV в. въ Европу гунны?

Когда могущество гуннскаго государства рухнуло, начался

тотъ процессъ разложенія великой державы кочевниковъ, который я описалъ выше во введеніи къ историческимъ даннымъ. Государство гунновъ распадается на свои орды, племена и роды, которые, само собой разумѣется, принимаютъ особыя имена. Нахлынувшіе въ восточную Европу кочевники вступаютъ въ то свойственное имъ состояніе соціальной текучести, благодаря которой они непрерывно образуютъ родовыя и племенные скопища, напираяющія съ большей или меньшей силой, сообразно своей численности и значенію, на окрестныя осѣдлыя народы и беспокоящія ихъ границы. Поэтому мы видимъ въ отношеніяхъ восточной римской имперіи къ ея кочевникамъ - сосѣдямъ, въ первые вѣка послѣ паденія гуннской державы, совершенно тѣ же явленія, какія мы наблюдали въ отношеніяхъ между китайцами и развалинами государства Хунь-ну. Изучая непрерывныя теченія впередъ другихъ племенныхъ скопищъ, мы узнаемъ впервые истинный составъ прежняго гуннскаго государства, составлявшаго тогда замкнутое цѣлое. Иными словами, я думаю, что въ народцахъ, напираяющихъ, одинъ за другимъ, на восточную римскую имперію, послѣ паденія владычества гунновъ мы должны признать тѣ самыя племена, которыя до-того составляли само гуннское государство, такъ какъ вѣдь новыя племена могли проникать изъ Азіи въ Европу лишь въ той мѣрѣ, въ какой уничтожали другъ друга въ постоянныхъ войнахъ уже прибывшія въ Европу племена.

Лучшимъ доказательствомъ правильности моего воззрѣнія служить прежде всего тотъ фактъ, что византійцы часто еще называютъ «гуннами» тѣ племена, о движеніи которыхъ въ послѣдующіе вѣка они намъ сообщаютъ. Это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что племена эти до того походили на гунновъ, что ихъ отождествляли съ гуннами, такъ какъ имя «гуннъ» обозначало для византійца и народъ, а не только державу или государство, какъ это было въ самомъ дѣлѣ.

Византійскіе историки сообщаютъ намъ о цѣломъ рядѣ кочевыхъ племенъ, беспокоившихъ границы ихъ родины въ теченіе

V вѣка. Я перечислю изъ нихъ лишь тѣ, имена которыхъ показываютъ, что очень значительную часть гунновъ составляли восточныя тюркскія племена, и притомъ именно тѣ, которыя приблизительно съ начала нашей эры получили общее наименованіе уйгуровъ.

Первое упоминаніе племенныхъ именъ этого народа мы находимъ у Приска ¹⁾; подъ годами 461—465 по Р. Х. онъ пишетъ: ἀεπρεσβεύσαντο δὲ κατ' ἑκείνον τὸν χρόνον κατὰ τοὺς ἑώρους Ῥωμαίους Σαράγουροι καὶ Οὐρωγοὶ καὶ Ὀνόγουροι, ἔθνη ἐξαναστάντα τῶν οἰκείων ἡθῶν, Σαβίρων ἐς μάχην σφίσιν ἐηλυθόντων, οὓς ἐξήλασαν Ἀβάρεις, μετανάσται γενόμενοι ὑπὸ ἐθνῶν οἰκούντων μὲν τὴν παρωκεανίτιν ἀκτὴν. Три народа, просившіе помощи у восточныхъ римлянъ, носили слѣдовательно имена: Σαράγουροι, Οὐρωγοὶ и Ὀνόγουροι.

Первое суть очевидно Сары-уйгуры (т. е. желтые уйгуры). Магометанскіе писатели не говорятъ объ нихъ; зато упоминаютъ о нихъ китайцы ²⁾. Въ Юань-ши, гл. СХХI, въ біографіи Субутая упоминается, что военный округъ Антинь (安定) во времена юаньской династіи назывался 系散里畏兀兒 = Са-ли-уй-гур = Сары-уйгуръ. Это показаніе для насъ тѣмъ важнѣе, что Плато Карпини ³⁾ упоминаетъ о Сари-Гуйресъ въ перечисленіи земель, завоеванныхъ Чингизъ-ханомъ. Бретшнейдеръ ⁴⁾, далѣе, упоминаетъ (по Минь-ши, гл. ССССХХХ), что Антинь былъ 1500 ли къ югозападу отъ Кань-шу, земли Са-ли Вейвуровъ, и что (по Abel Rémusat, Ville de Khotan, p. 95) въ 1081 г. одно посольство, шедшее изъ Хотана въ государство Тангутъ, должно было пересѣчь пустыню *желтоголовыхъ Хой-хэ* (несомнѣнно = Сары-уйгуръ). Наконецъ изъ Bellew, History of Kashgar, p. 164 онъ выписываетъ: said of Kashgar set out in 1515 on a expedition against the Sarigh-Uigur twelve day's journey from Khotan.

1) Corpus scriptorum hist. Byzantin. ed. Niebuhr. Bonn 1829. T. I, pag. 158. Historici graeci minores ed. L. Dindorf. Leipzig 1870. Vol. I, pag. 341.

2) Bretschneider, ibid. 209.

3) Pag. 651, 708.

4) Mediaeval Researches. Ч. I, стр. 263.

Упомяну еще, что русскій путешественникъ Потанинъ еще въ наше время встрѣтилъ на границахъ Тибета Кара-уйгуровъ и Сарыг-уйгуровъ, и нашелъ, что первые говорятъ монгольскимъ, вторые тюркскимъ нарѣчьемъ. Онъ вручилъ мнѣ и небольшой списокъ словъ ихъ языка.

Третье племя *Ονόγουροι* суть очевидно Он-уйгуры (т. е. десятиплеменные уйгуры) Рашидъ-эддина и Абулгази. Что касается второго племени, то я полагаю, что не ошибусь, если приму, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ простой опiscoй, именно, что вмѣсто *Οὔρωγοι*: слѣдуетъ читать *Οὔγωροι*, и что такъ обозначено основное племя уйгуровъ, отъ котораго отдѣлились съ теченіемъ времени Сары-уйгуры и Он-уйгуры.

Подъ 468 г. Прискъ¹⁾ упоминаетъ еще разъ о Сарыг-уйгурахъ, именно, что *Σαράγουροι*, *Ἀχαττίροι*²⁾ и другіе народы предприняли походъ противъ персовъ.

Менандръ даетъ намъ, далѣе, еще болѣе подробныя извѣстія объ уйгурскихъ племенахъ.

Упомянувъ, что была надежда уладить миромъ войну между Персами и Римлянами, онъ продолжаетъ такъ: *αέπει οὖν ταῦτα τῆδε ἐχώρει καὶ οἱ γε ἀμφὶ τὸν Ζαβεργάν Οὔννοι πόρρω που τῆς Ῥωμαίων ἐπικρατείας ἀπεληλαμένοι ἐτύγχανον, τῆνικαῦτα Ἰουστινιανός (ἐν νῶ γὰρ εἶχεν, ὡς ἐλεύσονται καὶ αὖθις οἱ Κοτρίγουροι δηώσοντες τὰ ἐπὶ Θράκης) ἐγκείμενος τε ἦν τῷ Σανδύλῳ τῷ τῶν Οὔτιγούρων ἡγεμόνι, ἀνίει δὲ οὐδαμῶς παραινῶν πρεσβείας τε συχνὰς ἐκπέμπων καὶ ἄλλοτε ἄλλῳ τρόπῳ ἀνερεθίζων, ὡς ἂν ἀμωσγέτω ἐκπολεμώσῃ γε αὐτὸν ὡς τὸν Ζαβεργάν. Сандилхъ (слово оканчивается несомнѣнно на корень лик или тиллик — владѣющій рѣчью, Сантиллик — одаренный многой, разнообразной рѣчью) былъ, слѣдова-*

1) *Corpus Script. Hist. Byz. ed. Niebuhr, p. 161. 12 Historici Graeci minores. V. I, p. 246, 7.*

2) *Ἀχαττίροι* было западно-тюркское племя, явившееся въ Европу вмѣстѣ съ гуннами, очевидно, то же самое, которое Рашидъ-эддинъ называетъ *اغاچری* Агачари, которое будто бы получило свое имя отъ Огузъ-хана.

3) *Ibid. Excerpta Menandris Historia ed. Bekker, pag. 344. Hist. graeci minores VII, pag. 3, 10.*

тельно, вождь Утигуровъ, котораго Юстиніанъ подстрекалъ къ борьбѣ съ Заберганомъ ¹⁾. Затѣмъ, продолжаетъ Менандръ, императоръ обѣщаль Сандилху передать ему всѣ вспомогательныя суммы, которыя получалъ Заберганъ, подъ условіемъ войны съ Котригурами (*εἰ γὰρ καταγωνίζαιτο τοὺς Κωτριγούρους*). Но Сандилхъ разъяснилъ императору, что, при всемъ своемъ стремленіи жить съ римлянами въ ладу, онъ всетаки считаетъ неправымъ и неподобающимъ дѣломъ — совершенно истребить родственныя ему племена (*ὁμοφύλους*). Потому что, говорилъ онъ, Котригуры *μὴ ποτε ὁμόγλωσσοί τέ εἰσιν καὶ ὁμόσχευοι ἡμῖν, καὶ ὁμοῖα χρῶνται στολῇ καὶ διαίτῃ ἀλλ' ὅτι καὶ συγγενεῖς καὶ ἐτέροις τισὶ τετάχεται ἡγεμόσιν*. А если мы, продолжалъ онъ, отнимемъ у котригуровъ всѣхъ лошадей и присвоимъ ихъ себѣ, такъ что имъ не на чемъ будетъ ѣздить верхомъ, то они будутъ вредить римлянамъ еще болѣе. Изъ рѣчи Сандилха намъ ясно: 1) что и котригуры и утигуры были народы наѣздническіе, что они смотрѣли другъ на друга, какъ на единоплеменниковъ, хотя и составляли племена политически обособленныя, и 2) что они говорили однимъ языкомъ. Итакъ мы имѣемъ несомнѣнное право принять, что общая обоемъ именамъ часть *igur* (Котр-игур, Утигур) есть общее имъ имя, собственно народное, между тѣмъ, какъ Ут и Котр суть атрибуты для обозначенія колѣнъ, такъ же, какъ Сар и Он въ вышеприведенныхъ именахъ Сарыг-уйгур и Он-уйгур.

Касательно имени Утигур я хочу замѣтить здѣсь только то, что это ни въ какомъ случаѣ не старая возможная по законамъ тюркскихъ языковъ, форма «Уткур» вмѣсто «уйгур» (см. выше); иначе «т» должно бы было являться передъ к во всѣхъ именахъ племенъ и Оногуры и Сарагуры должны бы были называться Ониткурами или Онтикурами или Сарыткурами. Итакъ мы принуждены остановиться на томъ, что От или Ут есть атрибутивная приставка; однако опредѣлить ея смыслъ трудно.

1) Ча-бырган или, м. б., Чак-бѣргѣн — время его даровало — есть имя донинѣ встрѣчающееся у тюрковъ.

Возможно было бы видѣть тутъ отус-уйгуровъ (тридцатиплеменныхъ уйгуровъ или от-уйгуровъ (огненныхъ уйгуровъ или травяныхъ уйгуровъ), но столь-же возможно, что «От-уйгуры» есть просто описка вмѣсто «Онигуры»; въ пользу этого предположенія говоритъ то, что Прискъ не знаетъ Отигуровъ, а Оногуровъ знаетъ. Столько же трудностей представится намъ, если мы захотимъ объяснить слово Котригуры. Если тутъ произошла перестановка звуковъ, т. е. вмѣсто «котригуры слѣдуетъ читать «токруйгуры», то можно бы признать это токр за чувашское туккур = тогус = девять; и мы вмѣемъ передъ собой упоминаемыхъ Рашидъ-эдиномъ тогус-уйгуровъ (девятиплеменныхъ уйгуровъ)¹⁾. Что касается Утигуровъ (Οὐτίγουροι), то можно предположить и то, что это слово написано такъ просто по недосмотру, вмѣсто Οὐίγουροι. Въ такомъ случаѣ конъектуру Нибура (Fragmente des Menander Dindorfus, p. 5, 19) — Οὐτίγουροι вмѣсто Οὐίγουροι придется признать ошибочной и читать повсюду вмѣсто Οὐτίγουροι Οὐίγουροι.

Подъ 558 г. Менаандръ упоминаетъ, что нѣкій Валентинъ посланъ былъ къ Аварамъ, чтобы возбудить ихъ къ войнѣ противъ ихъ враговъ. Юстинианъ полагалъ, что такая война будетъ ему выгодна, побѣждать Авары, или нѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ, побужденные его подарками, Авары сражались сначала съ Οὐτίγουροις, εἶτα Ζάλοις, Οὐννικῶ φύλῳ. καὶ Σαβείρους δὲ καθεῖλον.

Утигуры суть во всякомъ случаѣ уйгурское племя, которое в византийцы причисляли къ гуннской народности, такъ какъ слова: «Οὐννικῶ φύλῳ» не могутъ относиться только къ Ζάλοις. Интересно, что вмѣстѣ съ тѣмъ они во враждѣ съ Аварами.

Въ четвертомъ году правленія Юстиниана (568)²⁾, восточная римская имперія вступаетъ въ сношенія съ большой тюркской державой, во главѣ которой стоитъ Дизабуль, резиденція котораго находится въ Эк-такѣ (Алгаѣ, Золотомъ хребтѣ). Этотъ Дизабуль, быть можетъ, есть тотъ самый ханъ Ту-гю'евъ, ко-

1) Сравни нижеприведенныя извѣстія Арабовъ.

2) Corp. Script. hist. Byz. P. I. 295 sqq. Dindorf. 54.

торого китайцы называютъ Ша-бо-лу-ханомъ¹⁾. Что Тоурхои византійцевъ и Ту-гю китайцевъ — одинъ и тотъ же народъ, доказывается уже тѣмъ, что резиденція Дизабула указывается въ Алтаѣ, а по даннымъ китайцевъ владычество Ту-гю'евъ какъ разъ въ это время простиралось не только на всю область алтайскаго хребта, но и далеко на западъ отъ этой области. Дѣло происходило такъ: въ 568 г. явилось въ Византію посольство Дизабула. Оно представило императору, что подданные турковъ, Согдаиты, просили хана отправить пословъ въ Персію, чтобы добиться права свободной торговли шелкомъ. Просьбу ихъ ханъ исполнилъ; но персы тянули время, не давая рѣшительнаго отвѣта, и наконецъ сожгли товаръ и отказали посольству. Затѣмъ Дизабулъ отправилъ второе посольство; но его члены были перебиты персами. Потому-то де онъ и принялъ за благо заключить союзъ съ римлянами. Послы принесли письмо Дизабула и богатые подарки шелковыми товарами. Императоръ прочелъ съ помощью толмача грамоту, написанную скиѣскими письменами, и принялъ посольство дружелюбно. На распросы о тюркскомъ государствѣ посолъ отвѣчалъ: *τέτταρας αὐτοῖς εἶναι ἡγεμονίας τὸ δὲ κράτος τοῦ ξύμπαντος ἔθνους ἀνεῖσθαι μόνῳ τῷ Διζαβούλῳ*. Затѣмъ посолъ сообщилъ еще, что до сихъ поръ часть аваровъ подчинена власти Дизабула, но что около 20.000 ихъ отъ него отложилось. Тогда снаряжается отвѣтное посольство, съ Земархомъ во главѣ, которое вернулось черезъ Кавказъ. Намъ сообщается, что Земархъ прибылъ *ἐς τὸν Ἀττίλαν*, переправясь черезъ "Их (Якъ, рѣка Уралъ) и дважды перейдя болота. Затѣмъ прибылъ онъ *ὡς Οὐγούρους, οἳ δὴ καὶ σφίσιν ἀπήγγειλαν, ὡς εἰς τὰ περὶ τὸν Κωφῆνα ποταμὸν ἐς τὰ λάσια τέσσαρες χιλιάδες Περσῶν ἐπιτηροῦσι*. Мы видимъ, что тутъ уйгуры означены живущими къ сѣверу отъ Кубани, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Персами. Вождь уйгуровъ вполне опредѣленно названъ подданнымъ Дизабула (*ἐκείσε τοῦ Διζαβούλου τὸ κράτος*).

1) Сравни у Бичурина, «Свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій. Т. I. Отд. VI, стр. 276.

Подъ 569 г. Менандръ упоминаетъ, что каганъ аваровъ въ гнѣвѣ на императора *παρεχελεύσατο δέκα χιλιάδας τῶν Κοντριγούρων λεγομένων Ούνων διαβῆναι τὸν Σάον ποταμὸν καὶ δῆῶσαι τὰ ἐπὶ Δαλματίαν*. Тутъ Контр-уйгуры прямо названы племенемъ гуннскимъ. Въ этомъ показаніи нѣтъ рѣшительно ничего невѣроятнаго: оно доказываетъ, что византийцы смотрѣли на уйгуровъ, какъ на часть прежняго гуннскаго политическаго тѣла. Можно принять, что *Κοντριγούροι* есть просто описка, вмѣсто *Κοτρίγούροι*; замѣчу, что Диндорфъ читаетъ *Κουτρίγούροι* вмѣсто *Κοντριγούροι*.

Наконецъ еще одинъ разъ упоминаетъ объ Утигурахъ Менандръ подъ 575 г., говоря о посольствѣ Валентина ³⁾, къ государю тюрковъ. По пути туда (говорить историкъ) онъ вступилъ въ землю Аккагасъ — таково имя женщины, правившей этою частью скивовъ, которая власть свою получила благодаря вліянію воеводы Утигуровъ (*ὅς ἐκράτει τοῦ φύλου τῶν Οὔτιγούρων*). Турксанъ, государь тюрковъ, упоминаетъ объ Утигурахъ въ своей рѣчи: обращаясь къ Валентину, онъ воскликнулъ: «Вспомни объ участи Аланъ и Утигуровъ: они напали на тюрковъ, на непобѣдимый народъ, и вотъ они не достигли ничего изъ того, чего хотѣли, и должны теперь служить имъ, какъ рабы». Тутъ надо съ особенной силой указать на то, что Аланъ онъ называетъ *τὰ Ἀλανικά ἔθνη*, т. е. аланскій народъ, а утигуровъ — *τὰ φύλα τῶν Οὔτιγούρων* — роды, колѣна утигуровъ. Это ясно намекаетъ на то, что Аланъ онъ характеризуетъ какъ народъ чуждый тюркамъ, а утигуровъ какъ тюрковъ, какъ колѣна его собственнаго народа.

Еще нѣсколько упоминаній о разныхъ уйгурскихъ племенахъ встрѣчаемъ мы у Агаѳіаса. Подъ 554 г. ⁴⁾ по поводу персидской войны онъ говоритъ о землѣ народа *Ὀνόγούροι*, которые въ его время занимали Персію. Они, говоритъ онъ, получили свое имя

1) Corp. Script I, pag. 301. Dindorf, p. 55.

2) Corp. Script I, pag. 310. Dindorf, p. 62, 18.

3) Bekker, 399—401. Dindorf, 85 и 87.

4) *Agathiae Histeriarum* III, 5, ed. Niebuhrii, pag. 146, ed. Dindorf, p. 243.

отъ гуннскаго племени Он-уйгуровъ (Οὐννων, ἰσως ἐν τοῖς ἀνω-
 χρόναις τῶν δὴ Ὀνογοῦρων ἐπιλεγομένων, αὐτοῦ του συμβαλόντων
 τοῖς Κόλχοις καὶ εἶτα νενικημένων). Далѣе Менаандръ, повѣствуя о
 событіяхъ 558 года, сообщаетъ, что къ востоку отъ болота
 Μαίωτις и къ сѣверу отъ Дона по направленію къ Азіи съ не-
 запамятныхъ временъ обитали варварскія племена, носившія
 общее имя гунновъ или скивовъ. Въ особенности же усвоилось
 это имя двумъ племенамъ: Котригурамъ и Утигурамъ (τὸ μὲν τι
 αὐτῶν Κωτρίγουροι τὸ δὲ Οὐτίγουροι), но также Ултизурамъ¹⁾,
 Буругундамъ и еще нѣкоторымъ. «Въ томъ году, когда въ городѣ
 открылась моровая язва, гунны двинулись къ югу и расположи-
 лись не вдалекѣ отъ нагорнаго берега Дуная. Дѣло было зимою
 и рѣка покрылась такимъ толстымъ слоемъ льда, что ее можно
 было перейти пѣшему и конному. Тогда Заберганъ, вождь котри-
 гурскихъ гунновъ (Ζαβεργάν, ὁ τῶν Κωτρίγοῦρων Οὐννων ἡγεμῶν),
 переправился черезъ рѣку въ римскую территорію съ большей
 частью своей конницы. Найдя землю незаселенною, онъ пошелъ
 во Θρακίю. Отсюда часть его войска повернула въ Элладу, дру-
 гая во Θρακίϊσκῆι Χερσονεσῆι». Описавъ послѣдовавшіе затѣмъ
 опустошительные походы Забергана, Менаандръ продолжаетъ:
 «Самъ онъ съ 7000-ми всадниковъ пошелъ прямо къ Констан-
 тинополю, разорилъ нивы, напалъ на поселенія и все привелъ
 въ смятеніе и безпорядокъ. Причина его нападенія была без-
 честность и алчность варваровъ, а поводомъ послужило имъ не-
 доброжелательство къ Утигурамъ. Одинъ Гуннъ, по имени Сан-
 дилхъ, предводительствовавшій этимъ племенемъ, былъ благо-
 расположенъ и заключилъ союзъ съ римлянами. За это импера-
 торъ любилъ и чтилъ его и приобрѣлъ его дружбу частыми
 подарками. А такъ какъ Котригуры не получали ничего подоб-
 наго, то и сочли нужнымъ предпринять этотъ походъ, чтобы вну-
 шить страхъ къ себѣ и не оставаться, по прежнему, пренебре-
 женными».

1) Ibid. V. 11.

2) = Олтусъ-уйгуры?

Итакъ еще во второй половинѣ VI вѣка уйгуры еще сплывались въ значительныя политическія тѣла, и чувствовали въ себѣ силы, чтобы предпринимать далекіе походы, напр. въ придунайскія земли ¹⁾). Позже, какъ кажется, они окончательно осѣли на земляхъ вокругъ Каспійскаго моря и къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта. Это доказываетъ слѣдующая замѣтка, находящаяся въ *Cosmographia Ravennatis Anonymi* ²⁾): *Item juxta mare Ponticum ponitur patria, quae dicitur Onogoria, quam subtilius Livanius philosophus vicinam paludis Maeotidis orientalis esse decernit, adserens multitudinem piscium ex vicinantibus locis habere, sed ut barbarus mos est, insulae eos perfruere*. Поэтому мы вправѣ допустить, что еще въ VII вѣкѣ Он-уйгуры жили къ сѣверу отъ Кавказа. Въ послѣдній разъ упоминаетъ объ уйгурахъ, какъ племени тюрковъ, письмо хазарскаго хана, гдѣ въ числѣ 10 колѣнъ, составляющихъ хазарскій народъ, названы также 𐰽𐰺𐰍. Въ VII и VIII вѣкѣ племя уйгуровъ было несомнѣнно еще очень многочисленно въ этихъ мѣстностяхъ; между тѣмъ позже оно вовсе не выступаетъ на сцену среди тюркскихъ племенъ, игравшихъ роль въ исторіи южной Россіи; это даетъ намъ право предположить, что оно распалось на роды и слилось съ сосѣдними народами. Къ этимъ народамъ, очевидно, принадлежатъ тѣ финскія племена, которыя обитали къ сѣверу отъ Кавказа и въ Поволжьѣ; они подпали, очевидно, въ послѣдствіи подъ власть уйгурскихъ владѣтельныхъ домовъ и въ слѣдствіе этого стали называться у сосѣдей Юграми или Уграми. Къ нимъ я бы причислилъ 2 народа: чувашей (булгарь?) и мадьяръ. Въ языкахъ обоихъ этихъ народовъ есть слѣды наслоеній тюркскихъ элементовъ рѣчи. Чувашаи остались на Волгѣ, и будучи тутъ подвержены постоянному вліянію сосѣдей и государей тюркскаго племени,

1) Theophylactus (ed. Bekkeri, pag. 283 sqq.) называетъ также нѣсколько изъ вышеприведенныхъ гуннскихъ племенъ 'Οὔγουρ'овъ (Уйгуровъ) на Волгѣ (Ἰνδα ὁ Τῆλ διαρρεῖ ποταμός), Οὐνουγούρ'овъ (Он-уйгуры) и Κοτταγούρ'овъ (безъ сомнѣнія вмѣсто Κοτρίγούροι).

2) *Ravennatis Anonymi Cosmographia*; ediderunt Pinder et Partley. Berolini 1860. Lib. IV, cap. 2.

въ концѣ концовъ переняли тюркскій языкъ сами; мадьяры же, получившіе по своимъ тюркскимъ государямъ отъ сосѣдей и современниковъ имена Югровъ, ungari и пр., ушли на западъ и сохранили тамъ въ чистотѣ свое финское (угрское) нарѣчіе.

с) Извѣстія объ Уйгурахъ у мусульманскихъ писателей.

Связные рассказы о народѣ Уйгурахъ, которые мы находимъ у Рашидъ-эд-Дина, Джувейни и Абу-ль-Гази, носятъ, вообще говоря, такой легендарный характеръ, что я считаю ихъ за чисто народныя преданія и потому помѣстилъ ихъ отдѣльно отъ исторически достовѣрныхъ извѣстій.

Первыя болѣе точныя свѣдѣнія о распространеніи тюркскихъ племенъ мы находимъ въ «Книгѣ путей и государствъ» — сочиненіи Ибнъ-Хордадбы, относящемся ко второй половинѣ 9 столѣтія. На стр. 30 и 31 мы читаемъ:

«Отъ верхняго Нушаджана до столицы хакана Тогузгуровъ¹⁾ (т. е. Тогузь-Уйгуровъ) три дня пути по землѣ, богатой пастбищами и усѣянной многочисленными городками. Жители, тюрки по происхожденію, исповѣдуютъ либо огнепоклонничество, либо религію Мани (несторіанство). Царь ихъ обитаетъ въ обширномъ городѣ, снабженномъ двѣнадцатю желѣзными воротами. Народъ исповѣдуетъ манихейство. Къ сѣверу лежитъ страна Кеймековъ, къ востоку Китай на разстояніи 300 парасанговъ. Царь Тогузгуровъ обладаетъ золотой палаткой, находящейся у него передъ дворцомъ; въ ней помѣщается 100 человекъ и она видна за пять парасанговъ. Царь Кеймековъ живетъ среди пастбищъ въ палаткахъ. Мѣстность, въ которой онъ обитаетъ, отдѣляется отъ Тараза степью, которая простирается на 81 день пути. Страна, обитаемая Тогузгурами, наиболѣе обширная изъ всѣхъ, занимаемыхъ тюрками. Она окружена Китаемъ, Тибетомъ и странюю

1) Это правильное чтеніе установлено проф. Григорьевымъ. У позднѣйшихъ арабскихъ писателей تغرغز, что прежде читалось Тагазгазъ.

Харлыховъ. Другія тюркскія племена суть: Кеймекъ, Гуззъ, Джыгыръ, Беченекъ, Туркашъ, Адкешъ, Киошакъ, Хырхызъ, земля которыхъ производитъ мускусъ¹⁾, Харлыхъ и Халаджъ, которые живутъ по ту сторону рѣки».

Около ста лѣтъ спустя, Масуди сообщаетъ намъ слѣдующія свѣдѣнiя о Тогузгурахъ въ своей «Книгѣ золотыхъ луговъ»²⁾: «Иные-же отдѣлились отъ нихъ, чтобы поселиться въ степяхъ, какъ напр. Тюрки, Харлыхи и Тогузгуры, обитающіе въ городѣ Кушанъ (Као-чанъ или Куша?), который лежитъ между Хорасаномъ и Китаемъ, и составляющіе нынѣ (т. е. въ 943 г.) наиболѣе могущественное, мужественное и наилучше управляемое племя тюрковъ. Ихъ князь носитъ титулъ Еръ-хана (Еръ = мужъ, богатырь) и они одни изъ всѣхъ народностей исповѣдуютъ манихейство. Къ тюркамъ-же принадлежатъ: Кеймеки, Барсаки, Бедіи, Джыгыры, Гуззы, наиболѣе храбрые изъ нихъ всѣхъ, и Харлыхи, отличающіеся красотой и высокимъ ростомъ. Послѣдніе живутъ въ Ферганѣ, Шашѣ и окрестныхъ мѣстностяхъ. Прежде они царствовали надъ всѣми другими тюркскими племенами, и изъ ихъ рода происходитъ хаканъ хакановъ, который послѣ ихъ царствованiя соединилъ всѣ тюркскія государства и царилъ надъ ихъ князьями».

Слово «Харлыхи»³⁾ попало сюда должно быть по ошибкѣ, такъ какъ выше они уже были названы вмѣстѣ съ Тогузъ-Уйгурами. Карлыки никогда не жили въ Ферганѣ, изъ ихъ рода не происходитъ никакой «хаканъ хакановъ». Весь послѣдній отрывокъ относится къ Гуззамъ или Узамъ. Если моя конъектура правильна, то Гузы (Узы можетъ быть все равно что «юзь», т. е. «сто племенъ»), надо думать, не что иное, какъ Ту-гю у китайскихъ писателей, т. е. тѣ тюрки, которые за нѣсколько вѣковъ

1) Здѣсь нѣтъ ошибки, какъ думаетъ де Гусе. Земля киргизовъ у Кемчика и между этой рѣкой и Телецкимъ озеромъ еще доннынѣ богата мускусными животными.

2) Maçoudi, édit et traduit par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris 1866, ч. I, стр. 288.

3) Въ текстѣ стоитъ собственно ал-Х-зджіе (?).

до того основали большое тюркское государство, которому были подчинены всѣ земли, лежащія къ западу отъ Алтая; память объ этомъ государствѣ могла сохраниться въ народѣ до X столѣтія. На нихъ же могло быть перенесено и сказаніе объ Огузь-ханѣ и происхожденіи различныхъ племенъ, сказаніе, относившееся первоначально къ древнему царству Хунъ-ну. Ниже¹⁾ Масуди перечисляетъ четырехъ наиболѣе могущественныхъ властителей и причисляетъ къ нимъ и царя Тогузь-Уйгуровъ: «Къ нимъ надо еще причислить царя турецкаго, владѣющаго городомъ Кушаномъ и царствующаго надъ Тогузгурами. Ему присвоятъ титулъ «царя дикихъ звѣрей» или «царя коней», ибо ни у кого изъ земныхъ царей нѣтъ болѣе храбрыхъ воиновъ подъ началомъ, которые охотно проливаютъ за него кровь, и ни у кого нѣтъ такого большаго числа лошадей. Его царство отграничено отъ Хорасана и Китая. Что его касается, то онъ носитъ титулъ Ерь-хана, и, хотя есть много тюркскихъ князей и много народностей, никому не подчиненныхъ, но никто изъ нихъ не выражаетъ притязаній сравняться съ нимъ по значенію». Относительно титула «Царь дикихъ звѣрей» замѣчу, что это вѣроятно переводъ Арсланъ-хана (Льва-царя). Масуди толкуетъ это наименованіе, какъ-бы оно имѣло значеніе «царя надо львами (дикими звѣрями)», т. е. начальника весьма храбрыхъ войскъ. Это однако совершенно невѣрно, такъ какъ титулъ уйгурскаго царя не «арсланъ-ханъ», а «арсланъ-ханъ».

Насчетъ географическаго положенія страны Тогузь-Уйгуровъ и прочихъ племенъ, я приведу еще одно мѣсто изъ аль-Истахри (серед. X вѣка)²⁾: «Les Gouzzes sont établis entre les Kaymaks, le pays des Kharloks et les Bulgares. Les Kaymaks demeurent au delà des Kharloks au côté du nord. Les Kirghiz ont leurs habitations entre les Tagasgaz, les Kaymaks, l'océan et le pays des Kharloks. La demeure des Tagasgaz est entre le Tibet, le pays des Kharloks et l'empire de la Chine».

1) Ibid., стр. 359.

2) M. Reinaud, Géographie d'Aboulféda. Paris 1848. Tome II, part. I, 290.

Судя по этому последнему размѣщенію племень, Тагазгазы (т. е. Тогузь-Уйгуры) занимали область Восточнаго Туркестана, къ югу до Тибета, къ сѣверу до Тянь-Шаня и къ западу приблизительно до Канъ-су. Киргизы жили между Тангну Ола и восточнымъ Тянь-Шанемъ, а Карлыки — между Тянь-Шанемъ, Тарбагатаемъ и Алтаемъ. Сѣверную часть киргизской степи и самый Алтай занимали, вѣроятно, Кеймеки; тогда какъ племена Гузовъ обитали въ обширной области отъ Ферганы до рѣки Урала.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что подъ государствомъ Тогузгуръ цитованные выше арабскіе писатели разумѣютъ то самое уйгурское государство, которое было основано въ серединѣ 9-го вѣка Панъ Тѣрэ на востокѣ отъ Канъ-су и которое, какъ это видно изъ свѣдѣній, находящихся у арабскихъ писателей, достигло втеченіе ста лѣтъ значительнаго могущества. Особенно любопытно, что арабы называютъ это государство государствомъ Тогузь Уйгуровъ. Китайскіе источники сообщаютъ тоже при разсказѣ объ основаніи уйгурскаго царства на Орхонѣ, что первые уйгурскіе князья царствовали надъ девятью племенами. Итакъ мы вправѣ допустить, что уйгурскія племена, оставшіяся на сѣверѣ послѣ распадѣнія царства Хунъ-ну, и были упоминаемые у Рашидъ-эд-Дина Тогузь-Уйгуры, и что главная масса Онъ-Уйгуровъ не оставалась болѣе во время основанія царства Ту-гю (т. е. въ V вѣкѣ) на востокѣ, а какъ и Хунъ-ну, двинулась на западъ.

Къ концу X вѣка въ Восточномъ Туркестанѣ появляется, по словамъ мусульманскихъ историковъ¹⁾, новая мусульманская династія, которая вообще носить имя «Ильковъ» или «Илекъ-хановъ». Ихъ навѣрное слѣдуетъ называть «Еликъ-ханами», судя по начертанію этого титула въ Кудатку Биликѣ. Происхожденіе этого княжескаго рода и его отношеніе къ династіи Арслановъ Каочанскихъ, т. е. царей послѣдняго уйгурскаго

1) Сравни также B. Dorn, Über die Münzen der Heke oder ehemaligen Chane von Turkistan. Mélanges Asiatiques. Pétersbourg 1884, T. VIII, p. 704 et 705.

государства, темно и должно быть во всякомъ случаѣ еще разслѣдовано. Дорнъ пытался въ своемъ трудѣ согласить монетныя данныя съ извѣстіями мусульманскихъ писателей, но у него было слишкомъ мало матеріала. Въ послѣдніе годы были собраны богатыя коллекціи илецкихъ монетъ, изъ которыхъ многія снабжены уйгурскими надписями. Можно надѣяться, что баронъ Тизенгаузенъ, занимающійся ими уже нѣсколько лѣтъ, вскорѣ опубликуетъ результаты своихъ изысканій.

Можно принять за вѣрное, что уже во второй половинѣ X вѣка исламъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ восточной части уйгурскаго государства, и что вслѣдствіе этого тѣ изъ уйгурскихъ племенныхъ князьковъ, которые приняли исламъ, возвысились до царей надъ тою частью этого государства, въ которой господствующею религіею былъ исламъ. Что это были мѣстные восточно-тюркскіе (уйгурскіе) князья (бывшіе навѣрное сперва въ зависимости отъ уйгурскихъ сюзереновъ), несомнѣнно во-первыхъ потому, что мусульманскіе писатели (Ибн-ал-Асиръ, Ибн-Халдунъ) называютъ ихъ просто «Ильханскими царями» или, какъ напр. Ахмедъ Эфенди, «Туркестанскими князьями изъ рода Афрасіаба»¹⁾, а во-вторыхъ потому, что жившіе въ то время мусульманскіе писатели нигдѣ не упоминаютъ о вторженіи или поступательномъ движеніи западныхъ тюрковъ въ Восточный Туркестанъ, ниже о насильственномъ распространеніи тамъ ислама. Если-бы Илеки происходили изъ какого-нибудь извѣстнаго арабамъ царскаго рода, то они бы не производили ихъ прямо отъ Афрасіаба. Также несомнѣнно и то, что у арабскихъ писателей сохранились-бы извѣстія о вторженіи мусульманскаго государства въ страну Тогузгуровъ. Лишь постепенно увеличивавшаяся автономія отдѣльныхъ частей въ области вообще малоизвѣстной и лишь постепенное нарастаніе мусульманскихъ общинъ, можетъ быть уже давно возникшихъ, могли ускользнуть отъ вниманія современниковъ. Мое предположеніе, что Илековъ надобно

1) В. В. Григорьевъ. «Караханиды въ Маверааннагрѣ». Труды Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества, 1874. Т. XVII, стр. 193:

безусловно считать уйгурскими царями, подтверждается главнымъ образомъ еще и сказаніемъ въ «Тарихи Джахангушай», заимствованнымъ изъ уйгурскихъ источниковъ. Въ немъ говорится, что первымъ уйгурскимъ ханомъ былъ Буку-ханъ (вѣроятно правильнѣе было-бы Букра-ханъ), и что онъ выстроилъ городъ Беласагунъ. Этотъ рассказъ возникъ на основаніи различныхъ и разновременныхъ историческихъ сказаній, приуроченныхъ къ одной личности, которая и сдѣлалась героемъ, участвующимъ во всей исторіи народа. Букра-ханы, столицею которыхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, былъ Беласагунъ, и которые нѣкоторое время владѣли всѣмъ Маверааннагромъ, превратились въ одного Букра-хана; царствованіе его отнесено къ гораздо болѣе раннему времени, и вокругъ него сгруппировались преданія о величій сѣвернаго уйгурскаго и о распространенности южнаго уйгурскаго государства и, можетъ быть даже, о древнѣйшемъ національно-тюркскомъ героѣ Мете (т. е. Огузь-ханѣ). Съ Афрасиабомъ отождествляетъ его уже навѣрное только ученый персидскій авторъ «Тарихи Джахангушай». Такое приуроченіе уйгурской исторіи къ Букра-хану могло быть возможно только въ томъ случаѣ, если Букра-ханы, т. е. Илеки были въ глазахъ народа *уйгурскими* царями; въ этомъ онъ не могъ ошибаться, такъ какъ со времени царствованія Илековъ до написанія «Тарихи Джахангушай» прошло не болѣе двухсотъ лѣтъ. Если уйгурскій царь Ба-р-шу называетъ того-же героя основателемъ уйгурскаго государства, то надо предположить, что власть Букра-хановъ простиралась далеко на востокъ и что Арсланъ-ханы Каочана, можетъ быть, были имъ подвластны. Далѣе надо думать, что Идикуты Каочанскіе образовали самостоятельно государство лишь послѣ того, какъ Илеки были покорены царями Киданскими. Сказаніе о переселеніи уйгуровъ изъ Беласагуна въ Бишъ-балыкъ есть навѣрное не болѣе какъ отголосокъ сказанія о болѣе раннемъ возвращеніи уйгуровъ изъ Орхона на юго-западъ, или можетъ быть о еще болѣе раннихъ переселеніяхъ Хунъ-ну, приуроченный къ послѣднему передвиженію уйгуровъ

къ востоку, вызванному напоромъ Киданей. Но какъ далеко простиралась власть Илекъ-хановъ на востокъ и въ какомъ отношеніи они стояли къ восточно-уйгурскимъ ханамъ, — совершенно неизвѣстно. Во введеніи къ Кудатку Билику Илекъ-ханъ, которому авторъ посвящаетъ свое сочиненіе (отъ 1069 г.), называется слѣдующими именами: «Царь востока и весьма славный ханъ, царь Бугра-ханъ», «Этотъ славный Кара Бугра ханъ надъ ханами»; въ другомъ мѣстѣ говорится: «Міромъ управлялъ этотъ славный, великій Бугра-ханъ». Въ «Оглавленіи» Кудатку Билика онъ называется «Ханъ Ордукента, князь». На имѣющихся монетахъ въ титулахъ этихъ хановъ (до 410—416 г., т. е. за 40—50 лѣтъ до Кудатку Билика) читается только «еликъ» или «ал-эмиръ». Лишь позже присоединяются слова «Тапкачъ (славный) ханъ и хаканъ». Это указываетъ на постепенное возрастаніе могущества этихъ властителей.

Попытаюсь вкратцѣ изложить здѣсь все то, что намъ извѣстно о порядкѣ, въ которомъ царствовали Илеки.

Въ качествѣ основателя царства Илековъ называютъ Абд-ал-Керимъ Кара-ханъ Сатукъ, который принялъ исламъ и всю жизнь свою старался объ его распространеніи¹⁾. Ему наследовалъ его сынъ Муса-бенъ-Сатукъ. Преемникомъ его называютъ «Шихабъ эд-Девлетъ-Гарунъ ибн-Сулеймана», прозваннаго «Бугра-ханомъ», царя Кашгарскаго и Беласагунскаго, царство котораго доходило до границъ Китая. По Ибн-ал-Асиру²⁾, властитель Хорасана предложилъ ему отнять у Саманидовъ Бухару; онъ дѣйствительно покорилъ весь Маверааннагръ и взялъ Бухару, но затѣмъ заболѣлъ и на возвратномъ пути умеръ (въ 383 или 384 году гиджры).

Послѣ него являються, по монетнымъ даннымъ, два Илекъ-хана «Насир-эл-Хаккъ Абу-ль-Хасанъ (Хусейнъ?) Насръ-бенъ Али-бенъ-Муса (монеты отъ 389—401 г.) и Кутбъ-эд-Девлетъ Абу Насръ Ахмедъ-бенъ Али-бенъ-Муса (монеты 400—401 г.).

1) Dorn, Nachträge, Mélanges Asiatiques. Т. IX, стр. 56.

2) Изданіе Торнберга, ч. IX, стр. 68—70.

Одна изъ монетъ перваго изъ нихъ чеканена въ Бухарѣ (390) и носить надпись съ титуломъ Арсланъ-Илекъ, что указываетъ на родственную связь между родомъ Сатука и Арсланъ-ханами. Такъ какъ монеты съ этими именами биты въ Бухарѣ, Ходжендѣ и Самаркандѣ, то несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ нѣсколько времени эти цари владѣли и этими городами.

Ахмедъ Эфенди¹⁾ называетъ, опираясь на арабскіе источники, преемникомъ Гарунъ Бугра-хана Шемсъ-эд-Девлетъ Илекъ-хана, и рассказываетъ о различныхъ военныхъ дѣйствіяхъ его въ Бухарѣ; онъ нѣсколько разъ терпитъ пораженіе, но постоянно снова вторгается въ Маверâаннагръ и призываетъ на помощь Бугра-хана Хотанскаго. Однако оба союзника терпятъ въ 397 году пораженіе отъ Саманида Йеминъ эд-Девлетъ. Шемсъ-эд-Девлетъ умираетъ въ 403 году во время приготовленій къ новому походу. Дорнъ полагаетъ, что Шемсъ-эд-Девлетъ и Кутбъ-эд-Девлетъ — одно лицо. Мнѣ бы хотѣлось указать на то, что здѣсь является еще другой самостоятельный уйгурскій князь въ области уйгурскаго государства, князь Хотанскій, котораго называютъ также Бугра-ханъ. (Ибнъ-ал-Асиръ называетъ его Кадиромъ, сыномъ Бугра-хана, а Ибнъ-Халдунъ Кара-ханомъ). Это указываетъ на дальнѣйшее раздѣленіе уйгурскаго государства.

Преемникомъ Шемсъ-эд-Дина историки называютъ Тоганъ-хана, который на монетахъ носить имя Тоганъ Бенъ-Али. Онъ заключилъ миръ съ Саманидами и умеръ уже въ 409 г. Когда онъ заболѣлъ (въ 408 г.) изъ Китая выступило войско въ 300,000 кибитокъ и приблизилось къ Беласагуну на разстояніи трехъ дней пути. Тоганъ вышелъ противъ него съ 120,000 войска; враги, услыхавъ объ этомъ, отступили. Тоганъ преслѣдовалъ ихъ въ продолженіе 3 мѣсяцевъ, истребилъ ихъ и, воротясь въ Беласагунъ, умеръ. Ахмедъ Эфенди говоритъ, что «неверные» были изъ Китая (ختای), Ибнъ-ал-Асиръ выводитъ ихъ изъ Сина

1) Караханиды (ibidem 196).

(الصين). Несомнѣнно это было войско, состоявшее изъ кочевыхъ уйгуровъ (христіанъ или язычниковъ), если мы здѣсь не имѣемъ дѣла съ первымъ напоромъ тибетцевъ, которые, какъ мы уже видѣли, черезъ 10 лѣтъ послѣ того отняли у уйгурскихъ хановъ области, граничившія съ Китаемъ.

За Тоганомъ слѣдовалъ его братъ Шерефъ-эд-Динъ Абу-ль-Музафферъ Арсланъ-ханъ бен-Али, который сначала воюетъ съ Хотанскимъ царемъ Кадиромъ, но потомъ заключаетъ съ нимъ миръ и въ союзѣ съ нимъ нападаетъ на Йеминъ эд-Девлета. Союзники терпятъ поражение, и вслѣдствіе этого ханъ отдаетъ свою власть Кадиръ-ханъ-Юсуфу, сыну Бугра-Гаруна. Послѣдній жилъ въ Мавераннагрѣ и впоследствии покорилъ Хотанъ.

Послѣ смерти Кадиръ-хана (въ 423 году) властителемъ Кашгара, Хотана и Беласагуна пазываютъ Шерефъ-эд-Девлетъ-Абу-Шуджа-Арсланъ-хана. Другія области достались его брату Арсланъ Тегину и Махмуду Бугра-хану; позже Бугра-ханъ вытѣснилъ Арсланъ-хана и завладѣлъ всей страной Илековъ; онъ царствовалъ до 439 года. Этотъ Бугра-ханъ и есть первый Илекъ, носящій на монетахъ титулъ Тафкача. Послѣ его смерти въ царской семьѣ начинаются смуты, которые постепенно ведутъ государство къ упадку. Я не намѣренъ входить въ подробный разборъ историческихъ извѣстій объ этомъ періодѣ и сравнивать ихъ съ монетными данными, такъ какъ, по увѣреніямъ барона Тизенгаузена, монеты этого времени такъ разнообразны, что нужно допустить, что страна распалась на множество самостоятельныхъ государствъ, которые и были наконецъ въ XII вѣкѣ завоеваны Киданями. Такимъ образомъ я прерываю здѣсь сводъ извѣстій объ Илекахъ въ надеждѣ, что вскорѣ болѣе компетентное лицо займется распутываніемъ и выясненіемъ ихъ взаимныхъ отношеній. Вышесказаннаго вполне достаточно, чтобы составить себѣ понятіе объ исторіи этихъ мусульманскихъ уйгурскихъ князей, на сколько это вообще возможно.

По словамъ историковъ Кара Бугра-ханъ умеръ въ 439 году. Между тѣмъ Кудатку Биликъ былъ представленъ какому-

то Кара Бугра-хану въ Кашгарѣ послѣ написанія его въ 462 году, такъ говорится во введеніи къ нему. Слѣдовательно послѣ 439 года долженъ былъ существовать еще одинъ Кара Бугра-ханъ. Такъ какъ такого имени не встрѣчалось въ извѣстныхъ мнѣ монетныхъ надписяхъ, то я обратился за разъясненіями къ господину Тизенгаузену, который сообщилъ мнѣ слѣдующее:

1) Имя Бугра-хана встрѣчается на одной монетѣ отъ 440 года, значитъ онъ умеръ не въ 439 году.

2) Съ именемъ Кара Бугра Илека встрѣчается цѣлый рядъ монетъ отъ 467—487 г.

3) Титулъ «Царь востока» находится на монетахъ отъ 402—409 годъ, титулъ «Царь востока и Китая» — на монетахъ съ 459 года.

Въ заключеніе я позволю еще себѣ указать на возможность того, что Арсланъ-ханъ и Кара Бугра-ханъ (или по монетнымъ надписямъ Бугра-ханъ Кара-хаканъ) не что иное какъ титулы сюзерена, и что большая часть монетъ чеканена на западѣ разными мелкими подчиненными князьками или намѣстниками.

4. Обзоръ исторіи Уйгуровъ.

Китайскія лѣтописи повѣствуютъ съ древнѣйшихъ временъ о борьбѣ съ многочисленными сѣверными варварами, которые очевидно принадлежали частью къ тунгузскимъ, частью къ тюркскимъ племенамъ. Тунгузы жили на сѣверо-востокѣ до Тихаго Океана, между тѣмъ какъ тюрки обитали къ югу отъ Желтой рѣки и въ западныхъ горахъ до границъ Тибета. Съ усиленіемъ китайскаго государства тюркскія племена отгѣснялись все далѣе на сѣверъ и западъ, такъ что въ IV вѣкѣ уже лишь незначительная часть ихъ жила по лѣвому берегу Желтой рѣки. О томъ, какъ далеко простирались владѣнія тюрковъ къ сѣверу и западу, у насъ, разумѣется, никакихъ извѣстій не имѣется.

Въ серединѣ III вѣка до Р. Х. многія тюркскія племена соединились въ одно могущественное государство, которое китайцы называютъ государствомъ Хунь-ну, достигшимъ въ царствованіе Мете (209—179) наибольшаго значенія. При этомъ китайскіе источники уже даютъ намъ возможность получить нѣкоторое понятіе о географическомъ распредѣленіи тюрковъ. Они распадутся на тюрковъ западныхъ и восточныхъ, враждующихъ другъ съ другомъ, которые соединились вмѣстѣ лишь благодаря походамъ Мете. Восточные тюрки состоятъ изъ Уйгуровъ (у китайцевъ самаго ранняго времени «ху»), которые занимаютъ область между Тангну Ола и Желтой рѣкой и къ югу отъ Тянь-Шаня до бассейна рѣки Тарима. Къ сѣверу отъ нихъ живутъ Динь-Линь (Теленгиты) около Тангну Ола, Кыргызы (Кя-кяси) по Енисею, Карлыки и Тюрки (Ту-гю) въ Алтаѣ и къ югу до Тарбагатая. Въ числѣ западныхъ тюрковъ китайцы называютъ У-сунь къ югу отъ Балкаша, далѣе на западъ Канглы (Кан-гю) до Аму-Дарьи, къ юго-западу отъ нихъ до Каспійскаго моря Юэ-джи и къ сѣверу отъ послѣднихъ Ю-шэ. Мете покоряетъ всѣ эти племена, равно какъ и лежащіе между ними города и государства съ иранскимъ населеніемъ; онъ принуждаетъ платить себѣ дань даже китайскаго императора. Чтобы упрочить свою влѣсть, онъ дѣлитъ свое государство на 24 части и во главѣ каждой ставитъ племеннаго вождя; внутреннее устройство ихъ военное, по отрядамъ въ 10, 100, 1000 и 10,000 человекъ. Высшую власть надъ 24 племенами онъ сосредоточиваетъ въ рукахъ 6 князей изъ своего рода и ихъ 6 помощниковъ.

Уйгуры состояли изъ 19 племенъ, соединявшихся въ свою очередь въ 2 болѣе крупныя группы, а именно Онъ-Уйгуровъ (десяти-племенныхъ Уйгуровъ) и Тогузь-Уйгуровъ (девяти-племенныхъ У.), изъ которыхъ первые жили на югѣ, а вторые къ сѣверу отъ нихъ. Ядро хуннскаго государства составляли повидимому Онъ-Уйгуры и не невѣроятно, что китайское наименованіе царства Хунь-ну есть не болѣе какъ искаженіе словъ Онъ-

Уйгурь, причѣмъ въ транскрипціи передаются только два первые слога «он-уй»¹⁾).

До 114 года могущество государства Хунь-ну держится неколебимо, простираясь на степное пространство, занимаемое тюркскими кочевниками, и на Восточный Туркестанъ; но затѣмъ начинается внутреннее разложене. Власть узурпируется нѣсколькими Тань-юями, враждующими между собою, такъ что наконецъ восточный Тань-юй Ху-хань-ѣ только тѣмъ и можетъ поддержать свою власть въ восточной части государства, что объявляетъ себя въ 56 году вассаломъ китайскаго императора.

Затѣмъ на востокъ образуются два государства Хунь-ну, сѣверное и южное; однако ни то, ни другое не можетъ установить прочнаго государственнаго порядка и внутреннее разложене идетъ все дальше и дальше. Сначала распадается сѣверное государство, а потомъ и поддерживаемое китайцами южное, окончательно павшее въ 215 году послѣ Р. X.

Одновременно съ увяданіемъ хуннскаго государства наблюдается усиленіе его сосѣдей съ востока, тунгузовъ. Тунгузское племя Сянь-бійцевъ возвышается и продвигается на западъ. Два сяньбійскихъ племени То-ба и Мо-юнь отгѣсняють тюрковъ отъ Желтой рѣки и завоевываютъ сѣверный Китай. Главная масса южныхъ Хунь-ну, т. е. Онъ-Уйгуровъ уже въ теченіе II и III вѣковъ постепенно передвинулась къ западу по степямъ, лежащимъ къ сѣверу отъ Тянь-Шаня, такъ что на юго-востокѣ оставались только уйгуры-поселенцы Восточнаго Туркестана, гдѣ они смѣшались съ китайцами и другими жителями городовъ. Къ нимъ принадлежать очевидно Кю-шэ въ Као-чанѣ, гдѣ жили почти исключительно уйгуры. Кроме того бассейнъ рѣки Тарима навѣрное былъ по большей части заселенъ уйгурами, такъ какъ Птолемей называетъ жителей этой страны «Οιχάρδα». Передвиженіе Онъ-Уйгуровъ къ западу происходило съ такою постепен-

1) Такъ-же вѣроятно, что Тань-юй, что значитъ по словамъ китайцевъ «Высшій», есть искаженіе словъ Тенгри оглы (сынъ неба), какъ назывались и сами китайскіе императоры.

ностью, что китайцы не могли сохранить для насъ никакихъ точныхъ извѣстій объ ихъ экспедиціяхъ. Лишь въ лѣтописи сѣверныхъ династій мы находимъ извѣстіе объ этомъ переселеніи Онъ-Уйгуровъ, а именно: при описаніи «Юэ-бань», турецкаго кочеваго племени (жившаго къ западу отъ Илійской долины), упоминается, что это есть потомки тѣхъ племенъ Хунъ-ну, которыя оставались тамъ послѣ того, какъ главная масса Хунъ-ну переселилась далѣе на западъ къ Канглы (Канъ-гю т. е. значить къ Аральскому морю). Фактъ поселенія Онъ-Уйгуровъ близъ Аральскаго моря былъ извѣстенъ въ Европѣ уже во II вѣкѣ, такъ какъ уже Діонисій Періегетъ сообщаетъ, что народъ *Ὀνοί* (или вѣрнѣе *᾽Ονοί*) обитаетъ по ту сторону Скивовъ, живущихъ по берегамъ Каспійскаго моря. Названіе *᾽Ονοί* указываетъ на то, что Онъ-Уйгуры назывались у своихъ сосѣдей просто «Онъ» или «Онларъ» (десять). Можетъ быть даже, что «Онъ» было названіе государства, которое Онъ-Уйгуры или «Онлары» сами дали ему¹⁾. Въ этихъ странахъ могущество Онъ-Уйгуровъ усиливается, такъ что въ началѣ IV столѣтія они начинаютъ распространять свою власть на западъ, и впослѣдствіи, привлекаемые богатствомъ Европы, передвигаются массами черезъ Уралъ на Западъ и основываютъ тамъ могущественное государство гуннскаго, которое при Аттилѣ привело въ трепетъ всю Европу. Послѣ смерти Аттилы гуннское государство распадается на отдѣльныя племена, которыя беспокоятъ восточную римскую имперію и являются въ этотъ періодъ подъ своими племенными на-

1) У турокъ мы часто встрѣчаемъ названіе союза родовъ въ формѣ протстаго имени числительнаго, указывающаго на число первоначально соединившихся родовъ. Такъ у сойонцевъ одинъ родъ называется Онларъ или Онъ-Уйгуръ, другой — у алтайцевъ Тогусъ (навѣрное вмѣсто Тогусъ-Уйгуръ), еще одинъ родъ называется «юзъ» (сто); у узбековъ есть могущественный родъ Кыркъ-пэнъ-юзъ (сто сорокъ). «Юзъ» наконецъ называется киргизскія орды. По всей вѣроятности «юзъ» же служило наименованіемъ союза кочевыхъ родовъ, которыхъ византійцы называютъ *Ὀῦζοι*, а арабы—«гузъ» вмѣсто «узъ». Равнымъ образомъ мы видимъ постоянно, что имена значительныхъ народовъ являются тождественными съ именами неважныхъ родовъ у сосѣднихъ народовъ, напр. у сагайцевъ есть родъ «Кыргызъ», а у алтайцевъ — «Сойонъ, Монголъ, Бурутъ, Кыпчакъ, Сартъ».

званіями Онъ-Уйгуровъ, Утигуровъ, Сары-Уйгуровъ и Котригуровъ. Во всякомъ случаѣ Онъ-уйгуры составляли наиболѣе могущественный союзъ, возникшій на развалинахъ царства хунновъ, ибо еще въ VII вѣкѣ европейскіе географы говорятъ о государствѣ Оногорія (къ сѣверу отъ Кавказа).

Затѣмъ имя «Уйгуръ» болѣе не употребляется на западѣ въ качествѣ названія самостоятельнаго союза тюркскихъ племенъ; вѣроятно большая часть этихъ восточныхъ тюрковъ смѣшалась съ волжскими финнами, своими сосѣдями и отчасти подданными втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ, а имя ихъ стало служить уже названіемъ для этихъ народовъ.

Во время того, какъ послѣ исчезновенія царства Хунъ-ну Онъ-Уйгуры передвигались къ западу, большая часть Тогузь-Уйгуровъ была отгѣснена въ сѣверную часть монгольской степи къ горамъ Тангнускимъ и истокамъ Енисея тунгузскими племенами, двигавшимися къ западу, и впоследствии попала подъ власть Жужанъ, которые основали могущественное государство между Байкальскимъ озеромъ и Карашаромъ. Въ концѣ V вѣка Тогузь-Уйгуры освободились на время отъ власти Жужанъ и образовали самостоятельное государство, которое китайцы называютъ Гао-гю. Въ VII вѣкѣ они дѣлаются подданными тюркскаго государства Ту-гю, которое кромѣ нихъ покоряетъ много другихъ народовъ тюркскаго племени и завязываетъ даже сношенія съ Византіей. Лишь въ 744 году Пей-ло, царь восточныхъ Уйгуровъ, объявляетъ себя самостоятельнымъ Кутлукъ Бекъ каганомъ и основываетъ царство Тогузь-Уйгуровъ. Что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ царствомъ Тогузь-Уйгуровъ, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что Пей-ло присвоивается китайцами наименованіе «Царя девяти племенъ»; такъ-же называются и его преемники, несмотря на то, что число подвластныхъ имъ племенъ увеличилось. Царство Тогузь-Уйгуровъ постепенно распространялось къ югу до Желтой рѣки и къ нему были присоединены и области Као-чана и Восточнаго Туркестана. Главнымъ городомъ хана Тогузь-Уйгуровъ былъ Кара-Корумъ на

Орхонѣ. Китайцы насчитываютъ 14 уйгурскихъ хакановъ, царствовавшихъ отъ 744—841 г. Внутреннія смуты подорвали однако могущество Тогузъ-Уйгуровъ на сѣверѣ, такъ что послѣдніе ихъ ханы подпали опять подъ власть китайцевъ. Наконецъ они были побѣждены (въ IX вѣкѣ) своими усилившимися сѣверо-восточными сосѣдями, Кыргызами, и вытѣснены изъ сѣверной части своихъ владѣній; послѣ этого они удалились къ юго-западу и осѣли въ западномъ Китаѣ, Восточномъ Туркестанѣ и области Хами, гдѣ и основали государство Арсланъ-хановъ, которое у арабскихъ писателей IX, X вѣка извѣстно подъ именемъ сильнаго государства Тогузъ-Уйгуровъ. Изъ описаній этого царства видно, что это не было дикое кочевое государство, а государство культурное, въ которомъ народъ занимался земледѣіемъ и ремеслами и пользовался извѣстнымъ благосостояніемъ. Среди этого народа распространялось и болѣе высокое духовное развитіе христіанскими и буддійскими проповѣдниками. Постепенно началъ въ западной части этого государства распространяться исламъ, вслѣдствіе чего уже въ X вѣкѣ тамъ возникли небольшія самостоятельныя ханства изъ уйгуровъ-мусульманъ, которыя вскорѣ соединились въ болѣе крупное царство, царство Илекъ-хановъ, главнымъ городомъ котораго былъ Беласагунъ и которое завладѣло Маверааннагромъ до Бухары. Юго-восточныя владѣнія Уйгуровъ были отняты у нихъ въ 1028 году Тангутами. Спустя приблизительно 100 лѣтъ Кара-кидане завладѣли всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ и областью Илековъ и сдѣлали своимъ главнымъ городомъ Беласагунъ. Такимъ образомъ царство уйгурское было ограничено своими сѣверо-восточными владѣніями Као-чаномъ и Бешъ-Балыкомъ и существовало подъ властью князя, называвшагося Идикутомъ и считавшагося вассаломъ Кара-киданей, пока онъ добровольно не подчинился при Чингизъ-ханѣ монголамъ, за что и пользовался довольно долгое время извѣстною самостоятельностью.
